

БИБЛИОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ,

издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 20.

Твореній блаженнаго Августина
Епископа Иппонійскаго

ЧАСТЬ 7.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

1893.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

Епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 7.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у. д. № 4.

1893.

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ за
1888--92 гг.

6282-0

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА,
ЕПИСКОПА ИСПАНИЙСКАГО,
О ВЪ ИСТИННОЙ РЕЛИГИИ
ОДНА КНИГА.

Сначала говорится о томъ, что истинной религіи нѣтъ ни у язычниковъ, ни въ какой-нибудь сектѣ, а есть она только въ каволической Церкви; затѣмъ раскрывается исторія Божественнаго домостроительства о спасеніи людей (что составляетъ сущность и основаніе христіанской религіи), и раскрывается такъ, что спровергаются заблужденія манихеевъ, особенно — о двухъ началахъ, или о происхожденіи и сущности зла. Говорится о двоякомъ пути, которымъ Богъ промышляетъ о людяхъ, призывая ко спасенію — върущихъ посредствомъ авторитета, а мыслящихъ посредствомъ разума; ибо человекъ, опирающійся на разумъ, отъ низшихъ предметовъ восходитъ до Бога, — стремится къ Нему вразумляется даже самыми пороками, о троякомъ родѣ которыхъ Августинъ ведетъ здѣсь пространную рѣчь, заканчивая ее тѣмъ, что въ истинной религіи должно почитать единого истиннаго Бога, т. е. Троицу: Отца, Сына и Святаго Духа.

ГЛАВА I.

Философы иначе учили о религіи въ школахъ и иначе исповѣдывали ее въ храмахъ.

Такъ какъ путь ко всякой добродѣтельной и блаженной жизни указанъ въ истинной религіи, въ которой почитается единый Богъ и съ чистѣйшимъ благоговѣніемъ по Творенія бл. Августина.

знается Начало всѣхъ природъ, отъ коего и начинается, и совершается, и сохраняется вселенная; то заблужденіе тѣхъ народовъ, которые хотѣли лучше чтить многихъ боговъ, чѣмъ единого истиннаго Бога и Господа всяческихъ, всего очевиднѣе открывается изъ того, что мудрецы ихъ, такъ называемые философы, школы имѣли различныя, а храмы чтили общіе. Ибо ни для народа, ни для жрецовъ не было тайною, какъ были различны представленія философовъ о природѣ самыхъ даже боговъ,—такъ какъ каждый изъ нихъ не боялся публично высказывать объ этомъ свое мнѣніе и, еслибъ было можно, не отказался бы всѣхъ убѣдить въ немъ,—и однако всѣ они вмѣстѣ съ своими, державшимися до противоположности различныхъ мнѣній, послѣдователями совершенно безпрепятственно посѣщали общія святины. Не буду теперь говорить, кто изъ нихъ имѣлъ болѣе правильныя представленія; въ настоящемъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, достаточно и того одного, что въ области религіи вмѣстѣ съ народомъ они держались одного, а частнымъ образомъ, въ слухъ того же самаго народа, защищали другое.

ГЛАВА II.

Какъ думалъ о богахъ Сократъ.—Настоящій міръ, принимаемый за Бога.

Но Сократъ, говорятъ, былъ смѣлѣе другихъ, клянясь всякою собакою, всякимъ камнемъ и вообще всѣмъ, что только находилось предъ глазами и, такъ сказать, попадало подъ руку, когда онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ блятвѣ. Я думаю, онъ понималъ, что каждое изъ произведеній природы, которое возникаетъ по волѣ Божественнаго промысла, гораздо лучше, чѣмъ произведенія людей и какихъ угодно художниковъ, а потому и болѣе достойно божескаго почтенія, чѣмъ то, что стилилось въ храмахъ. И это не потому, чтобы камень и

собака дѣйствительно достойны были почитанія мудрецовъ, а потому, чтобы, кто могъ, понялъ отсюда, въ какое глубокое суевѣріе люди погружены были; такъ что освобождающимся отъ него нужно было показать и эту мерзостнѣйшую ступень его, дабы они видѣли, что если уже на ней находится постыдно, то стоять на болѣе мерзостной еще постыднѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изобличалъ и мерзостное воззрѣніе тѣхъ, которые видимый міръ сей считали высшимъ Богомъ, дѣлая отсюда послѣдовательный выводъ, что (въ такомъ случаѣ) по праву слѣдуетъ чтить и всякій камень, какъ частицу высшаго Бога. А если бы такой выводъ показался имъ возмутительнымъ, они измѣнили бы свое воззрѣніе и начали бы искать единого Бога, который одинъ только несомнѣнно выше нашего ума и который сотворилъ всякую душу и весь этотъ міръ. Съ большею пріятностію для чтенія писалъ потомъ Платонъ, но впрочемъ не съ большею силою для убѣжденія. Ибо этого рода философы не рождены были для того, чтобы отвратить мысль своего народа отъ идольскаго суевѣрія и тщеты міра сего и направить ее къ истинному почитанію истиннаго Бога. Поэтому и самъ Сократъ вмѣстѣ съ народомъ чтилъ идоловъ; и послѣ смерти и осужденія его никто уже не осмѣливался ни клясться собакою, ни называть кабой вибудъ камень Юпитеромъ, а осмѣлились только сохранить воспоминаніе объ этомъ въ письмени. Было-ли это слѣдствіемъ страха предъ строгостію, или же нѣкоторымъ знаменіемъ времени,—судить не буду.

ГЛАВА III.

Истинная религія—христіанская, которая успѣдила людей въ томъ, въ чемъ, по мнѣнію Платона, они не могли быть убѣждены.

Впрочемъ, съ позволенія тѣхъ, которые доселѣ еще остаются почитателями ихъ сочиненій, я смѣло и рѣшительно скажу,

что въ томъ не должно быть и сомнѣнiя, какая въ христіанскія времена религія должна быть исповѣдуема по преимуществу, представляя собою путь къ истинѣ и блаженству. Въ самомъ дѣлѣ, если бы живъ былъ Платонъ и удостоилъ мой вопросъ своимъ отвѣтомъ, или лучше—если бы какой-нибудь ученикъ его, въ то время, когда живъ былъ Платонъ, спросилъ его, имъ же самимъ убѣжденный, что истина созерцается не тѣлесными очами, а чистою мыслию; что какая бы кому ни была присуща душа, она дѣлается блаженною и совершенною; что пріобрѣтенію этого ея блаженства и совершенства препятствуютъ только жизнь, преданная страстямъ, и лживые образы чувственныхъ предметовъ, которые, вторгаясь въ насъ изъ чувственнаго міра чрезъ тѣло, порождаютъ въ насъ различныя мнѣнiя и заблужденiя; что слѣдовательно духъ нашъ долженъ быть очищенъ для созерцанiя неизмѣнной формы вещей и вѣчной, всегда себѣ равной, красоты, которая ни въ пространствѣ не раздѣляется, ни во времени не измѣняется, а сохраняетъ во всѣхъ своихъ частяхъ единство и тождество, бытіе которой люди не признаютъ, хотя она существуетъ дѣйствительно и наивысшимъ образомъ; что все остальное рождается и умираетъ, разрушается и исчезаетъ, и однако, насколько существуетъ, оно создано несомнѣнно вѣчнымъ Богомъ чрезъ посредство Его Истины; что всему этому сообщено разумной и мыслящей души настолько, чтобы оно наслаждалось созерцаніемъ Его вѣчности, чтобы исполнялось и украшалось ею и чтобы могло заслужить вѣчную жизнь, но что, пока испытываетъ чувство любви и скорби къ предметамъ возникающимъ и переходящимъ и предано привычкамъ сей жизни и чувствамъ тѣла, оно теряется въ пустыхъ призракахъ, смѣется надъ тѣми, кто говоритъ о существованіи чего-то такого, что созерцается не чувственными очами и мыслится не призрачно, а можетъ быть постигаемо только умомъ и мыслящею силою:

если бы, говорю я, убѣжденный во всемъ этомъ своимъ учителемъ, ученикъ тотъ спросилъ у него, не призналъ ли бы онъ достойнымъ божескихъ почестей такого велибаго и божественнаго мужа (если бы такой существовалъ), который внушилъ бы людямъ вѣру хотя бы въ перечисленные только предметы, если бы при этомъ люди не могли понять ихъ, а если бы нѣкоторые и могли понять, то, свободные отъ превратныхъ мнѣній толпы, были бы за то погружены въ общенародныя заблужденія, — думаю, на такой вопросъ онъ отвѣтилъ бы такъ, что это — дѣло не возможное для человѣка, развѣ ужъ такого, котораго бы сама божественная Премудрость и Сила, изъявъ изъ обычнаго порядка вещей и съ колыбели просвѣтивъ не учениемъ человѣческимъ, а внутреннимъ свѣтомъ, удостоила такою милостію, укрѣпила такую силою и, наконецъ, возвеличила такимъ достоинствомъ, чтобы онъ силою своей высочайшей любви и авторитета могъ обратить родъ человѣческій въ спасительной вѣрѣ, презирая все, чего развращенные люди желаютъ, перенося все, чего они страшатся, и дѣлая то, чему они удивляются. Что же касается подобающихъ ему почестей, то объ этомъ излишне и спрашивать, такъ какъ и безъ того понятно, какія почести приличествуютъ Мудрости Божіей, подъ водительствомъ и управленіемъ которой онъ ради спасенія человѣческаго рода заслужилъ нѣчто въ собственномъ смыслѣ великое, нѣчто превышающее всѣхъ людей.

И вотъ все это исполнилось; объ этомъ громко говорить и письменность и памятники. Избранные и посланные изъ одной страны міра, въ которой только одной чтился единый Богъ и въ которой надлежало родиться тому Мужу, апостолы своими подвигами и своею проповѣдью возжгли во всемъ мірѣ пламя божественной любви и, насадивъ спасительнѣйшее ученіе, оставили намъ землю, просвѣщенную (свѣтомъ сего ученія). Не говоря о прошломъ, которому

всякій можетъ и не вѣрить, теперь среди всѣхъ народовъ раздается проповѣдь: *Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1—3). Чтобы душа была очищена, дабы эту проповѣдь понять, полюбить и обратить къ своей пользѣ, и чтобы свла мысли была брѣпче, дабы озариться такимъ свѣтомъ, скупымъ говорится: *Не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже червь и тля тлѣтъ, идѣже татѣе подкапываютъ и крадутъ, скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже татѣе ни подкапываютъ, ни крадутъ: идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мѣ. VI, 19—21); расточительнымъ: *Спѣй въ плоть свою отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а спѣй въ духъ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI, 8); гордымъ: *Всякъ возносяйся смирится и смиряяйся вознесется* (Лук. XIV, 11); гнѣвливымъ: *Если ты получилъ пощечину, подставь и другую щеку* (Мѣ. VI, 39); сварливымъ: *Любите враги ваша* (Мѣ. V, 44); суевѣрнымъ: *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21); любопытнымъ: *Не виците видимыхъ, но невидимыхъ: видима бо временна, невидима же вѣчна* (2 Кор. IV, 18), и наконецъ всѣмъ вообще: *Не любите міра, ни яже въ міръ... яко все, еже въ міръ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. II, 15. 16).

Если подобныя изреченія совершенно охотно и съ благоговѣніемъ читаются и выслушиваются теперь народами по всему міру; если, послѣ столькой крови, столькихъ мученическихъ костровъ и брестовъ, Церковь возросла еще съ большею силою и распространилась даже у варварскихъ народовъ; если теперь никто уже не удивляется цѣлымъ тысячамъ юношей и дѣвъ, воздерживающихся отъ брака и проводящихъ дѣвственную жизнь, а между тѣмъ когда сдѣлалъ это Платонъ, то до такой степени устранился потомъ

предъ извращеннымъ мнѣніемъ своего времени, что, говорятъ, принесъ таки жертву природѣ въ заглаженіе своего дѣвства, какъ грѣха; если это принимается теперь такъ, что какъ прежде странно было защищать подобныя вещи, такъ на-противъ теперь странно ихъ оспаривать; если такого рода объѣтъ и обязательство по всѣмъ, населеннымъ человѣкомъ, странамъ освящаются христіанскими обрядами; если о подоб-ныхъ предметахъ ежедневно читается въ церквахъ и даются объясненія священниками; если бьютъ себя въ грудь тѣ, которые стараются все это выполнить; если на этотъ путь вступаютъ такъ многіе, что людьми всякаго рода, отрекаю-щимися отъ богатства и почестей міра сего и желающими посвятить свою жизнь всецѣло единому всевышнему Богу, наполняются нѣкогда необитаемые острова и пустыни; если, наконецъ, въ столичныхъ и провинціальныхъ городахъ, въ замкахъ, селахъ и даже въ деревняхъ и отдѣльныхъ мы-захъ проповѣдуется и становится вождѣльнымъ отреченіе отъ всего земнаго и обращеніе бѣ единому истинному Богу настолько открыто, что родъ человѣческій по всему лицу земли единогласно восклицаетъ ежедневно: „Горѣ имѣмъ сердца ко Господу“: то къ чему еще будемъ мы открывать уста для похмѣлья отъ вчерашняго опьяненія и у мертвыхъ скотовъ несмысленныхъ искать божественныхъ глаголовъ, предпочитая, когда дѣло доходить до спора, имѣть уста, постоянно повторяющія имя Платона, чѣмъ сердце, исполнен-ное истины?

ГЛАВА IV.

Философы, всецѣло привязанные къ чувственному, заслу-живаютъ презрѣнія.

Поэтому тѣхъ, по мнѣнію которыхъ презирать чувстви-тельный міръ сей и предочищенную добродѣтельною душою преда-

вать и покорять всевышнему Богу—дѣло напрасное или дурное, нужно опровергать иного рода доводами, если только стоит толковать съ ними. Тѣже, которые считаютъ это дѣломъ добрымъ и желательнымъ, пусть познаютъ Бога, пусть смирятся предъ Богомъ, которымъ внушена всѣмъ народамъ вѣра въ подобнаго рода предметы. Внушить такую вѣру и они, конечно, были бы не прочь, если бы только могли, а если бы не внушили, то не могли бы по крайней мѣрѣ удержаться отъ зависти. Итакъ, пусть же смирятся предъ Тѣмъ, Кто сдѣлалъ это; пусть, отбросивъ любопытство и пустое тщеславіе, поймутъ, какое различіе существуетъ между шаткими гаданіями немногихъ и очевиднымъ спасеніемъ и исправленіемъ народовъ. Вѣдь если бы ожили тѣ, именами которыхъ они такъ величаются, и увидѣли, что храмы полны, а капища опустѣли, родъ же человѣческій отъ временныхъ и преходящихъ благъ призывается и стремится къ упованію на вѣчную жизнь и къ благамъ духовнымъ и разумнымъ, то они (если только они были такими, какими ихъ представляетъ воспоминаніе) по всей вѣроятности сказали бы: „Вотъ то, въ чемъ убѣдить народы мы и не мечтали; мы скорѣе уступали ихъ привычкамъ, чѣмъ обращали въ свою вѣру и подчиняли своей волѣ“.

Итакъ, если бы философы тѣ могли снова очутиться среди насъ, они безъ сомнѣнія повяли бы, чѣмъ авторитетомъ люди такъ легко убѣждены, и послѣ небольшой перемѣны своихъ словъ и воззрѣній сдѣлались бы христіанами, какъ поступили весьма многіе платоніки недавняго и нашего времени. Если же они этого не признали бы и не сдѣлали, оставаясь въ гордости и зависти, то я не знаю, могли ли они, преданные такой нечистотѣ и удерживаемые такими путями, стремиться къ тому, что, какъ сами же говорили, должно быть предметомъ исканій и желаній. Ибо не знаю, были ли заражены такіе люди и третьимъ еще порокомъ, именно—

любопытствомъ распрашиванія демоновъ, какимъ всего болѣе удерживаются отъ христіанскаго спасенія тѣ, противъ которыхъ направлена настоящая рѣчь, т. е. язычники: потому что порокъ этотъ слишкомъ уже дѣтскій.

ГЛАВА V.

*Въ какихъ сектахъ истинная религія. Божественный даръ,
Духъ Святый.*

Но каково бы ни было тщеславіе философовъ, не трудно понять всякому, что религіи не слѣдуетъ искать у нихъ, которые вмѣстѣ съ народомъ принимали одни и тѣ же священные обряды, а въ своихъ школахъ, въ присутствіи той же самой массы народа, громко высказывали о природѣ своихъ боговъ и о высочайшемъ благѣ различныя до противоположности мнѣнія. Если бы одинъ только этотъ порокъ былъ устраненъ христіанскою религіей, то и въ такомъ случаѣ никто не долженъ бы спорить, что ученіе это заслуживаетъ неизреченной похвалы. И дѣйствительно, отступившія отъ нормы христіанства многочисленныя ереси служатъ свидѣтелями, что мыслящіе и другихъ старающіеся учить о Богѣ Отцѣ, Его Мудрости и Божественномъ Дарѣ иначе, чѣмъ какъ этого требуетъ истина, не допускаются у насъ къ общенію въ таинствахъ. Мы вѣруемъ и учимъ, что относительно этой сущности человѣческаго спасенія иной философіи, т. е. занятія мудростію, и иной религіи не существуетъ: такъ какъ тѣ, ученія которыхъ мы не одобряемъ, къ общенію съ нами въ таинствахъ не допускаются.

Въ этомъ отношеніи меньше заслуживаютъ удивленія тѣ, которые захотѣли быть отличными отъ насъ и въ обрядѣ своихъ таинствъ, какъ напр. какіе-то, такъ называемые, серпентины¹⁾, манихеи и нѣкоторые другіе. Но

¹⁾ Погречески *офиты*, вѣтвь гностиковъ, признававшая змія (ὄφις, serpens), или искусителя истолкователемъ мудрости (*софіи*).

больше заслуживаютъ нашего вниманія и упоминанія тѣ, которые, совершая тѣже самыя таинства, но отступая въ ученіи, захотѣли лучше свои заблужденія отстаивать, чѣмъ благоразумно исправить, и которые, будучи отлучены отъ каѳолическаго общенія и отъ участія въ таинствахъ, хотя и у нихъ тѣхъ же самыхъ, получили свои особыя названія и составили свои особыя не только въ словахъ, но и въ суетвѣріяхъ толки; таковы фотиніане, аріане и многіе другіе. Иное дѣло—тѣ, которые произвели расколы. Они могли бы оставаться на гумнѣ Господнемъ, какъ мякина, до дня послѣдняго провѣиванія, если бы, по крайнему легкомыслію, не поддались падменію гордости и не отдѣлились отъ насъ добровольно сами. Что же касается іудеевъ, то хотя они и поклоняются единому всемогущему Богу, но ожидая себѣ отъ Него однихъ только временныхъ и видимыхъ благъ, не захотѣли въ собственныхъ своихъ писаніяхъ, по крайней безопасности, замѣтить возникающихъ изъ уничтоженія начатковъ новаго народа, и такимъ образомъ остались ветхимъ человекомъ.—Если все это такъ, то ни въ запутанныхъ воззрѣніяхъ язычниковъ, ни въ плебелахъ еретиковъ, ни въ вялости раскольниковъ, ни въ ослѣпленіи іудеевъ не слѣдуетъ искать религіи, а только у тѣхъ, которые называются христіанами каѳолическими, или православными, т. е. сохраняющими чистое и исповѣдующими правое ученіе.

ГЛАВА VI.

Истинная религія находится только въ каѳолической Церкви, которая всѣми заблуждающимися пользуется для своего преуспѣянія. Добрые, изгоняемые иногда изъ Церкви чрезъ людей мятежныхъ.

Эта каѳолическая, весьма широко распространенная по всему міру, Церковь пользуется всѣми заблуждающимися

какъ для собственнаго своего приращенія, такъ и для ихъ исправленія, если бы они захотѣли пробудиться отъ сна своего. Она пользуется языческими народами, какъ матеріаломъ для своего дѣйствованія, еретиками—для утвержденія своего ученія, раскольниками—для доказательства своей твердости, іудеями—для сравнительнаго указанія своей красоты. Однихъ она призываетъ, другихъ исключаетъ, третьихъ оставляетъ, четвертыхъ превосходитъ, но всѣмъ даетъ возможность участвовать въ Божественной благодати, должны ли они быть образованы, или преобразованы, или опять приняты, или же вновь допущены. Плотскихъ же своихъ, т. е. живущихъ и мыслящихъ по плоти, она терпитъ, какъ мякину, подъ которою на гумнѣ остаются въ большей безопасности зерна, пока не освобождены бываютъ отъ этого прикрытія. Но такъ какъ на гумнѣ этомъ каждый бываетъ добровольно или мякиною, или зерномъ, то грѣхъ или заблужденіе кого-либо терпятся дотолѣ, пока грѣхъ не встрѣчаетъ обвинителя, а заблужденіе не отстаивается съ дерзкимъ упорствомъ. Будучи же исключены изъ Церкви, такіе люди или возвращаются къ ней чрезъ покаяніе, или подъ вліяніемъ извращенной свободы погрязаютъ въ непотребствѣ, для назиданія насъ въ осмотрительности, или производятъ расколъ для упражненія насъ въ терпѣннѣ, или поражаютъ какую-нибудь ересь для испытанія и обнаруженія нашей разсудительности. Такова судьба тѣхъ плотскихъ христіанъ, которыхъ не возможно бываетъ исправить, или терпѣть (въ церкви).

Божественный промыслъ часто попускаетъ изгонять изъ христіанскаго общества даже людей добрыхъ, изъ-за нѣкоторыхъ крайне бурныхъ возмущеній плотскихъ людей. Если этотъ позоръ свой или свою обиду они будутъ переносить ради мира Церкви вполнѣ терпѣливо и не будутъ производить никакихъ ни раскольническихъ, ни еретическихъ но-

вовведеній, то будутъ служить для людей поучительнымъ примѣромъ, съ какою истинною преданностію и искреннею любовію должно служить Богу. Отсюда, такіе люди или надѣются снова возвратиться въ Церковь, когда утихнетъ буря, или же, если это оказывается невозможнымъ вслѣдствіе того-ли, что смута еще продолжается, или того, чтобы съ ихъ возвращеніемъ не возникло подобной же, а можетъ быть и болѣе еще лютой, распри, они остаются при желаніи быть полезными для тѣхъ самихъ, смуть и нестроенію которыхъ они уступили, воздерживаясь отъ всякихъ раскольническихъ сповищъ и до смерти защищая ту вѣру, которая, какъ они знаютъ, проповѣдуется въ католической Церкви, и представляя собою живое за нее свидѣтельство. Таковымъ въ тайнѣ уготовляетъ вѣнецъ Отецъ, видящій тайная. Такого рода люди по видимому рѣдки, однако въ примѣрахъ нѣтъ недостатка; ихъ даже больше, чѣмъ какъ можно думать.— Такимъ образомъ, Божественный промыслъ пользуется всякаго рода людьми и примѣрами для врачеванія душъ и созиданія новаго народа.

ГЛАВА VII.

Необходимость принятія религіи католической Церкви. Что исповѣдуется въ ней.

Въ виду этой цѣли, любезнѣйшій Романіанъ, — высказавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ обѣщаніе изложить тебѣ свои мысли объ истинной религіи ¹⁾ и полагая, что теперь пора это сдѣлать, — я въ силу любви, которою съ тобою связанъ, не могу, послѣ такихъ съ твоей стороны настоятельнѣйшихъ упрашиваній, оставаться нерѣшительнымъ въ

¹⁾ Противъ Академиковъ кн. 2, гл. VIII.

безконечность и отблადывать свое обѣщаніе на дальнѣйшее время.—Итакъ, послѣ того какъ опровергнуты и тѣ, которые ни при священныхъ обрядахъ своихъ не философствуютъ, ни философствуя не освящаются, и тѣ, которые, надмеваясь или ложнымъ мнѣніемъ, или нѣкоторою злобою, отступили отъ нормы и общенія католической Церкви, и, наконецъ, тѣ, которые не хотятъ имѣть свѣта священныхъ писаній и благодати духовнаго народа, т. е. того, что называется Новымъ Заветомъ; словомъ—всѣ тѣ, которыхъ я коснулся съ какою могъ краткостью,—мы должны брѣпко держаться христіанской религіи и общенія съ тою Церковію, которая есть церковь католическая и католическою называется не только своими, но даже и врагами. Ибо и сами еретики, а также и послѣдователи расколовъ, когда говорятъ не только съ своими, но и съ посторонними, волей—неволей католическую Церковь называютъ не иначе, какъ католическою. Ибо они не могутъ быть и поняты, если только не будутъ отличать ее тѣмъ именовемъ, какимъ она называется во всей вселенной.

Сущность этой религіи, которой должны мы слѣдовать, составляютъ исторія и пророчество о Божественномъ домостроительствѣ спасенія человѣческаго рода, долженствующаго быть преобразованнымъ и приготовленнымъ къ вѣчной жизни. Какъ скоро это будетъ предметомъ нашего вѣрованія, образъ жизни, согласный съ божественными заповѣдями, очиститъ умъ нашъ и сдѣлаетъ его способнымъ къ познанію духовныхъ предметовъ, которые суть предметы не прошедшіе и не будущіе, а вѣчно и одинаково пребывающіе и не подверженныя никакою измѣняемости, т. е. къ познанію самаго единого Бога Отца, Сына и Духа Святаго. Познавъ сію Троицу, насколько знать это дано намъ въ настоящей жизни, мы ни мало не колеблясь признаемъ, что всякая разумная, духовная и тѣлесная тварь, насколько она существуетъ, свое бытіе и свой

видъ имѣеть отъ этой творческой Троицы и управляется ею въ совершеннѣйшемъ порядкѣ; при чемъ это не такъ нужно понимать, что одну часть творенія создалъ Отецъ, другую Сынъ, а третью Духъ Святый, а такъ, что и все вмѣстѣ, и каждая природа въ отдѣльности созданы Отцемъ чрезъ Сына въ даръ Духа Святаго. Ибо всякая вещь, назовемъ ли ее мы субстанціей, или сущностью, или природою, или же другимъ какимъ - нибудь терминомъ, одновременно имѣеть въ себѣ и то, и другое, и третье, такъ что представляетъ собою и нѣчто единое и отличается отъ остальныхъ своимъ видомъ, и не выступаетъ изъ порядка вещей.

ГЛАВА VIII.

Что сначала воспринимаемъ мы вѣрою при посредствѣ авторитета, то потомъ усвоимъ разумомъ. Для Церкви полезны и еретики.

Разъ нами это познано, станетъ яснымъ, насколько человѣку возможно это постигнуть, и то, какъ, въ силу необходимыхъ, неизбежныхъ и справедливыхъ законовъ, все подчинено Богу и Господу своему. Отсюда, все, чему сначала мы увѣровали на основаніи только авторитета, мы начинаемъ и понимать, представляя его себѣ частію какъ вполне уже несомнѣнное, а частію какъ такое, что можетъ и должно быть несомнѣннымъ, и въ то же время соболѣзную о тѣхъ не вѣрующихъ, которые желаютъ лучше осмѣивать насъ вѣрующихъ, чѣмъ вмѣстѣ съ нами вѣровать. Ибо (такія истины, какъ) святѣйшее воплощеніе, рожденіе Дѣвы, смерть ради насъ Сына Божія, воскресеніе изъ мертвыхъ, вознесеніе на небо, сѣдѣніе одесную Отца, прощеніе грѣховъ, день суда, воскресеніе тѣлъ, мы и послѣ познанія вѣчности Троицы и измѣняемости твари относимъ къ милосердію всевышняго Бога, обязанному Имъ человѣческому роду, еще только вѣрою, а и не разумнѣемъ.

Но такъ какъ весьма вѣрно сказано: *Подобаетъ многимъ ересямъ быти, да искуснии явлени бывають въ насъ* (1 Кор. XI, 19), то будемъ пользоваться и этого рода благодѣянiемъ Божественнаго промысла. Ибо еретики являются изъ числа людей, которые хотя бы даже и находились въ Церкви, тѣмъ не менѣе, однакожь, заблуждались бы. Когда же они дѣляются виѣшними, бывають весьма для насъ полезными, не потому, чтобы учили истинѣ, которой не знаютъ сами, а потому, что побуждаютъ плотскихъ католиковъ искать, а духовныхъ открывать истину. Въ святой Церкви есть много мужей *искусныхъ* предъ Богомъ, но они не бывають *явлени* въ насъ, пона, услаждаясь мракомъ своего невѣжества, мы предпочитаемъ предаваться сну, чѣмъ созерцать свѣтъ истины. Поэтому многіе возбуждаются отъ сна благодаря еретикамъ, дабы видѣть день Господень и возрадоваться. И такъ будемъ пользоваться и еретиками, не съ тѣмъ, чтобы одобрять ихъ заблужденія, а чтобы самимъ быть болѣе бодрственными и осторожными, защищая католическое ученіе отъ ихъ козней, хотя бы самихъ ихъ и не могли мы призвать ко спасенію.

ГЛАВА ІХ.

Заблужденіе манихеевъ о двухъ началахъ и о двухъ душахъ.

Съ своей стороны я увѣренъ, что, при помощи Божіей, настоящее сочиненіе мое для добрыхъ и благочестивыхъ читателей можетъ имѣть значеніе въ виду не одного какого-нибудь, а всѣхъ вообще неправыхъ и ложныхъ мнѣній. Но преимущественно направлено оно противъ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ существуютъ двѣ взаимнопротивоположныя по своимъ началамъ природы или субстанціи. Освобляясь

одними предметами и услаждаясь другими, они считают Бога творцемъ не тѣхъ предметовъ, которыми оскорбляются, а тѣхъ, которыми услаждаются, и не будучи въ состояніи измѣнить своего образа мыслей, какъ люди уже попавшіе въ плотскія сѣти, думаютъ, что въ одномъ тѣлѣ находятся двѣ души: одна происходитъ отъ Бога и по природѣ тоже, что Онъ, другая—темнаго происхожденія, которой Богъ ни родилъ, ни сотворилъ, ни произвелъ, ни отъ Себя отринулъ, а которая имѣла свою (особую) жизнь, свою землю, свои порожденія, своихъ животныхъ, наконецъ свое царство и свое врожденное начало, но нѣкогда она возмущилась противъ Бога и Богъ, не имѣя сдѣлать ничего другого и не находя средства, какъ бы иначе можно было противостать врагу, вынужденный этою необходимостью, послалъ сюда добрую душу, нѣкоторую частицу своей сущности, отъ слиянія и смѣшенія съ которою, бредяты, врагъ сдѣлался содержаніе, и—появился міръ.

Теперь мы не станемъ опровергать эти ихъ мнѣнія, что отчасти нами уже сдѣлано, а отчасти, при помощи Божіей, будетъ сдѣлано; въ настоящемъ сочиненіи мы, насколько это для насъ возможно и доводами, какіе благоволятъ внушать намъ Господь, покажемъ, какъ безопасна баеологическая вѣра въ виду этихъ мнѣній и какъ бессильно смутить душу то, подъ вліяніемъ чего люди дѣлаются сторонниками такого воззрѣнія.—Само собою понятно, что все, что только въ нашемъ сочиненіи оказалось бы ошибочнаго, должно быть отнесено на мой счетъ, все же, что изложено будетъ вѣрно и согласно съ истиною, должно быть приписано единому подателю всѣхъ даровъ, Богу. Такъ говорю я не въ видѣ обычнаго (у авторовъ) выраженія смиренія, и желалъ бы, чтобы думалъ такимъ образомъ прежде всего ты (Романіанъ), хорошо звающій мою душу.

ГЛАВА X.

Приступая къ изложенію исторіи Божественнаго домо-строительства нашего спасенія, показываетъ, откуда является въ религии заблужденіе и какимъ образомъ при помощи Божіей возстановилась истинная религія.

Итакъ, да будетъ тебѣ извѣстно и вѣдомо, что въ религии не могло бы быть никакого заблужденія, если бы душа вмѣсто Бога не чтитъ душу, или тѣло, или свои призраки, или то либо другое изъ нихъ, вмѣстѣ соединенныя, или все это заразъ; но временно сообразуясь въ настоящей жизни безхитростно съ обществомъ человѣческаго рода, помышляла бы о вѣчной жизни, почитая единаго Бога, который вѣчно остается неизмѣняемъ, и только подъ этимъ условіемъ существуетъ и всякая измѣняемая природа. А что душа можетъ измѣняться впрочемъ не пространственно, а во времени, это каждый знаетъ по своимъ душевнымъ движеніямъ. Не трудно убѣдиться каждому также и въ томъ, что измѣняемо и тѣло, и измѣняемо во времени и пространствѣ. Наконецъ, призраки суть не что иное, какъ образы, отвлекаемые отъ (внѣшняго) вида тѣла тѣлеснымъ чувствомъ, — образы, которые при мышленіи весьма легко запечатлѣть въ памяти такъ, какъ они восприняты, или же раздѣлить на части, умножить или сократить, растянуть или привести въ систему, перетасовать и перепутать какъ угодно, но трудно бываетъ уберечься отъ нихъ и избѣгать ихъ, когда ищешь истины.

Итакъ, не будемъ служить твари больше, чѣмъ Творцу, и не будемъ погибать въ собственныхъ помышленіяхъ: въ этомъ и заключается совершенная религія. Ибо пригнѣваясь къ вѣчному Творцу, мы и сами будемъ по необходимости преисполняться вѣчности. Но такъ какъ обремененная и ону-

танная своими грѣхами душа сама собою этого видѣть и достигнуть не можетъ, потому что для полученія божественнаго въ человѣческихъ условіяхъ нѣтъ никакой ступени, чрезъ которую бы человѣкъ отъ земной жизни возвышался до богоподобія: то для воспоминанія о ея прежней и совершенной природѣ, по неизрѣченному милосердію Божию, въ силу временнаго домостроительства, и отдѣльныя лица, и даже весь человѣческій родъ вспомошествуются чрезъ измѣняемую, но вѣчнымъ законамъ служащую, тварь. Такова въ ваше время христіанская религія, въ познаніи и слѣдованіи которой заключается самое надежное и вѣрное спасеніе.

Защищаться противъ пустыхъ болтуновъ и открываться ищущимъ она можетъ многоразличными способами; потому что всемогущій Богъ съ одной стороны Самъ непосредственно указываетъ то, что истинно, съ другой добродушному желанію созерцать и воспринимать истину вспомоствуетъ чрезъ добрыхъ ангеловъ и нѣкоторыхъ людей. Но каждый пользуется такимъ способомъ, каковой находитъ пригоднымъ съ тѣми, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Съ своей стороны, по долгомъ размысленіи, какихъ ругателей и искателей истины приходилось мнѣ встрѣчать и каковымъ бываю я самъ въ перебранкѣ и въ исканіи истины,—я рѣшилъ воспользоваться нижеслѣдующимъ способомъ. Что усмотришь ты (тамъ) истиннаго, удержи и приими католической церкви; что ложнаго, отбрось и извини мнѣ, какъ человѣку; что сомнительнаго, въ то вѣрь, пока разумъ не покажетъ или не предпишетъ авторитетъ, что оно или должно быть отвергнуто, или принято за истину, или же должно быть всегда предметомъ вѣры. Итакъ, устремивъ, насколько можешь, съ тщавіемъ и благоговѣніемъ вниманіе на нижеслѣдующее: ибо таковымъ помогаетъ Богъ.

ГЛАВА XI.

Всякая жизнь отъ Бога. Смерть души — непотребство.

Нѣтъ жизни, которая не была бы отъ Бога, потому что Богъ — и высочайшая жизнь и самый источникъ жизни, и нѣтъ жизни, которая бы, какъ жизнь, была зломъ; зломъ бываетъ жизнь постольку, поскольку она стремится къ смерти. Смертью же жизни бываетъ только непотребство (*nequitia*), которое такъ названо потому, что есть ничто (*ne quidquam sit*); отсюда самые непотребные люди называются людьми ничтожными. Такимъ образомъ, къ ничтожеству стремится жизнь, которая добровольною измѣной отступаетъ отъ Того, Кто ее создалъ и сущностью Кого она наслаждалась, — жизнь, которая вопреки закону Божию хочетъ наслаждаться тѣломъ, надъ которымъ ее поставилъ Богъ: въ этомъ именно и заключается непотребство, а не въ томъ, что самое уже тѣло есть ничто. Ибо и тѣло въ своихъ членахъ обладаетъ извѣстнаго рода согласіемъ, безъ котораго оно совершенно не могло бы существовать. Слѣдовательно и тѣло создано Тѣмъ, Кто есть начало всякаго согласія. Тѣло обладаетъ нѣкоторою гармоніею своей формы, безъ которой оно было бы рѣшительно ничто. Слѣдовательно творецъ и тѣла Тотъ, отъ Кого происходитъ всякая гармонія и Кто есть самосушая и прекраснѣйшая изъ всѣхъ форма. Тѣло имѣетъ нѣкоторый [внѣшній] видъ, безъ котораго тѣло не есть и тѣло. Слѣдовательно, если спрашиваютъ, кто создалъ тѣло, пусть ищутъ того, Кто прекраснѣе всѣхъ по виду, ибо всякая наружность отъ Него. А кто же это, какъ не Богъ, единая истина, единое спасеніе всѣхъ, первая и наивысшая сущность, отъ которой имѣетъ бытіе все, что ни существуетъ, поскольку оно существуетъ; ибо все, что ни существуетъ, поскольку оно существуетъ, есть добро.

По этой причинѣ смерть не отъ Бога: *Яко не сотвори*

Богъ смерти, ни веселится о погибели живыхъ (Премуд. Солом. I, 13.); такъ какъ высшая сущность — причина того, что все существующее существуетъ, почему она и называется сущностью. Смерть заставляетъ не существовать то, что умираетъ, настолько лишь, насколько оно умираетъ. Ибо если бы то, что умираетъ, умирало окончательно, оно, несомнѣнно, обращалось бы въ ничто, но оно умираетъ настолько лишь, насколько принимаетъ менѣе участія въ сущности; короче можно выразиться такъ: оно тѣмъ больше умираетъ, чѣмъ меньше существуетъ. Но тѣло ниже всякой жизни; потому что какимъ бы тѣло ни было по своему виду, оно бываетъ такимъ благодаря жизни, которою управляется или всякое отдѣльное животное или же вся вообще природа міра. Отсюда тѣло болѣе подлежить смерти, а потому ближе и къ ничтожеству; почему жизнь, которая, наслаждаясь тѣломъ, нерадитъ о Богѣ, стремится къ ничтожеству: вотъ эта-то жизнь и есть непотребство.

ГЛАВА XII.

Паденіе и возстановленіе всего человѣка.

А такова жизнь плотская и земная, почему она и называется плотью и землей; и доколѣ она такова, доколѣ не освободится отъ того, что любить, она не получитъ царства Божія. Ибо она любитъ то, что ниже жизни, потому что любить тѣло, и притомъ — тѣло, по причинѣ грѣха, тѣломъ любимаго, поврежденное, такъ что измощдаясь оно оставляетъ того, кто его любитъ, потому что и онъ, возлюбивъ тѣло, оставилъ Бога. Онъ пренебрегъ заповѣдь изрекшаго: Это ѣшь, а того не касайся (Быт. II 16, 17.). Отсюда онъ подвергается наказаніямъ, потому, что возлюбивъ низшее, онъ тѣмъ самымъ предопредѣляетъ себя по смерти къ неудовлетворенію своихъ удовольствій и скорбямъ. Ибо что такое такъ назы-

ваемая тѣлесная скорбь, какъ не быстрое поврежденіе того предмета, который до порчи довела душа тѣмъ, что дурно пользовалась имъ? А что такое такъ называемая духовная скорбь, какъ не лишеніе тѣхъ преходящихъ предметовъ, которыми душа наслаждалась или надѣялась наслаждаться?— Все это вмѣстѣ называется зломъ, т. е. грѣхъ и наказаніе за грѣхъ.

Если же душа въ то время, какъ она проходитъ настоящее поприще человѣческой жизни, побѣдитъ тѣ страсти, которыя она воспитала въ противность себѣ, наслаждаясь смертнымъ, и увѣруеть, что для побѣжденія ихъ она вспомоществуется благодатію Божіей, служа Богу мыслию и доброю волею, то несомнѣнно будетъ возстановлена и обратится отъ многихъ измѣнчивыхъ благъ къ единому неизмѣнному, будучи преобразована Мудростію не сотворенною, а сотворившею все, и будетъ наслаждаться Богомъ чрезъ Духа Святаго, который есть даръ Божій. Такимъ образомъ человѣкъ становится духовнымъ, который все судитъ и самъ някъмъ не судится (I Корнѣ. II, 15), который любитъ Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею, всею мыслию своею и ближняго своего не плотеки, а какъ самого себя. Самого же себя тотъ, кто всѣмъ существомъ своимъ любитъ Бога, любить духовно. Въ этихъ двухъ заповѣдяхъ *весь законъ и пророцы висятъ* (Мѣ. XXII, 37—40).

Отсюда уже будетъ слѣдовать и то, что послѣ тѣлесной смерти, которую мы несемъ за первый грѣхъ, тѣло наше въ свое время и своимъ порядкомъ будетъ возстановлено въ своей первобытной крѣпости, которою оно будетъ обладать не само по себѣ, а чрезъ душу, укрѣпившуюся въ Богѣ. Въ свою очередь душа укрѣпляется не сама собою, а чрезъ Бога, которымъ она наслаждается; поэтому она и жить будетъ полнѣе, чѣмъ тѣло: ибо тѣло будетъ жить чрезъ душу, а душа чрезъ неизмѣнную истину, т. е. единороднаго Сына Божія;

слѣдовательно и тѣло будетъ жить чрезъ Сына же Божія, потому что чрезъ Него живетъ все. Его даромъ, который дается душѣ, т. е. Духомъ Святымъ, не только душа, которой онъ сообщается, бываетъ здрава, мирна и свята, по оживотворится и самое тѣло и будетъ по природѣ своей совершенно чистымъ. Ибо Онъ самъ сазалъ: *Очистите внутреннее, и внешнее будетъ чисто* (Мѡ. XXIII, 26.); и апостолъ говоритъ: *Оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша Духомъ, живущимъ въ васъ* (Римл. VIII, 11.). Итакъ, съ уничтоженіемъ грѣха, уничтожится и наказаніе за грѣхъ: а гдѣ же тогда будетъ зло? Гдѣ, смерть, твои усилія? гдѣ, смерть, твое жало (I Кор. XV, 55)? Сущность побѣдитъ ничтожество: будетъ побѣждена и смерть.

ГЛАВА XIII.

Различіе Ангеловъ.

Освященнымъ не будетъ вредить и злой ангелъ, такъ называемый діаволъ, потому что и онъ, поскольбу онъ ангелъ, не золь; а золь онъ поскольбу извратился по своей волѣ. Ибо необходимо допустить, что и ангелы по природѣ измѣняемы, если одинъ только Богъ неизмѣняемъ; но благодаря волѣ, по которой они любятъ больше Бога, чѣмъ самихъ себя, они пребываютъ твердыми и непоколебимыми въ Богѣ и наслаждаются Его величіемъ, исполнѣ охотно подчиняясь только Ему одному. А тотъ ангелъ, любя больше себя, чѣмъ Бога, не захотѣлъ быть подчиненнымъ Ему, надмился гордостію, отложился отъ высочайшей сущности и палъ; потому онъ и сталъ ниже, чѣмъ какимъ былъ, что захотѣлъ наслаждаться низшимъ, а наслаждаться онъ захотѣлъ больше своимъ могуществомъ, чѣмъ могуществомъ Божиимъ. Ибо хотя и не абсолютно, однако онъ былъ выше, когда наслаждался тѣмъ, что выше всего, такъ какъ выше всего одинъ Богъ.

Между тѣмъ, все то, что становится ниже, чѣмъ кажимъ оно было, бываетъ зломъ не постольку, поскольку существуетъ, а поскольку оно становится ниже. Ибо чѣмъ ниже оно становится въ сравненіи съ тѣмъ, кажимъ было, тѣмъ больше оно стремится къ смерти. Что же удивительнаго, если отъ недостатка прістегаетъ свудость, а отъ свудости — зависть, по которой діаволъ и сталъ діаволомъ?

ГЛАВА XIV.

Грѣхъ отъ свободной воли.

Но если бы тотъ недостатокъ, который называется грѣхомъ, охватывалъ насъ противъ воли, какъ лихорадка, то наказаніе, постигающее грѣшника и называемое осужденіемъ, представлялось бы совершенно несправедливымъ. Между тѣмъ въ настоящее время грѣхъ — зло до такой степени произвольное, что онъ не былъ бы и грѣхомъ, если бы не былъ произвольнымъ; и это такъ очевидно, что въ данномъ случаѣ не возникаетъ никакого разногласія ни среди немногочисленныхъ ученыхъ, ни въ массѣ людей неученыхъ. Поэтому нужно или отрицать, что грѣхъ совершается, или же признать, что онъ совершается добровольно. А между тѣмъ, тотъ конечно не отрицаетъ, что душа грѣшитъ, кто признаетъ, что она исправляется покаяніемъ, что кающейся ей подается прощеніе и что, коснѣя во грѣхахъ, она осуждается правосуднымъ закономъ Божіимъ. Съ другой стороны, если мы творимъ зло не добровольно, то рѣшительно никто не долженъ быть подвергаемъ ни запрещеніямъ, ни увѣщаніямъ; а съ устраненіемъ этого необходимо уничтожается христіанскій законъ и вся религіозная дисциплина. Итакъ, грѣхъ совершается добровольно. А такъ какъ грѣхъ — фактъ несомнѣнный, то несомнѣннымъ, по моему мнѣнію, нужно считать и то, что души обладаютъ волею свободною. Ибо лучшими своими слугами Богъ

положилъ считатьъ тѣхъ, которые бы служили Ему свободно. А этого никакъ не могло бы быть, если бы они служили Ему не добровольно, а по необходимости.

Итакъ, ангелы служатъ Богу свободно, и это полезно не Богу, а имъ самимъ, потому что Богъ не нуждается во благѣ другаго; Онъ существуетъ Самъ Собою. Таково же и то, что Имъ рождено, потому что оно не создано, а рождено; все же, что создано, нуждается въ Его благѣ, т. е. въ благѣ высочайшемъ, или въ высочайшей сущности. И хотя теперь оно ниже, чѣмъ какимъ было, потому что, влѣдствіе грѣха души, меньше стремится къ Богу; однако не окончательно разъединено съ Нимъ, потому что въ такомъ случаѣ было бы рѣшительнымъ ничтожествомъ. Между тѣмъ то, что соприкасается съ душою путемъ ея возбужденій (*affectus*), то съ тѣломъ соприкасается чрезъ пространство, потому что душа движется чрезъ волю, а тѣло чрезъ пространство. Даже такъ называемое внушеніе человѣку со стороны падшаго ангела воспринимается человѣкомъ добровольно, ибо если бы онъ дѣлалъ это по необходимости, оно не считалось бы и грѣховнымъ преступленіемъ.

ГЛАВА XV.

Самое наказаніе за грѣхъ научаетъ насъ исправляться.

А что тѣло человѣка, будучи до грѣхопаденія въ своемъ редѣ наилучшимъ, послѣ грѣха сдѣлалось слабымъ и предоставленнымъ смерти, то обстоятельство это хотя и служить правосуднымъ наказаніемъ за грѣхъ, однако свидѣтельствуетъ скорѣе о милосердіи Господа, чѣмъ о Его строгости. Ибо такимъ образомъ мы научаемся, что должны свою любовь отъ тѣлесныхъ удовольствій обратить къ вѣчной сущности истины. Въ томъ именно и состоитъ красота правды, соединенной съ благостнымъ милосердіемъ, чтобы мы, оболъченные сладостью низшихъ благъ, воспитывались горечью наказаній. Да

и самыя наказанія наши Божественнымъ промысломъ смягчены настолько, что и въ настоящемъ, столь поврежденномъ, тѣлѣ мы можемъ стремиться къ праведности и, отложивъ всякую гордость, покоряться единому истинному Богу, ни въ чемъ не полагаться на самихъ себя и на Него одного возлагать свое водительство и свою защиту. Такимъ образомъ, подъ Его водительствомъ человѣкъ при доброй волѣ тягостями настоящей жизни пользуется къ приобрѣтенію крѣпости; въ обиліи удовольствій и въ счастливомъ сочетаніи временныхъ благъ испытываетъ и воспитываетъ свою воздержность; въ искушеніяхъ учится благоразумію, чтобы не только не впадать въ нихъ, но быть осторожнѣе и ревностнѣе въ любви къ истинѣ, которая одна только не обманывается.

ГЛАВА XVI.

Промышленіе о человѣкѣ гораздо благотѣльнѣе становится съ воплощеніемъ Слова.

Но хотя Богъ, смотри по удобствамъ времени, опредѣляемымъ Его дивною мудростію, подаетъ душѣ всевозможныя средства врачеванія, о которыхъ или совсѣмъ не слѣдуетъ разсуждать или нужно разсуждать съ людьми благочестивыми и совершенными; тѣмъ не менѣе ничѣмъ не проявилъ Онъ своего промышленія о человѣческомъ родѣ столь благотѣльно, какъ когда сама Премудрость Божія, т. е. едиnorodный, еднoсуцный и совѣчный Отцу, Сынъ благоволилъ воспринять на себя всецѣло человѣческое естество: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. I, 14). Такимъ образомъ, плотскимъ, одареннымъ тѣлесными чувствами, но не могущимъ своимъ умомъ созерцать истины, людямъ Онъ показалъ, какое высокое мѣсто занимаетъ среди тварей человѣческая природа, явившись людямъ не только видимымъ образомъ (что Онъ могъ сдѣлать и въ какомъ-нибудь эфирномъ тѣлѣ, удобовоспріемле-

момъ для нашихъ взоровъ), но въ истинномъ человѣкѣ: ибо надлежало воспринять то самое естество, которое нужно было искупить. А чтобы какой-нибудь полъ не счелъ себя пренебреженнымъ со стороны своего Творца, Онъ воспринялъ полъ мужескій, а родился отъ жены.

Онъ ни въ чемъ не употреблялъ насилія, а дѣйствовалъ всегда увѣщаніемъ и убѣжденіемъ; потому что съ устраненіемъ древняго рабства теперь наступило время свободы, и человѣку благовременно и спасительно было сообщить, что онъ сотворенъ свободнымъ. Чудесами Онъ возбудилъ вѣру въ Бога, какимъ былъ, а страданіями—вѣру въ человѣка, котораго носилъ въ Себѣ. Такъ, ведя рѣчь къ толпѣ народа, Онъ, какъ Богъ, отрекся отъ призывавшей Его матери (Мѣ. XII, 48); и однако, какъ говоритъ евангеліе, въ дѣтствѣ Онъ былъ въ повиновеніи у своихъ родителей (Лук. II, 51). Ибо по ученію Онъ являлся Богомъ, а по возрасту—человѣкомъ. Равнымъ образомъ, намѣреваясь претворить воду въ вино, Онъ, какъ Богъ, сказалъ: Отступи отъ меня, женщина: *что Мнѣ, и тебѣ? не упріде часъ мой* (Іоан. II, 4). Когда же пришелъ часъ, когда надлежало Ему умереть, Онъ, увидѣвъ съ креста мать, какъ человѣкъ, поручилъ ее ученику, котораго любилъ больше всѣхъ прочихъ (Іоан. XIX, 26, 27). Народы пагубно стремились къ богатству, этому спутнику удовольствій: Онъ благоволилъ быть бѣднымъ. Они жаждали почестей и власти: Онъ не захотѣлъ быть царемъ. Они дѣтей плотскихъ считали великимъ благомъ: Онъ пренебрегъ супружествомъ и потомствомъ. Они съ крайнимъ высокомеріемъ гнушались безчестія: Онъ перенесъ всяческія униженія. Они считали несправедливость нестерпимою: но что больше несправедливости—быть осужденнымъ праведному и невинному? Они гнушались тѣлесныхъ страданій: Онъ претерпѣлъ бѣненіе и былъ распятъ. Они боялись смерти: Онъ подвергся смерти. Они считали крестъ позорнѣйшимъ родомъ смерти:

Онъ былъ пригвожденъ ко кресту. Онъ и Самъ не пользовался, и цѣны никакой не придавалъ всему тому, что имѣть желая, мы жили не праведно. Онъ Самъ на Себѣ претерпѣлъ уничтожилъ все то, чего избѣгать желая, мы блуждали вдали отъ истины. Ибо какой бы то ни было грѣхъ мы можемъ совершить въ такомъ только случаѣ, когда или желаемъ того, что Онъ пренебрегъ, или избѣгаемъ того, что Онъ претерпѣлъ.

Итакъ, вся жизнь Его на землѣ по человѣчеству, которое Онъ благоволилъ воспринять на Себя, была нравственнымъ ученіемъ. Но Его воскресеніе изъ мертвыхъ достаточно ясно показало, что ни малѣйшая часть человѣческой природы не погибаетъ, когда все бываетъ здоровымъ чрезъ Бога, а также—какимъ образомъ все можетъ служить Творцу своему то въ качествѣ наказанія за грѣхи, то въ качествѣ избавленія человѣка, и какъ легко тѣло можетъ служить душѣ, когда сама душа подчиняется Богу. Въ такомъ случаѣ ни одна изъ этихъ субстанцій не только не представляетъ собою зла, чего ни въ какомъ случаѣ и быть не можетъ; но даже и не возбуждается никакимъ зломъ, что могло быть вслѣдствіе грѣха или наказанія. Въ этомъ заключается естественное ¹⁾ ученіе, для христіанъ менѣе мыслящихъ заслуживающее полной вѣры, а для мыслящихъ очищенное отъ всякаго заблужденія.

¹⁾ Бл. Августинъ, вѣроятно, намекаетъ здѣсь на древнее подраздѣленіе философіи на *нравственную, естественную и рациональную*. Примѣнительно къ этому дѣленію, выше жизнь Іисуса Христа онъ называлъ *нравственнымъ* ученіемъ; здѣсь говоритъ объ ученіи *естественномъ*, о *раціональномъ* ученіи рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XVII.

Основаніе ученія въ истинной религіи, ветхій ли завѣтъ, или новый, должно представлять себѣ насколько возможно лучшимъ.

А самый способъ (цѣлой системы) ученія, — способъ частію самый ясный и простой, частію же приспособительно къ всевозможному назиданію и упражненію души состоящей изъ подобій въ изрѣченіяхъ, дѣйствіяхъ и таинствахъ, что представляетъ собою, какъ не выполненіе требованія раціональнаго ученія? Въ самомъ дѣлѣ, и изъясненіе таинственного направляется къ тому, что высказано совершенно ясно. И если бы существовало только то, что вполнѣ понятно, въ такомъ случаѣ мы не искали бы тщательно истины и пріятно не находили бы ея. Съ другой стороны, если бы въ писаніяхъ были таинства, а въ таинствахъ не было бы отпечатковъ истины, въ такомъ случаѣ дѣйствіе расходилось бы съ познаніемъ. Но такъ какъ благочестіе въ настоящее время начинается страхомъ, а оканчивается любовію, то человечество, связанное во время рабства страхомъ, обременялось въ ветхомъ законѣ многими таинствами. Тогда это было полезно какъ средство, возбуждающее желаніе грядущей благодати Божіей, о которой возвѣщали пророки. Когда же благодать эта явилась, то самую Божественною мудростію, по воспріятіи ея человѣка, которымъ мы призваны къ свободѣ, были установлены немногія спасительнѣйшія таинства, которыя бы содержали общество христіанскаго народа, т. е. людей свободныхъ, подъ властію единого Бога. Тѣ же многія [таинства], которыя были возложены на еврейскій народъ, т. е. людей окованныхъ подъ властію того же единого Бога, были выведены изъ употребленія и остались предметомъ вѣры и истолкованія. Такимъ образомъ, теперь они не рабски связываютъ, а упражняютъ духъ свободно.

Между тѣмъ кто отрицаетъ возможность происхожденія того и другаго завѣтовъ отъ одного Бога на томъ основаніи, что нашъ народъ не держится тѣхъ же таинствъ, какихъ держались и держатся іудеи, тотъ можетъ сказать, что дѣло нестаточное, чтобы одинъ и тотъ же справедливѣйшій отецъ семейства одно прибазывалъ тѣмъ, для которыхъ онъ считаетъ полезнымъ болѣе продолжительное рабство, а другое — тѣмъ, которыхъ онъ удостоиваетъ возвести на степень дѣтей. Но если съ точки зрѣнія житейскихъ правилъ возмущаются, что въ ветхомъ законѣ заключается меньшее, а въ евангеліи — большее, и потому приходятъ къ мысли, что то и другое принадлежать не одному и тому же Богу; то человекъ съ подобными воззрѣніями можетъ возмущаться и тѣмъ, если одинъ и тотъ же врачъ, въ видахъ возстановленія или поддержанія здоровья, одни (средства) предписываетъ чрезъ посредство своихъ служителей, болѣе труднымъ больнымъ, а другія самолично болѣе легкимъ. Но какъ врачебное искусство, хотя остается тѣмъ же самымъ и никоимъ образомъ не измѣняется, однако измѣняетъ предписанія для больныхъ, потому что измѣнчиво наше здоровье: такъ и Божественный промыслъ, хотя самъ въ себѣ совершенно неизмѣненъ, однако различнымъ образомъ приходитъ на помощь измѣнчивой твари, и, сообразно съ различіемъ немощей, въ разное время одно предписываетъ, а другое запрещаетъ, чтобы отъ порока, служащаго источникомъ смерти, и отъ самой смерти возвести въ своей природѣ и сущности и въ нихъ утвердить то, что слабѣтъ, т. е. стремится въ ничтожество.

ГЛАВА XVIII.

Почему твари измѣнчивы.

Но спросишь: почему же оно слабѣтъ? — Потому что измѣняемо. А почему оно измѣняемо? — Потому что не совер-

шенно. Почему же не совершенно?—Потому что ниже Того, Кѣмъ создано. Кѣмъ же оно создано?—Тѣмъ, Кто выше всего. Кто же это?—Богъ, неизмѣняемая Троица, такъ какъ Онъ все это чрезъ высочайшую Премудрость и создалъ и сохраняетъ съ высочайшимъ благоволеніемъ. Съ какою цѣлю Онъ все это создалъ?—Чтобы оно существовало; ибо какимъ бы малымъ ни быть—есть уже благо; потому что быть наивысшимъ—наивысшее благо. Изъ чего оно Имъ создано?—Изъ ничего. Ибо все, что ни существуетъ, необходимо существуетъ въ какомъ бы ни было видѣ: слѣдовательно хотя бы оно было благомъ наименьшимъ, оно все-таки будетъ благомъ и будетъ отъ Бога; потому что если наивысшій видъ есть наивысшее благо, то наименьшій видъ есть наименьшее благо. Но всякое благо есть или Богъ, или отъ Бога; слѣдовательно и наименьшій видъ отъ Бога. А что сказано о видѣ, то можно сказать, безъ сомнѣнія, и о формѣ, ибо не напрасно же восхваляется какъ прекраснѣйшее по виду, такъ и прекраснѣйшее по формѣ. Итакъ, то, изъ чего Богъ создалъ все, не имѣетъ никакого вида и никакой формы,—есть не что иное, какъ ничто. Ибо то, что по сравненію съ совершеннымъ называется безформеннымъ, если только оно имѣетъ сколько нибудь формы, хотя бы самую малость, хотя бы въ зачаточномъ состояніи, не есть уже ничто; а потому самому и оно, насколько существуетъ, существуетъ не иначе, какъ отъ Бога.

Поэтому если даже міръ созданъ изъ какой-нибудь безформенной матеріи, то сама эта матерія создана совершенно изъ ничего; ибо и то, что еще не получило формы, однако такъ или иначе находится въ зачаткѣ, чтобъ могло оформиться,—и оно способнымъ къ формѣ дѣлается по благодати Божіей. „Ибо получить форму есть благо“¹⁾). Итакъ, вос-

¹⁾ Plato, in Timaeo.

пріимчивость къ формѣ есть нѣкоторое благо; а потому Творецъ всяческихъ благъ, давшій форму, самъ далъ и возможность существованія въ формѣ. Такимъ образомъ, все, что существуетъ, насколько оно существуетъ, и все, что еще не существуетъ, насколько оно можетъ существовать, форму имѣеть отъ Бога. Иначе сказать: все, получившее форму, насколько оно получило ее, и все, еще не получившее формы, насколько оно можетъ получить ее, форму имѣеть отъ Бога. Между тѣмъ, всякая вещь обладаетъ неповрежденностію своей природы подъ условіемъ, если она не повреждена въ своемъ родѣ; всякая же неповрежденность происходитъ отъ Того, отъ Кого происходитъ и всякое благо; но всякое благо—отъ Бога: слѣдовательно и всякая неповрежденность отъ Бога.

ГЛАВА XIX.

Что можетъ повреждаться, есть благо, но не высшее благо.

Уже отсюда всякій, у кого умственные очи не закрыты, не омрачены и не разстроены пагубнымъ стремленіемъ къ тщеславной побѣдѣ, легко пойметъ, что все, что повреждается и умираетъ, есть благо; хотя самая порча и самая смерть—зло. Ибо если бы что-нибудь не лишилось здороваго состоянія, то порча или смерть не повредили бы ему; но, съ другой стороны, если бы порча не дѣлала вреда, она не была бы порчею. Отсюда если порча враждебна здоровью, то здоровье безъ всякаго сомнѣнія—благо. Благо все, чему враждебна порча, а чему порча враждебна, то и само подвергается порчѣ, слѣдовательно благо и то, что портится; но портится оно потому, что не—высшее благо. Итакъ, оно отъ Бога, потому что оно—благо; но оно—не Богъ, потому что оно не высшее благо. Отсюда благо, которое не можетъ подвергаться порчѣ, есть Богъ. Всѣ же прочія блага отъ Бога,—блага,

которыя сами по себѣ могутъ подвергаться порчѣ, потому что сами по себѣ они ничто; но чрезъ Бога они частію не подвергаются порчѣ, частію, подвергшись порчѣ, исправляются.

ГЛАВА XX.

Откуда поврежденность души.

Между тѣмъ, существуетъ порча разумной души нервноначальная, именно—желаніе дѣлать то, что воспрещаетъ высшая и сокровеннѣйшая истина. Такъ, человѣкъ изъ рая былъ изгнанъ въ настоящій вѣкъ, т. е. отъ вѣчнаго ко временному, отъ изобилія къ скудости, отъ крѣпости къ немощи; слѣдовательно—не отъ существеннаго добра къ существенному злу, такъ какъ ни одна сущность сама по себѣ не есть зло, а отъ блага вѣчнаго къ благу временному, отъ блага духовнаго къ благу тѣлесному, отъ блага разумнаго къ благу чувственному, отъ блага высшаго къ благу низшему. Такимъ образомъ, есть нѣкоторое благо, питая любовь къ которому, разумная душа грѣшитъ, потому что благо такое по достоинству своему ниже ея; почему зло заключается уже въ грѣхѣ, а не въ той сущности, которую любятъ грѣховно. Отсюда, не древо, которое, по писанію, росло среди рая, есть зло, а преступленіе заповѣди Божіей. Такъ какъ слѣдствіе этого преступленія состоитъ въ правосудномъ наказаніи, то отъ древа того, къ которому человѣкъ прикоснулся вопреки запрещенію, явилось познаніе добра и зла; потому что, внавши въ свой грѣхъ и перенося за него наказаніе, душа научается, какое различіе существуетъ между заповѣдію, которой она не захотѣла сохранить, и грѣхомъ, который она совершила; а такимъ образомъ, съ одной стороны, по опыту знакомится съ зломъ, котораго она не знала, остерегаясь его,—съ другой, чрезъ сравненіе со зломъ сильнѣе начинаетъ любить добро, которое она меньше любила, оказавъ къ нему неповиновеніе.

Итакъ, порча души состоитъ въ томъ, что она совершила, и проистекающее отсюда бѣдственное ея состояніе служить наказаніемъ, которое душа претерпѣваетъ: вотъ это-то и есть зло. Но совершать и терпѣть не—субстанція: поэтому субстанція не зло. Такъ, ни вода, ни живущее въ воздухѣ существо не—зло, потому что они—субстанціи; но добровольное паденіе въ воду и задушеніе, которое претерпѣваетъ бросившійся въ воду, уже зло. Желѣзный грифель, однимъ концомъ котораго мы пишемъ, а другимъ затираемъ написанное, дѣлается искусно и составляетъ вещьцу въ своемъ родѣ красивую и пригодную для нашего употребленія; но если бы кто-нибудь захотѣлъ писать тѣмъ концемъ, которымъ затираютъ, а затирать тѣмъ, которымъ пишутъ, въ такомъ случаѣ хотя его дѣйствіе и вызвало бы справедливое порицаніе, но самага грифеля никто не счелъ бы зломъ: потому что, возми онъ грифель правильно, гдѣ будетъ зло? Если кто-нибудь въ полдень вдругъ взглянетъ на солнце,—ослѣпленные глаза его придутъ въ разстройство, но будутъ-ли отъ того солнце или глаза зломъ? Ни въ какомъ случаѣ: потому что они—субстанціи; а зломъ будетъ не во время брошенный на солнце взглядъ и происшедшее отъ того разстройство глазъ; а зла этого не будетъ, когда глаза отдохнутъ и будутъ смотрѣть на свѣтъ надлежащимъ образомъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда тотъ самый свѣтъ, который касается нашихъ глазъ, читается какъ свѣтъ мудрости, имѣющій отношеніе уже къ уму, зломъ бываетъ не самый свѣтъ, а суетвѣріе, по которому твари служатъ больше, чѣмъ Творцу; и зла этого совершенно не будетъ, когда душа, познавъ Творца, будетъ покорна Ему одному и увидитъ, что чрезъ Него все покорно и ей.

Такимъ образомъ, всякая тѣлесная тварь, если только она составляетъ предметъ любви для души, любящей Бога, есть благо, хотя и низшее, и благо въ своемъ родѣ пре-

красное: потому что облечена въ форму и имѣеть образъ. Если же она служить предметомъ любви для души, не брегущей о Богѣ, то хотя сама не дѣлается зломъ, но такъ какъ грѣхъ—зло, то, составляя предметъ такого рода любви, она обращается въ наказаніе тому, кто ее любитъ, причиняетъ ему постоянное горе и услаждаетъ ложными удовольствіями: потому что удовольствія эти непостоянны, не даютъ удовлетворенія, а терзаютъ скорбями. Ибо когда счастливая пора времени проходить свое опредѣленное теченіе, возделанный образъ оставляетъ того, кто его любитъ, скрывается, причиняя ему муки, отъ чувствъ его и повергаетъ его въ такое ослабленіе, что онъ считаетъ этотъ образъ первымъ, тогда какъ онъ образъ самый послѣдній, т. е. образъ тѣлесной природы, который представляла ему услаждающаяся зломъ плоть посредствомъ обманчивыхъ чувствъ; такъ что, мысля о чемъ-либо, онъ полагаетъ, что нѣчто понимаетъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тѣшится только фантастическими призраками. Если же иногда, не содержа чистаго ученія о Божественномъ промысленіи, но полагая, что его держится, онъ старается противодѣйствовать плоти, то постоянно вращается въ области образовъ видимыхъ предметовъ и напрасно при помощи воображенія представляетъ себѣ необъятныя пространства напр. свѣта, который онъ видитъ ограниченнымъ известными предѣлами: этотъ образъ онъ переноситъ и на будущую жизнь, не зная, что, въ данномъ случаѣ, имъ руководитъ похоть очей и что изъ міра онъ хочетъ выдти съ этимъ же міромъ, который онъ считаетъ не тѣмъ же самымъ потому, что при помощи воображенія болѣе свѣтлую часть его расширяетъ въ безконечность. Тоже весьма легко можетъ быть сдѣлано не только относительно свѣта, но и относительно воды, вина, меда, золота, серебра, даже мяса, крови и костей такого или иного животнаго и относительно другихъ подобныхъ предметовъ. Ибо нѣтъ та-

вого тѣла, котораго при помощи воображенія нельзя было бы представить въ безчисленномъ множествѣ, хотя бы мы видѣли его только въ единственномъ числѣ, или же расширить въ безконечность, хотя бы знали его въ небольшомъ объемѣ. Но, впрочемъ, гнущаться плоти весьма легко, не мыслить же по-плотски весьма трудно.

ГЛАВА XXI.

Пока душа стремится къ преходящей тѣлесной красоте, она обманывается.

Вслѣдствіе этой-то, сопряженной съ грѣхомъ, извращенности души и этого наказанія вся тѣлесная природа сдѣлалась тѣмъ, что говорится у Соломона: *Суета суетствующихъ и всяческая суета. Кое изобиліе человеку во всемъ трудъ его, имже трудится подъ солнцемъ* (Еккл. I, 2. 3)? Здѣсь не даромъ прибавлено слово „суетствующихъ“: потому что безъ суетствующихъ, которые къ самымъ послѣднимъ предметамъ стремятся какъ къ самымъ первымъ, тѣло не будетъ суетою, а вѣрнымъ выраженіемъ своего рода красоты, хотя и послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, падшаго человѣка чрезъ посредство плотскихъ органовъ отдѣлила отъ единства Божія множественность временныхъ образовъ, и своимъ мѣняющимся разнообразіемъ размножила его страсти: такъ именно и произошло это тягостное изобиліе и эта, если такъ можно выразиться, избыточная бѣдность, когда одно смѣняетъ другое и ничего у человѣка не остается постояннымъ. Съ теченіемъ времени отъ плода пшеницы, вина и елѣя своего (Пс. IV, 8, 9.) онъ такъ оразнообразился, что не находитъ уже самосушаго, т. е. неизмѣнной и единственной природы, слѣдуя которой онъ не заблуждался бы, а достигнувъ не скорбѣлъ бы. Ибо онъ получить искупленіе и тѣла своего (Рим. VIII, 23), которое потомъ уже не

будеть подвержено тлѣнію. Нынѣ же тлѣнное тѣло отягощаетъ душу, и эта земная хранива подавляетъ многозаботливый умъ (Прем. IX, 15). такъ какъ послѣдняя красота тѣлъ разрѣшается въ рядъ преемственныхъ явленій. Она потому и есть красота послѣдняя, что не можетъ заразъ обвинять собой всего, а въ то время, какъ одни явленія проходятъ и смѣняются другими, они объединяють всѣ временныя формы въ одну красоту.

ГЛАВА XXII.

Управленіе переходящими предметами не нравится только людямъ несчастливымъ.

И все это не потому—зло, что оно преходяще. Такъ напр. въ своемъ родѣ и стихъ прекрасенъ, хотя двухъ слоговъ его заразъ никоимъ образомъ нельзя выговорить: потому что второй слогъ можетъ быть произнесенъ тогда только, когда раньше произнесенъ первый; и такъ по порядку мы доходимъ до конца, такъ что хотя послѣдній слогъ произносится только одинъ, а предыдущіе съ нимъ уже не произносятся, однако форму и размѣрную красоту стиха онъ завершаетъ въ связи съ предыдущими. И не смотря на это, само стихотворное искусство не настолько подчинено времени, чтобы красота его унижалась промежутками паузъ; напротивъ, оно заразъ имѣетъ все, изъ чего стихъ составляется, тогда какъ самъ стихъ не заразъ все имѣетъ, а уничтожаетъ предыдущее послѣдующимъ. И однако прекрасенъ и стихъ: потому что онъ представляетъ послѣдніе слѣды той красоты, которую постоянно и неизмѣнно сохраняетъ само искусство.

Такимъ образомъ, какъ нѣкоторые извращенные люди любятъ больше стихъ, чѣмъ самое стихотворное искусство, потому что послушны больше чувству слуха, чѣмъ разуму:

такъ точно многіе любятъ временное, а не стремятся познать Божественный промыслъ, создавшій времена и управляющій ими, и въ самой любви своей временныхъ предметовъ не хотятъ, чтобы уничтожалось то, что они любятъ, и въ этомъ случаѣ являются настолько же глупыми, какъ если бы кто-нибудь при чтеніи прекраснаго стихотворенія захотѣлъ слушать одинъ и тотъ же, постоянно повторяющійся, слогъ. Но такихъ слушателей стихотвореній не существуетъ; между тѣмъ подобными почитателями предметовъ полно все: потому что нѣтъ человѣка, который бы не былъ въ состояніи выслушать не только весь стихъ, но даже цѣлое стихотвореніе, тогда какъ объять мыслию цѣлый рядъ вѣковъ не въ силахъ ни одинъ человѣкъ. Притомъ, мы не играемъ роли въ стихотвореніи, между тѣмъ какъ въ теченіи вѣковъ осуждены быть дѣйствующими лицами. Отсюда стихотвореніе читается нами съ [критическимъ] сужденіемъ, вѣка же проходятъ для насъ въ трудъ и болѣзняхъ. А вѣдь ни одному побѣжденному не пріятны атлетическія игры, и однакожь онѣ красивы, хотя и соединены были съ позоромъ для него. Но это только нѣкоторое подобіе истины. Потому именно подобныя зрѣлища и воспрещаются намъ, чтобы, обольщаемые тѣнями предметовъ, мы не отдалялись отъ самыхъ предметовъ, тѣнями которыхъ они служатъ. Итакъ, устройство сей вселенной и управленіе ею не нравятся только душамъ нечестивымъ и осужденнымъ, но они, даже и при существованіи въ мірѣ злополучій, нравятся многимъ душамъ, или достигшимъ побѣды на землѣ, или безъ опасенія взирающимъ на небо: ибо праведному пріятно все справедливое.

ГЛАВА XXIII.

Всякая субстанція—добро.

Отсюда, такъ какъ всякая разумная душа или несчастна вслѣдствіе своихъ грѣховъ, или же блаженна вслѣд-

ствіе своихъ праведныхъ дѣлъ; а всякая неразумная душа или уступаетъ сильнѣйшему, или повинуется лучшему, или приравнивается къ равному, или создаетъ соперничающаго, или вредитъ уже преступному, и такъ какъ, наконецъ, тѣло служить своей душѣ настолько, насколько это допускается ея достоинствами и строемъ вещей: то ни въ какой природѣ нѣтъ зла, а зломъ для каждой природы становится ея собственная виновность. Затѣмъ, такъ какъ душа, благодатию Божіей возрожденная и восстановленная въ своей [первобытной] неповрежденности и подчиненная Тому единому, Кто ее создалъ, по восстановленіи и тѣла въ его прежней брѣности, перестанетъ быть во власти міра, а сама начнетъ обладать міромъ: то для нея не будетъ никакого зла, потому что та самая низшая красота временныхъ, одни другія смѣняющихся, явленій, которая шла вмѣстѣ съ нею, будетъ проходить ниже ея и будетъ тогда, какъ написано, *ново небо и земля нова* (Ис. LXV, 17; Апок. XXI, 1.) для душъ уже не труждающихся, а царствующихъ. *Вся ваша суть*, говоритъ апостоль, *вы же Христовы, Христосъ же Божій* (I Корнѣ. III, 23.), и: „Глава жены мужъ, глава мужа Христосъ, глава же Христа Богъ“ (1 Кор., XI, 3). Итакъ, поелику порча души заключается не въ природѣ ея, а противна ея природѣ и есть не что иное, какъ грѣхъ и наказаніе за грѣхъ: то отсюда понятно, что никакая природа, или, лучше сказать, никакая субстанція, или сущность не есть зло. И если вселенная исказается всевозможнымъ безобразіемъ, то это происходитъ отнюдь не отъ грѣховъ сущности души и наказаній за нихъ: потому что разумная сущность, чистая отъ всякаго грѣха, будучи подчинена Богу, господствуетъ надъ остальными, ей подчиненными; та же, которая согрѣшила, предназначена туда, гдѣ и слѣдуетъ быть таковымъ, такъ что Богомъ, творцомъ и промыслителемъ вселенной, устроено все прекрасно. И эта красота всего со-

твореннаго остается неприкосновенною, благодаря слѣдующимъ тремъ [средствамъ]: осужденію грѣшниковъ, воспитанію праведниковъ и совершенству блаженныхъ.

ГЛАВА XXIV.

Промышленіе о спасеніи челоуька идетъ двоякимъ путемъ: посредствомъ авторитета и посредствомъ разума; о первомъ способѣ—авторитетъ рѣчь идетъ до XXIХ гл.

По этой причинѣ и самое врачеваніе души, совершаемое Божественнымъ промысломъ и неизреченнымъ милосердіемъ, по своей постепенности и раздѣльности въ высшей степени прекрасно. Оно распадается на авторитетъ и разумъ. Авторитетъ требуетъ вѣры и подготавливаетъ челоуька къ разуму. Разумъ, въ свою очередь, приводитъ его къ пониманію и знанію. Хотя и разумъ не оставляетъ совершенно авторитета, какъ скоро заходитъ рѣчь о томъ, чему должно вѣрить: само собою понятно, что познанная и уясненная истина служитъ высшимъ авторитетомъ. Но поелику мы являемся въ области временнаго и любовію къ нему удерживаемся отъ вѣчнаго: то первое мѣсто принадлежитъ нѣкоторому временному врачевству, зовущему ко спасенію людей не знающихъ, а вѣрующихъ,—первое не по природѣ своей и превосходству, а по времени. Ибо куда кто падаетъ, тамъ долженъ искать и опоры, чтобы встать. Отсюда нужно пользоваться даже и плотскими формами, въ которыя мы заключены, для познанія формъ, о которыхъ плоть не говоритъ намъ. Плотскими же я называю тѣ формы, которыя мы ощущаемъ при помощи плоти, т. е. глазъ, ушей и другихъ тѣлесныхъ чувствъ. Поэтому, дѣти необходимо привязаны къ плотскимъ и тѣлеснымъ формамъ, юноши—почти необходимо, челоуьгу же, изъ этого возраста выступившему, онѣ уже не необходимы.

ГЛАВА XXV.

Авторитету какихъ людей или книгъ слѣдуетъ вѣрить въ вопросъ о богопочитаніи.

Итакъ, поелику Божественное провидѣніе промышляетъ не только объ отдѣльныхъ людяхъ, какъ бы частнымъ образомъ, но и о всемъ человѣческомъ родѣ, вообще: то какъ проявляется дѣйствіе его въ отдѣльныхъ людяхъ, объ этомъ вѣдаютъ Богъ промышляющій и тѣ, о которыхъ Онъ промышляетъ; а какъ проявляется [промыслительное] дѣйствіе во всемъ человѣческомъ родѣ, это угодно было Ему передать чрезъ исторію и пророчество. Между тѣмъ, свидѣтельство временныхъ, прошедшихъ-ли то, или будущихъ, событій имѣетъ больше значенія для вѣры, чѣмъ для разума; наше дѣло только—разсудить, какимъ людямъ или книгамъ слѣдуетъ больше вѣрить относительно правильнаго богопочтенія, въ чемъ единственно и заключается спасеніе. Прежде всего, изслѣдованію подлежитъ вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ вѣрить больше—тѣмъ ли, которые приглашаютъ насъ къ почитанію многихъ боговъ, или же тѣмъ, которые призываютъ къ почитанію единаго Бога?—Но кто же усумнится, что всего скорѣе нужно слѣдовать тѣмъ, которые призываютъ насъ къ Богу единому, особенно теперь, когда и читатели многихъ боговъ начинаютъ одинаково съ нами признавать единаго Господа и Правителя вселенскихъ? Да и число начинается съ единицы. Итакъ, прежде всего должно слѣдовать тѣмъ, которые исповѣдуютъ, что есть единый, высочайшій, единственно истинный и единственно достойный почитанія, Богъ; отъ нихъ мы должны отступить тогда только, если у нихъ не откроется истина. Ибо какъ въ самой природѣ вещей большимъ считается авторитетъ одного, направляющаго все къ единству, и какъ въ человѣческомъ родѣ толпа не имѣетъ никакой силы,

если у нея нѣтъ [человѣка] объединяющаго ее, т. е. одушевляющаго однимъ чувствомъ: такъ точно и въ религіи авторитетъ тѣхъ, которые призываютъ къ познанію Единого, долженъ считаться выше и достойнѣе довѣрія.

Затѣмъ, второе изслѣдованіе касается той разности, которая возникла среди людей уже относительно почитанія единого Бога.—Мы знаемъ, что предки наши на той степени вѣры, на которой отъ временнаго восходятъ въ вѣчному, нуждались въ видимыхъ чудесахъ (иначе они и не могли дѣйствовать). Благодаря имъ произошло то, что для насъ, потомковъ, въ чудесахъ нѣтъ уже необходимости. Ибо когда каволическая церковь распространилась и основалась по всему міру: то въ наши времена чудесамъ можно было уже прекратиться, чтобы духъ не стремился постоянно къ видимому и чтобы родъ человѣческій вслѣдствіе привычки не охладѣлъ къ тому, что прежде своею новизною его воспламеняло; съ другой стороны, для насъ уже не остается мѣста сомнѣнію, что мы должны вѣрить тѣмъ, которые хотя проповѣдывали о предметахъ, доступныхъ немногимъ, однако могли убѣдить народы послѣдовать за собою. А въ настоящее время рѣчь у насъ именно о нихъ, кому должны мы вѣрить, прежде чѣмъ каждый изъ насъ бываетъ способенъ къ достиженію разумнѣя предметовъ божественныхъ и невидимыхъ: ибо разумнѣю наиболѣе чистой души, достигшей очевидной истины, не предшествуетъ уже никакой человѣческой авторитетъ,—къ нему не приводитъ никакая гордость. И если бы не было гордости, не было бы ни еретиковъ, ни раскольниковъ, ни обрѣзанныхъ плотію, ни чтителей твари и кумировъ; но, съ другой стороны, если бы не было подобныхъ людей прежде обѣтованнаго народу совершенства, то истина изслѣдовалась бы съ гораздо большею лѣнностію.

ГЛАВА XXVI.

Божественное промышление о нашем спасеніи примысли-тельно къ шести возрастамъ ветхаго и новаго чловѣка.

Между тѣмъ, временное домостроительство и врачевное дѣй-ствие Божественнаго промысла по отношенію къ тѣмъ, кото-рые влѣдствіе грѣха подверглись смертности, изображается въ такомъ порядкѣ. Обратимъ вниманіе сначала на природу и воспитаніе одного какаго-нибудь родившагося чловѣка. Пер-вый его возрастъ, дѣтство, проходитъ въ тѣлесномъ питаніи и совершенно забывается у взрослоаго. За нимъ слѣдуетъ отрочество, съ котораго мы начинаемъ кое-что уже помнить. За нимъ наступаетъ юность, которой природа даетъ способ-ность продолжать потомство и дѣлаетъ чловѣка отцемъ. Далѣе идетъ мужество, способное уже къ прохожденію об-щественныхъ должностей и подчиненію законамъ; въ этомъ возрастѣ наиболѣе строгое воспрещеніе преступленій и связыва-ющее преступниковъ по рукамъ и ногамъ наказаніе рож-даютъ въ плотскихъ душахъ и наиболѣе бурныя проявленія страстей и вдвое усиливаютъ кару за каждое преступленіе. Ибо это значитъ совершить не просто проступокъ, не только зло, а и то, что запрещено. Наконецъ, послѣ трудовъ му-жескаго возраста наступаетъ пора нѣкотораго покоя старости. От-сель и до самой смерти тянется возрастъ наиболѣе дряхлый и хил-ый, наиболѣе подверженный болѣзнямъ и слабый. Такова жизнь чловѣка, живущаго по тѣлу и связаннаго пожеланіями времен-ныхъ предметовъ. Такой чловѣкъ называется ветхимъ, внѣш-нимъ и земнымъ, хотя бы онъ и пользовался, какъ выра-жается толпа, счастіемъ въ благоустроенномъ государствѣ, подъ властію ли царей или князей, или подъ охраною за-коновъ, или при всѣхъ этихъ условіяхъ имѣтъ; ибо иначе народъ не можетъ быть благоустроеннымъ, даже и тотъ, ко-торый стремится къ земному, хотя, конечно, и самъ по себѣ онъ имѣетъ нѣкоторую мѣру своеобразной красоты.

Въ состояніи этого человѣка, котораго мы описали, какъ ветхаго, вѣшняго и земнаго, — въ состояніи или въ своемъ родѣ умѣрннѣе, или даже превышающемъ мѣру рабской праведности, нѣкоторые люди остаются цѣлую жизнь, отъ рожденія до самой смерти. Нѣкоторые же по необходимости начинаютъ свою жизнь съ этого состоянія, но потомъ внутренно возраждаются и остающееся начало его собираютъ и умерщвляютъ, укрѣпляясь духомъ, возростая мудростію и прилѣпляясь къ небеснымъ законамъ, пока не достигнутъ, послѣ видимой смерти, полного возстановленія. Такой человѣкъ называется новымъ, внутреннимъ и небеснымъ, имѣющимъ, въ свою очередь, нѣкоторые свои духовные возрасты, соотвѣтственно не количеству лѣтъ, а [внутреннему] преуспѣянію. Первый (возрастъ) проводитъ онъ на нивѣ исторіи, которая питаетъ его полезными примѣрами; второй — время забвенія человѣческаго и стремленій къ божественному, когда человѣкъ не остается привязаннымъ къ человѣческому авторитету, а въ начинающейся дѣятельности разума опирается на высшій и неизмѣнный законъ; третій — состояніе уже болѣе увѣренное, когда человѣкъ силою разума объемлетъ плотское пожеланіе и внутренно радуется отъ ощущенія этой какъ бы своего рода супружеской сладости, когда душа его соединяется съ воспоминаніемъ [о прошломъ] и покрывается стыдливимъ покровомъ, такъ что не по принужденію живетъ добродѣтельно, а хотя бы и всѣ извивали ее, не желаетъ грѣшнить; четвертый — время, когда человѣкъ дѣлаетъ тоже самое, но гораздо тверже и послѣдовательнѣе, и является мужемъ совершеннымъ, способнымъ и подготовленнымъ къ перенесенію и препобѣжденію всяческихъ напастей, бурь и тревоженій міра сего; пятый — періодъ мирный и во всѣхъ отношеніяхъ покойный, когда человѣкъ живетъ въ богатствѣ и изобиліи неизмѣннаго царства высшей и неизреченной мудрости; шестой —

время всесторонняго измѣненія для вѣчной жизни, когда человѣкъ, вполнѣ забывая о временной жизни, переходитъ въ форму совершенную, созданную по образу и подобію Божію; седьмой—уже вѣчный покой и вѣчное блаженство, не различаемое никакими возрастами. Ибо какъ концемъ ветхаго человѣка служить смерть, такъ концемъ новаго человѣка служить вѣчная жизнь: потому что первый—человѣкъ грѣха, а второй—праведности.

ГЛАВА XXVII.

Теченіе жизни того и другаго человѣка во всемъ человѣческомъ родѣ.

Но оба эти человѣка, безъ всякаго сомнѣнія, существуютъ такъ, что въ состояніи одного изъ нихъ, т. е. человѣка ветхаго и земнаго, можетъ жить человѣкъ въ теченіи цѣлой своей жизни, въ состояніи же новаго и небеснаго человѣка никто не можетъ жить въ настоящей жизни иначе, какъ съ человѣкомъ ветхимъ: ибо съ него онъ по необходимости начинается и въ соединеніи съ нимъ продолжаетъ жизнь до самой видимой смерти, причемъ одинъ изъ нихъ слабѣетъ, а другой преуспѣваетъ. Такъ точно и весь человѣческій родъ, жизнь котораго отъ Адама до конца настоящаго вѣка есть какъ бы жизнь одного человѣка, управляется по законамъ Божественнаго промысла такъ, что является раздѣленнымъ на два рода. Къ одному изъ нихъ принадлежитъ толпа людей нечестивыхъ, носящихъ образъ земнаго человѣка отъ начала до конца вѣка. Къ другому—рядъ людей, преданныхъ единому Богу, но отъ Адама до Іоанна Крестителя проводившихъ жизнь земнаго человѣка въ нѣкоторой рабской праведности; его исторія называется ветхимъ завѣтомъ, такъ сказать обѣщавшимъ земное царство, и вся она есть не что иное, какъ образъ новаго народа и новаго завѣта, обѣщающаго царство небесное. Между тѣмъ,

временная жизнь послѣдняго народа начинается со времени пришествія Господа въ уничиженіи и (продолжается) до самаго дня суда, когда Онъ явится во славу свою. Послѣ этого дня, съ уничтоженіемъ ветхаго человѣка, произойдетъ та перемѣна, которая общасть ангельскую жизнь: ибо все мы возстанемъ, но не все измѣнимся (I Корин. XV, 51). Народъ благочестивый возстанетъ для того, чтобы остатки своего ветхаго человѣка перемѣнить на новаго; народъ же нечестивый, жившій отъ начала до конца ветхимъ человѣкомъ, возстанетъ для того, чтобы подвергнуться вторичной смерти.—Чтоже касается подраздѣленія [того и другаго народа] на возрасты, то ихъ найдутъ тѣ, которые внимаютъ [въ исторію]: такіе люди не утрашатся предъ судьбою ни плевель, ни соломы. Ибо нечестивый живетъ вѣдь для благочестиваго и грѣшникъ—для праведника, чтобы чрезъ сравненіе съ нечестивымъ и грѣшникомъ человѣкъ благочестивый и праведный могъ ревностию возвышаться, пока достигнетъ конца своего.

ГЛАВА XXVIII.

Что, кому и какъ должно быть передаваемо.

Между тѣмъ, кто бы въ теченіе жизни земнаго человѣка ни достигъ просвѣщенія внутренняго человѣка, человѣческій родъ, смотря по обстоятельствамъ, содѣйствовалъ ему, доставляя то, чего требовалъ его возрастъ, а то, что доставить было еще неблаговременно, открывая чрезъ пророчество.—Такихъ патріарховъ и пророковъ находятъ только тѣ, которые не по-дѣтски набрасываются ¹⁾ на благое и глубоко таинственное въ дѣлахъ божескихъ и человѣческихъ, а изслѣдуютъ таковое благочестиво и со вниманіемъ. Даже и во времена новаго народа, какъ я вижу, велигіе и духовные

¹⁾ Какъ дѣлаютъ Манихеи.

мужи, питомцы католической церкви, крайне остерегаются говорить простонародно о томъ, о чемъ говорить съ народомъ, по ихъ представлению, еще не благовременно: многимъ жаждущимъ, но еще слабымъ, они щедро и настойчиво предлагаютъ молочную пищу, болѣе же сильныхъ питаютъ съ немногими мудрыми твердою пищею. О мудрости они говорятъ только среди совершенныхъ; предъ плотскими же и душевными людьми, хотя и новыми, но еще не зрѣлыми, они кое-что скрываютъ, но, впрочемъ, ни въ чемъ не обманываютъ. Ибо они заботятся не о своихъ пустыхъ почестяхъ и тщетныхъ самовосхваленіяхъ, а о пользѣ тѣхъ, съ которыми удостоились въ настоящей жизни вступить въ общеніе. Таковъ уже законъ Божественнаго промысла, что никто не вспомооществуется со стороны вышихъ въ познаніи и принятіи благодати Божіей, кто самъ съ чистымъ сердцемъ не содѣйствовалъ въ томъ же самомъ низшимъ. Такимъ образомъ, послѣ нашего грѣха, который подъ именемъ грѣшника совершила сама наша природа, человѣческій родъ сдѣлался великимъ украшеніемъ земли, и Божественнымъ промысломъ управляется такъ прекрасно, что неизреченное искусство его врачеванія самую мерзость нашихъ пороковъ обращаетъ въ невѣдомо какую своего рода красоту.

ГЛАВА XXIX.

О второмъ способѣ спасенія, т. е. о разумѣ,—какимъ образомъ подъ его руководствомъ человекъ возводится къ Богу; прежде всего указывается превосходство разума предъ чувствами.

О благодѣтельности авторитета мы сказали уже столько, сколько это въ настоящее время представляется достаточнымъ. Теперь посмотримъ, какъ далеко можетъ доходить разумъ на пути отъ видимаго къ невидимому и отъ временнаго въ вѣчному. Въ самомъ дѣлѣ, не напрасно же и не попусту должны мы смотрѣть на красоту неба, на порядокъ звѣздъ,

на сіяніе свѣта, на смѣны дня и ночи, на мѣсячныя теченія луны, на четырехъ-временное дѣленіе года, соотвѣтствующее четыремъ элементамъ, на такую великую силу сѣмянъ, производящихъ виды и особи, и, наконецъ, на все, сохраняющее въ своемъ родѣ собственный образъ и природу. Въ разсматриваніи всего этого должно не праздное и минутное тѣшить любопытство, а поступательно направляться къ безсмертному и вѣчно существующему. Ибо самую близкою для насъ задачею служить разрѣшеніе вопроса, что такое эта жизненная природа, которая все это ощущаетъ и которая, оживляя тѣло, необходимо, конечно, должна быть выше тѣла. Вѣдь какъ бы огромно ни было какое-нибудь тѣло, пусть даже оно блещетъ этимъ видимымъ свѣтомъ больше обыкновеннаго, но разъ въ немъ нѣтъ жизни, оно не должно цѣниться высоко: всякая живая сущность по закону природы ставится выше всякой не живой сущности.

Но поелику никто не сомнѣвается, что и неразумныя животныя живутъ и чувствуютъ, то въ духѣ человѣческомъ наибольшую цѣну имѣеть не то, чѣмъ онъ ощущаетъ, а то, чѣмъ онъ судитъ о чувственномъ. Въ самомъ дѣлѣ, весьма многія животныя и видятъ острѣе и другими тѣлесными органами владѣютъ сильнѣе, чѣмъ люди, но судить о тѣлахъ есть свойство не только души чувствующей, но и разумной, которой животныя не имѣютъ и которою мы ихъ превосходимъ. Это весьма легко можно видѣть уже изъ того, что тотъ, кто судитъ, гораздо выше, чѣмъ предметъ, о которомъ судятъ. Между тѣмъ, разумная жизнь судитъ не только о томъ, что подлежитъ чувствамъ, но даже и о самыхъ чувствахъ: почему, напр., весло въ водѣ должно казаться преломленнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности оно прямо, и почему глаза видятъ его такъ,—фактъ этотъ зрѣніе глазъ хотя и можетъ удостовѣрить, но обсудить никакимъ образомъ не можетъ. Отсюда очевидно, что какъ одаренная

чувствомъ жизнь выше тѣла, такъ жизнь разумная выше ихъ обонхъ.

ГЛАВА XXX.

Но неизмѣнный законъ, т. е. истина, сообразно съ которой произносится сужденіе, выше разума.

Итакъ, если разумная жизнь судить сама по себѣ, то выше нея уже нѣтъ никакой природы. Но поелику ясно, что она измѣнчива, оказываясь иногда опытною, а иногда неопытною, — при чемъ она судить тѣмъ лучше, чѣмъ бываетъ опытною, а опытною она бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе обладаетъ какимъ нибудь искусствомъ, наукою или мудростію: то необходимо изслѣдовать природу самого искусства. Въ настоящемъ случаѣ я разумѣю не то искусство, которое обнаруживается въ опытѣ, а то, которое проявляется въ мышленіи. Ибо чѣмъ прекраснымъ владѣетъ тотъ, кто знаетъ, что составъ, приготовляемый изъ извести и песку, скрѣпляетъ камни прочнѣе, чѣмъ составъ изъ глины, или тотъ, кто строить зданіе съ такимъ изяществомъ, что тѣ его части, которыхъ много, соотвѣтствуютъ однѣ другимъ, какъ равныя равнымъ, тѣ же, которыя одиночны, занимаютъ мѣсто въ срединѣ, хотя это чувство [симметрію] граничить уже съ разумомъ и истинною? Но само собою понятно, мы должны опредѣлить, почему наше чувство возмущается, если изъ двухъ оконъ, расположенныхъ не одно надъ другимъ, а рядомъ, одно больше или меньше, когда они могли бы быть равными; но если бы они находились одно надъ другимъ, тогда хотя бы одно изъ нихъ было вдвое больше или меньше другаго, неравенство ихъ насъ такъ не возмутило бы, — и почему при двухъ окнахъ мы не особенно интересуемся вопросомъ, насколько одно изъ нихъ въ этомъ случаѣ больше, а другое меньше. Между тѣмъ, при трехъ окнахъ само, по видимому, вышнее чувство требуетъ — или чтобы они были равны между собою, или чтобы между самымъ большимъ и са-

мымъ меньшимъ находилось такое среднее, которое бы настолько было больше меньшаго, насколько само, въ свою очередь, было бы меньше большаго. Такимъ образомъ, прежде всего сама какъ бы природа заботится о томъ, что слѣдуетъ одобрить. При этомъ, впрочемъ, нужно замѣтить, что случается, какъ извѣстный предметъ, съ перваго взгляда намъ понравившійся, перестаетъ намъ нравиться при сравненіи съ лучшими. Итакъ, искусство въ обыденномъ значеніи есть не что иное, какъ воспроизведеніе предметовъ, взятыхъ изъ опыта и нравящихся намъ, въ соединеніи съ такимъ или другимъ примѣненіемъ матеріала и дѣйствія; и если бы ты не обладалъ этимъ [умѣньемъ], то все же могъ бы судить, что въ такого рода произведеніяхъ наиболѣе прекрасно, хотя бы самъ и не умѣлъ создать художественнаго произведенія.

Но такъ какъ во всѣхъ искусствахъ пріятное впечатлѣніе производитъ на насъ гармонія, благодаря только которой все бываетъ цѣлостнымъ и прекраснымъ, сама же гармонія требуетъ равенства и единства, состоящаго или въ сходствѣ равныхъ частей, или пропорціональности частей неравныхъ: то кто же найдетъ въ [дѣйствительныхъ] тѣлахъ полнѣйшее равенство или сходство и рѣшится сказать, при внимательномъ разсмотрѣніи, что какое-нибудь тѣло дѣйствительно безусловно едино, тогда какъ все измѣняется, переходя или изъ вида въ видъ, или съ мѣста на мѣсто, и состоитъ изъ частей, занимающихъ свои опредѣленные мѣста, по которымъ все оно раздѣляется по различнымъ пространствамъ? Затѣмъ, самое истинное равенство и подобіе, а также самое истинное и первое единство созерцаются не тѣлесными глазами и не какимъ-либо изъ тѣлесныхъ чувствъ, а только умомъ мыслящимъ. Ибо откуда бы явилось у насъ требованіе какого бы то ни было равенства въ тѣлахъ, или откуда бы составилось у насъ убѣжденіе, что весьма многое далеко отстоитъ отъ совершеннаго равенства, если бы въ умѣ нашемъ не было представленія объ этомъ совершенномъ равенствѣ, если только, впрочемъ, не сотворенное равенство слѣдуетъ называть совершеннымъ?

И такъ какъ все чувственно прекрасное, — будетъ ли оно созданіе природы, или произведеніе искусства, — бываетъ пре-

краснымъ въ пространствѣ и во времени, какъ напр. тѣло и его движенія: то это, однимъ только умомъ познаваемое, равенство и единство, сообразно съ которымъ при посредствѣ внѣшняго чувства мы судимъ о тѣлесной красотѣ, ни въ пространствѣ не расширяется, ни во времени не измѣняется. Ибо не правильно будетъ сказать, что о кругломъ шинѣ мы судимъ согласно съ этимъ равенствомъ и единствомъ, а о кругломъ сосудѣ не согласно съ ними, или о кругломъ сосудѣ—согласно, а о кругломъ динарѣ—не согласно съ ними. Точно также касательно времени и движеній тѣла странно будетъ сказать, что о равныхъ годахъ мы судимъ согласно съ этимъ равенствомъ и единствомъ, а о равныхъ мѣсяцахъ не согласно, или о равныхъ мѣсяцахъ—согласно, а о равныхъ дняхъ—не согласно. Но въ предѣлахъ ли года, или мѣсяца, или часовъ, или болѣе короткихъ моментовъ времени что-нибудь стройно движется, мы судимъ о немъ на основаніи одного и того же одинаго и неизмѣннаго равенства. Если же о большемъ или меньшемъ пространствѣ фигуръ или движеній мы судимъ на основаніи одного и того же закона равенства, или подобія, или сходства, то самъ законъ больше всего этого, но, впрочемъ, по силѣ; по пространству же и по времени онъ ни больше, ни меньше: потому что если бы онъ былъ [въ этомъ отношеніи] больше, то о меньшемъ мы судили бы не по всей его цѣлости, а если бы онъ былъ меньше, то о большемъ и совсѣмъ не судили бы по нему. Но такъ какъ по закону квадратуры въ его цѣлостномъ объемѣ мы судимъ въ настоящее время и о квадратной площади, и о квадратномъ камнѣ, и о квадратныхъ дощечкахъ и драгоценныхъ камняхъ; точно также по цѣлому закону равенства судимъ и о движеніи ползущаго муравья и широко шагающаго слона: то кто же усумнится, что этотъ законъ, превосходя все своею силою, по пространству и времени ни больше всего, ни меньше? А такъ какъ этотъ законъ всѣхъ искусствъ совершенно неизмѣненъ, умъ же человѣка, которому дано созерцать этотъ законъ, можетъ быть подчиненъ измѣняемому закону заблужденія, то отсюда достаточно очевидно, что выше нашего ума стоитъ законъ, называемый истиною.

ГЛАВА XXXI.

*Богъ есть высшій законъ, на основаніи котораго судить
никогда разумъ, но судить о которомъ не позволительно.*

А отсюда уже несомнѣнно и то, что неизмѣнная природа, стоящая выше разумной души, есть Богъ, и что первая жизнь и первая сущность находится тамъ, гдѣ и первая мудрость. Эта-то мудрость и есть та неизмѣнная истина, которая по справедливости называется закономъ всѣхъ искусствъ и искусствомъ всемогущаго Художника. Итакъ, поелику душа сознаетъ, что она о тѣлесномъ видѣ и о движеніи тѣлъ судить не по себѣ самой, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна признать, что ея природа выше той, о которой она судить, но что, съ другой стороны, выше ея природы стоитъ та, сообразно съ которой она судить, судить же о которой никоимъ образомъ не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, я могу сказать, почему члены каждаго тѣла съ обѣихъ сторонъ должны быть подобными одинъ другому: потому что услаждаюсь высшимъ равенствомъ, которое созерцаю не тѣлесными глазами, а умомъ; отсюда все, на что я смотрю глазами, тѣмъ, по моему мнѣнію, лучше, чѣмъ ближе по своей природѣ оно подходитъ къ тому, что я представляю себѣ умомъ. Но почему эти члены именно таковы, этого никто не можетъ сказать, и никто серьезно не скажетъ такъ, что они и должны быть таковы: какъ будто они могли бы быть и не таковы!

Даже и того, почему все подобное намъ нравится и почему мы, когда ближе въ него всматриваемся, начинаемъ сильнѣе его любить,—даже и этого никто не рѣшится сказать, если только онъ разсуждаетъ правильно. Ибо какъ мы и всѣ разумныя души о низшихъ предметахъ судимъ сообразно съ истиною, такъ точно о насъ самихъ судить сама единая Истина, когда мы бываемъ соединены съ ней. О са-

мой же Истинѣ не судить и Отецъ, потому что Она не меньше, чѣмъ и Онъ, и притомъ все, о чемъ Отецъ судить, Онъ судить чрезъ Нее. Ибо все, что стремится къ единству, въ Ней находитъ свою норму, или свою форму, или свой образецъ, или пусть назовутъ это какимъ-нибудь другимъ словомъ; потому что только Она одна представляетъ собою полное подобіе Того, отъ Кого получила свое бытіе, если только, впрочемъ, слово «получила» употребляется сообразно съ тѣмъ значеніемъ, по которому Она называется Сыномъ, такъ какъ существуетъ не отъ себя, а отъ высшаго Первоначала, называемаго Отцемъ, *изъ него-же всяко отечество на небесахъ и на земли именуется* (Ефес. III, 15.). Отсюда, *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде сынови* (Іоан. V, 22): *и духовный востязуетъ вся, а самъ той ни отъ единого востязуется* (I Корнѣ. II, 15), т. е. ни отъ одного человѣка, а только отъ самаго того закона, на основаніи котораго онъ судить обо всемъ; ибо весьма вѣрно сказано, что *всѣмъ явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (II Корнѣ. V, 10). Отсюда, онъ судить обо всемъ потому, что когда пребываетъ съ Богомъ, онъ стоитъ выше всего. А съ Богомъ онъ пребываетъ тогда, когда мыслить съ чистѣйшимъ сердцемъ и всею любовію любить то, о чемъ мыслить. Такимъ образомъ, насколько возможно, онъ даже и самъ становится тѣмъ самымъ закономъ, согласно съ которымъ онъ судить обо всемъ, но судить о которомъ никто не можетъ. Тоже самое мы видимъ и въ разсужденіи настоящихъ временныхъ законовъ: хотя люди и судятъ о нихъ, когда устанавливаютъ ихъ, но разъ законы установлены и введены въ дѣйствіе, судѣ позволяется судить уже не о нихъ, а сообразно съ ними. Однако законодатель, при составленіи временныхъ законовъ, если онъ человѣкъ добрый и мудрый, соображается съ тѣмъ вѣчнымъ закономъ, о которомъ судить не дано ни единой душѣ, дабы сообразно съ

его неизмѣнными правилами опредѣлить, что, смотря по времени, должно быть разрѣшено и что запрещено. Такимъ образомъ, чистымъ душамъ познавать вѣчный законъ позволительно, но судить о немъ не позволительно. Различіе въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что при познаніи мы довольствуемся воззрѣніемъ, что извѣстный предметъ существуетъ такъ или не такъ, при сужденіи же мы присоединяемъ и нѣчто такое, чѣмъ выражаемъ мысль, что онъ можетъ существовать и иначе, какъ бы говоря: „такъ должно это быть,“ или „такъ должно оно было быть,“ или „такъ должно оно будетъ быть,“ какъ поступаютъ въ своихъ произведеніяхъ художники.

ГЛАВА XXXII.

Признаки единства находятся въ тѣлахъ, но само единство познается только умомъ.

Но для многихъ [людей] цѣлю служить только удовольствіе; они не хотятъ подняться своею мыслию повыше, чтобы судить о томъ, почему такіе или иные видимые предметы производятъ на насъ пріятное впечатлѣніе. Если, напр., у архитектора, когда устроена имъ одна арка, я спрошу, почему намѣренъ онъ устроить подобную же арку и съ другой, противоположной стороны, онъ, думаю, отвѣтитъ, что это требуется для того, чтобы равныя части зданія соответствовали равнымъ. Если далѣе я спрошу, почему же онъ предпочитаетъ именно такое (устройство): онъ отвѣтитъ, что такъ нужно, такъ красиво и что это производитъ на глаза зрителей пріятное впечатлѣніе; больше онъ ничего не скажетъ. Ибо [человѣкъ] согбенный смотритъ опущенными глазами и не понимаетъ, отъ чего то зависитъ. Но человѣку, обладающему внутреннимъ зрѣніемъ и созерцающему внутреннимъ окомъ, я не перестану надобѣдать вопросомъ, почему же подобные пред-

меты производятъ на насъ пріятное впечатлѣніе, чтобы онъ научился быть судьей самого удовольствія. Ибо въ такомъ только случаѣ онъ будетъ выше удовольствія и не будетъ рабомъ его, когда будетъ судить о немъ самомъ, а не сообразно съ нимъ. И прежде всего я спрошу у него, потому ли такіе предметы прекрасны, что они производятъ пріятное впечатлѣніе, или же потому они и производятъ пріятное впечатлѣніе, что прекрасны? На этотъ вопросъ онъ отвѣтитъ безъ сомнѣнія такъ, что они производятъ пріятное впечатлѣніе потому, что прекрасны. Отсюда, затѣмъ, я спрошу его, а почему же они прекрасны? и если онъ будетъ колебаться, присовокуплю, не потому ли, что части ихъ взаимно равны и благодаря извѣстному соотношенію приведены въ стройное единство?

Когда онъ убѣдится, что это такъ, я спрошу его, вполне ли они выражаютъ то самое единство, къ которому стремятся, или же, напротивъ, далеко отступаютъ отъ него и въ извѣстной мѣрѣ обманчиво представляютъ его? Если же это такъ (потому что кто-же изъ спрашиваемыхъ не знаетъ, что нѣтъ рѣшительно ни одной формы, ни одного тѣла, которыя бы не имѣли таковыхъ или иныхъ слѣдовъ единства, и что, съ другой стороны, какъ бы тѣло ни было прекрасно, оно не можетъ вполне выражать того единства, къ которому стремится, потому что въ другихъ мѣстахъ пространства оно можетъ быть неизбежно и не такимъ),—итакъ если это вѣрно, то я потребую, чтобы онъ отвѣтилъ, гдѣ же или въ чемъ самъ онъ видитъ это единство? Если же онъ его не видитъ, то откуда знаетъ съ одной стороны то, выраженіемъ чего внѣшняя форма тѣлъ должна быть, съ другой то, чего вполне выразить она не можетъ? Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сказалъ тѣламъ: „Вы были бы ничто, если-бы васъ не обнимало извѣстнаго рода единство, но съ другой стороны если-бы вы были само единство, то не были бы и

тѣлами“,—ему совершенно правильно возразили бы: „Откуда ты знаешь это единство, по которому судишь о тѣлахъ? Если бы ты его не видѣлъ, то не могъ бы произнести сужденія, что тѣла не исполнѣ его выражаютъ; но если бы, съ другой стороны, ты видѣлъ его тѣлесными глазами, то не произнесъ бы того вѣрнаго сужденія, что, хотя тѣла и заключаютъ въ себѣ слѣды его, однако далеко отступаютъ отъ него, потому что тѣлесными глазами ты видишь только тѣлесное: слѣдовательно, мы видимъ его только умомъ. Но гдѣ же видимъ? Если бы оно было въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и наше тѣло, то его не видѣлъ бы тотъ, кто приноситъ подобное же о тѣлахъ сужденіе на востокѣ. Слѣдовательно, оно не содержится въ [одномъ] мѣстѣ, и, будучи вездѣ присуще тому, кто судить, никогда не существуетъ пространственно, но всегда силою.

ГЛАВА XXXIII.

Не тѣла и не тѣлесные органы обманываютъ, а сужденіе. Обманчивое и живое не одно и тоже.

Если же тѣла обманчиво представляютъ видъ единства, то имъ, какъ обманчивымъ, не слѣдуетъ и довѣряться, чтобы не впасть въ суету суетствующихъ; но,—такъ какъ обманчивы они потому, что единство представляютъ, повидимому, на взглядъ тѣлесныхъ глазъ, тогда какъ оно созерцается только умомъ,—надобно разслѣдовать, обманчивы ли они постольку, поскольку подобны единству, или же постольку не достигаютъ его. Ибо если-бъ они достигали его, то исполнѣ выражали бы то, подражаніемъ чему они служатъ. А еслибы они исполнѣ его выражали, то были бы совершенно ему подобны. Если же они были бы совершенно ему подобны, то между тою и этою природою не было бы никакого различія. А если бы это было такъ, то они уже

не обманчиво представляли бы единство: потому что были бы то-же, что и оно. Да, впрочемъ, они и не обманчивы для тѣхъ, кто разсматриваетъ ихъ съ тщательностію: потому что обманываетъ тотъ, кто хочетъ казаться не тѣмъ, что онъ есть; то же, что вопреки своей волѣ считается инымъ, чѣмъ каково оно на самомъ дѣлѣ, не обманчиво, а только лживо. Ибо обманчивое отличается отъ лживаго тѣмъ, что всему обманчивому присуще намѣреніе вводить въ обманъ, хотя бы ему и не вѣрили; лживое же не можетъ не лгать. Отсюда, такъ какъ тѣлесный образъ не имѣетъ никакой воли, то онъ и не обманываетъ; и еслибы мы сами его не принимали за то, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ не есть, то онъ не былъ бы даже и лживымъ.

Но не лживы даже и самые глаза наши, потому что они не могутъ представлять нашей душѣ ничего, кромѣ своего ощущенія. Если же не только глаза, но и всѣ тѣлесныя чувства свидѣтельствуютъ такъ, какъ они ощущаютъ, то я не знаю, чего же больше мы должны еще требовать отъ нихъ. Итакъ, устрани суетствующихъ, и никакой суеты не будетъ. Если кто-нибудь думаетъ, что весло въ водѣ преломляется, а когда оттуда вынимается, дѣлается цѣлымъ, то въ этомъ случаѣ не органъ зрѣнія его худъ, а самъ онъ—худой судья. Ибо по самой своей природѣ онъ не могъ и не долженъ былъ ощущать въ водѣ иначе: если, въ самомъ дѣлѣ, воздухъ одно, а вода—другое, то совершенно естественно, чтобы ощущеніе въ водѣ было иное, чѣмъ въ воздухѣ. Слѣдовательно, глазъ [дѣйствуетъ] правильно, ибо онъ и созданъ для того, чтобы только видѣть, но превратно [дѣйствуетъ] духъ, которому для созерцанія высшей красоты дарованъ умъ, а не глазъ. Между тѣмъ, онъ умъ хочетъ обратить къ тѣламъ, а къ Богу глаза, ибо тѣлесное онъ стремится понять [умомъ], а духовное видѣть [глазами], чего быть не можетъ.

ГЛАВА XXXIV.

Какъ судить о призракахъ, созданныхъ воображеніемъ.

Отсюда, эта превратность должна быть исправлена, потому что, если [человѣкъ] не переставитъ перваго на мѣсто втораго и наоборотъ, онъ не будетъ удостоенъ небеснаго царства. Не будемъ же искать высшаго въ низшемъ и привязываться къ самому низшему. Будемъ судить о немъ такъ, чтобы не быть осужденными вмѣстѣ съ нимъ, т. е. будемъ приписывать ему столько, сколько внѣшній образъ заслуживаетъ, чтобы, ища перваго въ самомъ послѣднемъ, не стать изъ первыхъ въ числѣ послѣднихъ. Послѣднимъ ничто не вредитъ, но намъ вредитъ весьма многое. Однако, домостроительство Божественнаго промысла отъ того не дѣлается менѣе стройнымъ, ибо и несправедливые управляются имъ справедливо, и безобразные прекрасно. Хотя красота видимыхъ предметовъ и обманываетъ насъ, потому что она поддерживается единствомъ, но не вполне выражаетъ единство: однако поймемъ, если только можемъ, что обманываемся мы не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, чего нѣтъ. Всякое тѣло—тѣло, безъ сомнѣнія, истинное, обманчиво только единство. Ибо [всякое тѣло] не вполне едино, или не настолько подходитъ къ нему, чтобы вполне выражать его,—и однако оно не было бы и тѣломъ, если бы не было въ такой или иной мѣрѣ единымъ. Но само собою понятно, что оно не могло бы быть единымъ хотя бы въ какой нибудь мѣрѣ, если бы не получило [единства] отъ Того, Кто—высочайшее единство.

О, души упрямья! ¹⁾ Укажите мнѣ [изъ васъ] того, чей умственный взоръ свободенъ былъ бы отъ воображенія плотскихъ призраковъ! Кто понималъ бы, что нѣтъ инаго начала для всего единаго, кромѣ Того единаго, отъ Кого

¹⁾ Разумѣются манихеи, привязанные къ ложнымъ призракамъ.

происходить все единое, какъ вполне Его выражающее, такъ и не выражающее вполне! Кто понималъ бы, а не въ споры вступалъ и хотѣлъ казаться разумѣющимъ то, чего не разумѣеть! Кто противостоялъ бы чувствамъ плоти и тѣмъ ранамъ, которымъ благодаря имъ онъ подвергся въ душѣ своей! Кто противостоялъ бы привычкамъ и похваламъ людскимъ, мучился бы угрызениемъ совѣсти на ложѣ своемъ, обновлялъ бы духъ свой, не любилъ бы вѣшной суеты и не исбалъ лжи (Пс. IV, 3, 4)! Кто, наконецъ, могъ бы сказать себѣ: „Если Римъ—одинъ, основанный, какъ говорятъ, близъ Тибра неизвѣстно какимъ-то Ромуломъ: значить, тотъ, который я умопредставляю (*fingo cogitans*), ложенъ, потому что тотъ—не тотъ самый, и въ томъ я не присутствую даже и духомъ, ибо въ такомъ случаѣ я зналъ бы все, что тамъ происходитъ. Если солнце одно: значить, то, которое я умопредставляю, ложно, потому что то солнце совершаетъ свое теченіе въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленные времена, а это я ставлю, гдѣ и когда хочу. Если мой другъ такой-то одинъ: значить, тотъ, котораго я умопредставляю, ложенъ, потому что гдѣ тотъ, я не знаю, а этого я мысленно представляю, гдѣ хочу. Самъ я, конечно, одинъ, и чувствую, что тѣло мое находится въ этомъ именно мѣстѣ,—и однако въ воображеніи я иду, куда угодно, и говорю, съ кѣмъ угодно. Все это ложно, только никто не считаетъ этого ложнымъ. Не считаю его ложнымъ и я, когда созерцаю что-либо подобное, и вѣрю ему на томъ основаніи, что созерцаемое умомъ должно быть истиннымъ: ибо неужели же оно—то, что обыкновенно называется призраками? Откуда же душа моя полна мечтаній? Гдѣ та истина, что созерцается умомъ?“—Такъ разсуждающему можно сказать: „Истиненъ тотъ свѣтъ, при помощи котораго ты познаешь, что это не истинно. При его посредствѣ ты созерцаешь то единое, при помощи котораго все, что ни видишь внаго, ты

считаешь единымъ, но при этомъ все, что ни видишь ты измѣнчиваго, не есть само это единое“.

ГЛАВА XXXV.

Чтобы познать Бога, нужно быть ни къ чему не привязаннымъ.

Если же умственный взоръ [вашъ] трепещетъ предъ созерцаемъ этого, услобойтесь, не вступайте въ борьбу ни съ чѣмъ, кромѣ тѣлесныхъ привычекъ: одержите надъ ними побѣду, и все тогда будетъ побѣждено. Мы ищемъ Того единаго, проще Кого нѣтъ ничего. Будемъ же искать Его въ простотѣ сердца. „Живите въ покоѣ, говорить, и *разумѣйте, яко азъ есмь Богъ* (Пс. XLV, 11.); въ покоѣ не бездѣйствія, а въ покоѣ мысли, чтобы она свободна была отъ условій мѣста и времени. Ибо всѣ эти призраки гордости и легкомыслія не позволяютъ созерцать постоянное единство. Пространство представляетъ предметы для нашей любви, время уноситъ ихъ и оставляетъ толпу призраковъ, которые возбуждаютъ у насъ желаніе то одного, то другаго. Отъ того духъ [нашъ] становится неспокойнымъ и печальнымъ, напрасно желая удержать то, что служить предметомъ его любви. Поэтому онъ и призывается къ покою, т. е. къ тому, чтобы не любилъ такихъ предметовъ, любовь къ которымъ не возможна безъ горя. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ господствовать надъ ними; не они будутъ держать его въ своей власти, а онъ ихъ. *Иго мое*, говорить, *легко* (Мѡ. XI, 30). Кто подчиненъ этому игу, тотъ имѣетъ въ подчиненіи и все остальное. Онъ, слѣдовательно, будетъ уже свободенъ отъ трудовъ, ибо противостоятъ тому, что подчинено ему. Но несчастные друзья міра сего, владыками котораго они были бы, если бы пожелали быть сынами Божиими, потому что Богъ *даде имъ область надомъ Божи-*

имъ быти (Іоан. I, 12),—друзья, говорю, міра сего настолько боятся разстаться съ объятіями міра, что для нихъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ не трудиться.

ГЛАВА XXXVI.

Слово Божіе есть сама истина, потому что Оно вполне выражаетъ то Начало, отъ котораго происходитъ все, что ни есть единого. Ложность является не отъ вещей, а отъ грѣховъ.

Но для кого очевидно то, по крайней мѣрѣ, что существуетъ ложь, вслѣдствіе которой признается такое, чего нѣтъ, для того понятно и то, что существуетъ истина, которая показываетъ такое, что есть. Если же тѣла обманываютъ насъ постольку, поскольку они не вполне выражаютъ то единое, подражать чему они стремятся: то все, что только отъ этого Начала происходитъ единого и стремится къ подобію съ Нимъ,—все это мы естественно одобряемъ; такъ какъ, съ другой стороны, естественно не одобряемъ все, что только отступаетъ отъ единства и стремится въ несходству съ Нимъ. Отсюда дается понять, что есть нѣчто такое, что тому единственно единому Началу, отъ котораго происходитъ все, что только есть единого въ такомъ или иномъ отношеніи, подобно настолько, что вполне выражаетъ Его и тождественно Ему: это—и Истина, и Слово въ Началѣ, и Слово - Богъ у Бога. Ибо если ложность происходитъ отъ того, что подражаетъ Единому, но не поскольку Ему подражаетъ, а поскольку не можетъ вполне выразить Его: то эта Истина есть нѣчто такое, что могло вполне выразить Единое и быть тѣмъ же, что и Оно,—она показываетъ Его такъ, какъ Оно есть, почему и называется вполне правильно и Словомъ Его, и Свѣтомъ Его (Іоан. I, 9). Все остальное можетъ быть названо подобнымъ этому единому

постольку, поскольку существуетъ, ибо постольку оно и истинно; между тѣмъ, она представляетъ собою само подобіе Его, отъ чего и есть Истина. Ибо какъ отъ истины происходитъ все истинное, такъ отъ подобія происходитъ все подобное. Отсюда, какъ истина есть образъ истиннаго, такъ подобіе—образъ подобнаго. Поэтому, такъ какъ истинное постольку истинно, поскольку оно существуетъ, а существуетъ оно постольку, поскольку подобно первоединому, то образомъ всего существующаго служить наивысшее подобіе Началу; оно же есть и Истина, потому что не имѣетъ ничего съ Нимъ несходнаго.

Отсюда, ложь происходитъ не отъ вещей обманчивыхъ, потому что онѣ ощущающему не представляютъ ничего, кромѣ своего вѣшняго вида, который получили по степени своей красоты; а также и не отъ обманчивыхъ чувствъ, которыя, будучи возбуждаемы сообразно съ природою своего тѣла, представляютъ духу человѣка, управляющему ими, только свои возбужденія; но вводятъ насъ въ заблужденіе грѣхи, когда душа ищетъ истиннаго, оставивъ истину въ небреженіи. Ибо, возлюбивъ тварь паче Творца и творчества, она наказывается такимъ заблужденіемъ, что въ тваряхъ ищетъ Творца и творчество, и, не находя Его, думаетъ, что сами твари и суть Творецъ и творчество (ибо Богъ не только не подлежитъ тѣлеснымъ чувствамъ, но возвышается даже и надъ самымъ умомъ).

ГЛАВА XXXVII.

Нечестіе многообразнаго идолопоклонства произошло отъ любви къ твари.

Отсюда происходитъ всякаго рода нечестіе не только людей согрѣшающихъ, но даже и осужденныхъ за свои грѣхи. Ибо вопреки заповѣди Божіей они хотятъ не только

познавать природу и услаждаться ею больше, чѣмъ самымъ закономъ и истинною,—а въ этомъ обнаруживается грѣхъ перваго человѣка, злоупотребившаго свободою волею,—но въ самомъ осужденіи присовокупляютъ еще и то, что не только любятъ тварь, но и служатъ ей паче Творца (Рим. I, 25) и чтутъ ее по частямъ, начная отъ самаго высшаго и оканчивая самымъ низшимъ. Нѣкоторые держатся того, что вмѣсто высочайшаго Бога чтутъ душу, первую разумную тварь, которую Отецъ создалъ чрезъ Истину, для постоянного созерцанія самой Истины, а чрезъ Нее—и Себя Самого, потому что она во всѣхъ отношеніяхъ совершенно подобна Ему. Затѣмъ переходятъ къ жизни производительной, т. е. къ твари, при посредствѣ которой вѣчный и неизмѣняемый Богъ производитъ видимыя и временныя порожденія. Отсюда нисходятъ до почитанія животныхъ, а затѣмъ даже и тѣлъ, останавливаясь прежде всего на наиболѣе красивыхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ тѣла небесныя. Отсюда, прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе солнце, и нѣкоторые на немъ одномъ и останавливаются. Нѣкоторые же считаютъ достойнымъ религіознаго почтенія и блескъ луны, ибо она, какъ утверждаютъ, ближе къ намъ, почему, полагаютъ, и имѣетъ болѣе похожій [на землю] видъ. Другіе присоединяютъ еще и прочія свѣтила и все небо съ его звѣздами. Третьи къ эфирному небу присовокупляютъ и воздухъ, подчиняя этимъ двумъ высшимъ тѣлеснымъ элементамъ свою душу. Но между всѣми ими за самыхъ религіозныхъ считаютъ себя тѣ, которые все твореніе въ совокупности, т. е. весь міръ со всѣмъ, въ немъ существующимъ, и жизнь его, одушевляющую и оживляющую, которую одни считаютъ тѣлесною, а другіе безтѣлесною,—все это вмѣстѣ взятое признаютъ однимъ великимъ Богомъ, частями котораго служатъ остальные предметы. Они не знаютъ Создателя и Устроителя вселенной. Поэтому

и устремляются къ идоламъ, отъ твореній Божіихъ—къ дѣламъ рукъ своихъ, что видимъ мы еще и доселѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

Новый видъ идолослуженія, которымъ грѣшникъ служитъ тройкой похоти. Пока мы живы, мы можемъ побѣждать пороки. Христосъ показалъ намъ, что должно остерегаться тройкаго искушенія.

Ибо существуетъ другого рода, гораздо худшій и низшій, видъ почитанія идоловъ, когда чтутъ свои собственные призраки и обрываютъ религіознымъ благоговѣніемъ все, что только блуждающимъ духомъ измышляется подъ вліяніемъ гордости или надменности, пока не дойдутъ до мысли, что не слѣдуетъ чтить рѣшительно ничего и что люди, которые утопаютъ въ суетѣри и преданы этому злополучному рабству, заблуждаются. Но напрасно они такъ думаютъ: имъ не довести людей до того, чтобы они не были рабами, потому что у нихъ останутся во всякомъ случаѣ пороки, къ которымъ они бывають такъ привязаны, что считаютъ ихъ заслуживающими почитанія. И дѣйствительно, они раски служатъ тройкой похоти—похоти плоти, похоти гордости и похоти очей. Я не допускаю, чтобы въ числѣ людей, по мнѣнію которыхъ не слѣдуетъ ничего чтить, оказался кто-нибудь, который бы или не былъ преданъ плотскимъ радостямъ, или не раболѣпствовалъ предъ пустымъ могуществомъ, или не безумствовалъ подъ вліяніемъ какого-нибудь зрѣлища. По невѣдѣнію люди такъ любятъ временное, что отъ него ждуть блаженства. А всякій волей—неволей становится рабомъ по необходимости тѣхъ предметовъ, при помощи которыхъ желаетъ сдѣлаться блаженнымъ. Ибо онъ слѣдуетъ туда, куда они увлекають его, и боится всякаго, кто, кажется, можетъ у него ихъ похитить. А похитить ихъ мо-

гутъ и искорка огня, и бабье-вибудь маленькое животное. Наконецъ, не говоря о безчисленныхъ несчастіяхъ, самое время съ необходимостью уничтожаетъ все преходящее. Итакъ, поелику настоящій міръ заключаетъ въ себѣ предметы только временные, то тѣ являются рабами всѣхъ частей міра, которые не признаютъ ничего заслуживающимъ почитанія, чтобы не быть рабами ничего.

При всемъ томъ, хотя эти несчастные и находятся въ такой изменности, что позволяютъ порокамъ своимъ господствовать надъ собою, осуждаемые на то или похотью плоти, или гордостью, или любопытствомъ, или тѣмъ либо другимъ изъ нихъ вмѣстѣ, или всѣмъ заразъ: однако, пока остаются съ этою привязанностію къ человѣческой жизни, они могутъ еще вступить въ борьбу съ пороками и побѣдить ихъ, если только напередъ увѣруютъ въ то, чего не въ силахъ понять, и если перестанутъ любить міръ, ибо, какъ прекрасно сказано, *все, еже въ міръ похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская* (I Иоан. II, 16). Въ этихъ словахъ обозначены три указанныя страсти, именно — *похоть плоти* означаетъ поклонниковъ низшихъ удовольствій, *похоть очесъ* — любопытныхъ, *гордость житейская* — гордыхъ.

Отсюда, на человѣкѣ, котораго восприняла сама Истина, указано остерегаться троякаго искушенія. *Рцы*, говоритъ искушитель, *да каменіе сіе хлѣбы будутъ*. Но этотъ единый и единственный Учитель отвѣчаетъ: *Не о хлѣбъ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю Божіемъ* (Мѡ. IV, 3. 4). Такъ показалъ Онъ, что должно быть побѣждаемо желаніе удовольствія, чтобы не поддаваться даже голоду! Но тотъ, кто могъ не поддаться похоти плоти, могъ, пожалуй, быть уловленъ тщеславнымъ желаніемъ временнаго господства: поэтому ему были показаны всѣ царства міра и сказано было: *Вся тебѣ дамъ, аще падѣ*

поклонились. На это отвѣтомъ было: *Господу Богу твоему поклонились и тому единому послужили* (Мѡ. IV, 9). Такъ поцрана была гордость! Между тѣмъ, пущена была въ ходъ и послѣдняя приманка любопытства: ибо броситься съ вершины храма [искуситель] подстрекалъ не для чего иного, какъ для того, чтобы только сдѣлать какое-нибудь испытаніе. Но [Христось] не былъ побѣжденъ и далъ такой отвѣтъ, который даетъ понять намъ, что для познанія Бога нѣтъ надобности въ попыткахъ, имѣющихъ цѣлю вывѣдывать божественное видимымъ образомъ: *Не искусили, говоритъ, Господа Бога твоего* (Мѡ. IV, 7). Поэтому, кто только внутренно питается словомъ Божиимъ, тотъ не ищетъ удовольствія въ сей пустынѣ; кто преданъ одному только Богу, тотъ не ищетъ тщеславія на горѣ, т. е. въ земномъ превозношеніи; кто отдается вѣчному зрѣлищу неизмѣнной Истины, тотъ не устремляется съ вершины сего тѣла, т. с. глазами, чтобы познавать временное и низшее.

ГЛАВА XXXIX.

Самыми пороками своими душа вразумляется искать первой красоты, что до 43 главы доказывается, прежде всего, относительно порока удовольствія.

Итакъ, что же есть такого, откуда бы душа не могла припоминать о первой красотѣ, которую она покинула, когда она можетъ [припомнить о ней] по самымъ даже порокамъ своимъ? И дѣйствительно, премудрость Божія неизгладимо простирается отъ одного края до другаго (Прем. Сол. VIII, 1). Верховный Художникъ сочеталъ и расположилъ свои творенія въ одно прекрасное цѣлое. Его благость, начиная съ высшаго и оканчивая низшимъ, не завидуетъ никакой красотѣ, которая и можетъ быть отъ Него только одного; такъ что самую Истиною не отвергается никто, кто сохра-

няетъ въ себѣ хотя нѣкоторые слѣды истины. Разбери, что въ тѣлесномъ удовольствіи служить основаніемъ, и не найдешь ничего иного, кромѣ согласія: ибо если противоборствующее [намъ] производитъ скорбь, то согласное производитъ удовольствіе. Поэтому старайся дозвать, что такое высшее согласіе: внѣ себя не выходи, а сосредоточься въ самомъ себѣ, ибо истина живетъ во внутренемъ человѣкѣ; найдешь свою природу измѣнчивую—стань выше самого себя. Но становясь выше себя самого, помни, что размышляющая душа выше и тебя. Поэтому, стремись туда, откуда возжигается самый свѣтъ разума. Ибо къ чему иному приходитъ всякій добрый мыслитель, какъ не къ истинѣ, такъ какъ истина не къ себѣ же самой приходитъ путемъ мышленія, а сама есть то, чего мыслители ищутъ? Тамъ же ищи и того согласія, выше котораго [мыслитель] не можетъ быть, а самъ, напротивъ, сообразуется съ нимъ. Сознайся, что ты не то, что оно; если же оно не само себя ищетъ, а ты ища пришелъ къ нему: то пришелъ не путемъ пространства, а силою ума, чтобы внутренній человѣкъ самъ согласенъ былъ съ живущимъ въ немъ удовольствіемъ,—удовольствіемъ не плотскимъ и плотскимъ, а высшимъ и духовнымъ.

А если ты не понимаешь, что я говорю, и сомнѣваешься, вѣрно ли все это, обрати вниманіе, по брайней мѣрѣ, на то, не сомнѣваешься ли ты въ самомъ этомъ сомнѣніи своемъ, и если вѣрно, что сомнѣваешься, разбери, отъ чего оно вѣрно: въ этомъ случаѣ тебѣ навстрѣчу идетъ свѣтъ, конечно, не солнца, а свѣтъ истинный, просвѣщающій всякого человѣка, грядущаго въ сей міръ (Іоан. I, 9). Этотъ свѣтъ не возможно видѣть тѣлесными глазами; нельзя видѣть его даже и тѣми очами, которыми измышляются вторгающіеся въ душу при помощи тѣлесныхъ глазъ призраки, а тѣми, которыми самымъ призракамъ мы говоримъ: „Вы не то, чего я ищу, а также и не то, на основаніи чего я

привожу васъ въ порядокъ; что представляется мнѣ въ васъ безобразнымъ, того я не одобряю, а что—прекраснымъ, одобряю, хотя то гораздо прекраснѣе, на основаніи чего я не одобряю и одобряю: отсюда это послѣднее я больше одобряю и предпочитаю его не только вамъ, но и всѣмъ тѣламъ, изъ которыхъ я васъ почерпаю“. Это самое правило, которое ты теперь видишь, примѣни потомъ такимъ образомъ: всякій, кто сознаетъ себя сомнѣвающимся, сознаетъ нѣчто истинное, и увѣренъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ сознаетъ: слѣдовательно, увѣренъ въ истинномъ. Отсюда всякій, кто сомнѣвается въ существованіи истины, въ самомъ себѣ имѣетъ нѣчто истинное, на основаніи чего онъ не долженъ сомнѣваться, ибо все истинное бываетъ истиннымъ не иначе, какъ отъ истины. Итакъ, тотъ не долженъ сомнѣваться относительно истины, кто почему бы то ни было могъ сомнѣваться. Въ комъ видимъ мы такое [сомнѣніе], тамъ дѣйствуетъ свѣтъ, не ограничивающійся пространствомъ и временемъ и свободный отъ всякаго призрака этихъ условій. Ибо развѣ истина можетъ съ какой-нибудь стороны повреждаться, хотя бы у плотскихъ и низшихъ [людей] пропадало или ветшало всякое мышленіе? Мышленіе не создаетъ вѣдь истины, а находитъ ее [готовую]. Отсюда, прежде чѣмъ ее находятъ, она пребываетъ въ самой себѣ, и, когда ее находятъ, она служитъ къ нашему обновленію.

ГЛАВА XL.

О красотѣ тѣлъ, плотскомъ удовольствіи и наказаніи грѣшниковъ.

Такимъ образомъ, внутренній человѣкъ возрождается, а внѣшній со дня на день тлѣетъ (2 Корн. IV, 16). Но внутренній постоянно оглядывается на внѣшняго и, при

сравненіи съ собою, находить его безобразнымъ, хотя въ своемъ родѣ и прекраснымъ, любящимъ стройность тѣлъ и однако же губящимъ то, что обращаетъ онъ себѣ во благо, т. е. плоть [животныхъ], употребляемую имъ въ пищу. Впрочемъ, то, что имъ повреждается, т. е. теряетъ свою форму, поступаетъ на образованіе частей его тѣла и, переходя по соотвѣтствію въ новую форму, восстанавливаетъ поврежденные изъ нихъ, при чемъ жизненнымъ движеніемъ сортируется такъ, что годное для строенія тѣла, этой красивой видимости, принимается, а негодное соотвѣтственнымъ движеніемъ отбрасывается. При этомъ одно, наиболѣе отложившееся, возвращается землѣ для воспринятія новыхъ формъ, другое выходитъ по всему тѣлу газами, а третье, воспринимаемая въ себя сокровенныя части всего животнаго, становится началомъ потомства и, движимое или сочувствіемъ двухъ тѣлъ или какимъ-нибудь подобнымъ призракомъ, изливается дѣтородными каналами въ актъ чувственнаго удовольствія. Затѣмъ, въ утробѣ матери чрезъ извѣстные періоды времени оно организуется пространственно, такъ что каждый изъ членовъ занимаетъ свое мѣсто, и когда всѣ они достигаютъ извѣстной степени равенства въ соединеніи съ цвѣтомъ, рождается тѣло, которое родители называютъ прекраснымъ и любятъ самую пылкою любовію; впрочемъ, намъ нравится въ немъ не столько форма движущаяся, сколько движущая жизнь. Ибо если подобное одушевленное существо насъ любитъ, мы привязываемся къ нему сильнѣе; если же оно насъ ненавидитъ, мы раздражаемся и не можемъ выносить его, хотя бы для наслаждающагося имъ оно воплощало въ себѣ самую форму.—Таково царство удовольствія и такова низшая красота,—низшая потому, что она подвержена порчѣ; если бы она не была такою, она считалась бы высшею.

Но Божественный промыслъ представляетъ намъ ее именно такою, хотя, впрочемъ, не злою по причинѣ столь очевидныхъ слѣдовъ первоначальныхъ совершенствъ, въ которыхъ неисчислима Божественная премудрость, а только послѣднюю, примѣшивая къ ней страданія, болѣзни и искривленія членовъ, темноту цвѣта, раздоры и несогласія духа, чтобы чрезъ это мы вразумлялись искать чего-то неизмѣннаго. Это устрояетъ [промыслъ] чрезъ низшихъ служителей, которымъ совершать подобныя дѣйствія доставляетъ удовольствіе и которыхъ Божественное писаніе называетъ гонителями и ангелами гнѣва, хотя сами они и не знаютъ, что добраго дѣлается чрезъ нихъ. Имъ подобны и люди, которые радуются чужимъ несчастіямъ и изъ заблужденій и превратностей другихъ устриваютъ, или желаютъ устривать себѣ посмѣшище и увеселительныя зрѣлища. Не смотря, однакожь, на это, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ люди добродѣтельные вразумляются, подвизаются, побѣждаютъ, торжествуютъ и царствуютъ, а злые обманываются, мучатся, побѣждаются, осуждаются и дѣлаются рабами, — рабами не единого высочайшаго надъ всѣми Господа, а самыхъ низшихъ служителей, т. е. тѣхъ ангеловъ, которые тѣшатся скорбями и несчастіями осужденныхъ и, по зложелательству своему, терзаются свободою добродѣтельныхъ.

Такимъ образомъ, по своимъ обязанностямъ и цѣлямъ всё служить къ красотѣ цѣлаго, такъ что чего мы ужасаемся въ частностяхъ, то производить на насъ пріятное впечатлѣніе, если разсматривать его въ цѣломъ: потому что при сужденіи о зданіи мы не должны же принимать во вниманіе одинъ только уголь, въ красивомъ человѣкѣ — одни только волосы, въ хорошемъ ораторѣ — одно только движеніе пальцевъ, въ фазахъ луны — только тавія или иныя трехдневныя ея фигуры. Все это, что представляется визшимъ по-

тому, что при несовершенныхъ частяхъ оно совершенно въ цѣломъ, находимъ ли мы его прекраснымъ въ спокойномъ состояніи или въ движеніи,— все это мы должны разсматривать въ цѣломъ, если только хотимъ составить о немъ правильное сужденіе. Ибо вѣрное сужденіе наше, будемъ ли мы судить о цѣломъ, или объ отдѣльной части, дѣло прекрасное: въ такомъ случаѣ оно стоитъ выше всего міра и мы, поскольку судимъ вѣрно, уже не привязываемся къ какой-либо его части. Напротивъ, заблужденіе, привязывающее насъ къ одной какой-либо части міра, само по себѣ безобразно. Но какъ темный цвѣтъ на картинѣ въ связи съ цѣлымъ является прекраснымъ: такъ точно и неизмѣнный Божественный промыслъ исполненною борьбы и подвиговъ нашею жизнію въ цѣломъ управляетъ прекрасно, воздавая одно побѣжденнымъ, другое—борющимся, третье—побѣдителямъ, четвертое—зрителямъ. пятое—достигшимъ покоя и созерцающимъ только единого Бога, такъ какъ во всѣхъ въ нихъ нѣтъ инаго зла, кромѣ грѣха и наказанія за грѣхъ, т. е. добровольнаго уклоненія отъ высшей сущности и невольнаго страданія въ низшей, что иначе можно назвать свободою правды и рабствомъ грѣха.

ГЛАВА XII.

Красота, заключающаяся въ наказаніи грѣшной души.

А тлѣть внѣшній человѣкъ вслѣдствіе или преусиѣнія внутренняго человѣка, или своей собственной слабости. Но вслѣдствіе преусиѣнія внутренняго человѣка онъ тлѣть такъ, что всецѣло преобразуется въ лучшее и при послѣдней трубѣ возстанетъ нетлѣннымъ, чтобы уже ни самому не портиться, ни другихъ не портить. Вслѣдствіе же слабости своей онъ погружается въ область еще болѣе тлѣнной красоты, т. е. въ порядоки наказаній. Не будемъ удив-

латься, что я все еще называю ее красотю: ибо нѣтъ ничего упорядоченнаго, что не было бы прекраснымъ. Такъ и Апостоль говоритъ: „Всякій порядокъ отъ Бога“ (Рим. XIII, 1). Мы, конечно, не будемъ отрицать, что человѣкъ плачущій гораздо лучше веселаго червячка, и однако безъ всякаго преувеличенія я могу говорить съ похвалою и о червякѣ, принимая во вниманіе блескъ его цвѣта, цилиндрическую фигуру его тѣла, соотвѣтствіе переднихъ его частей съ средними, а среднихъ съ задними, въ которомъ выражается стремленіе къ единству, возможное для его незначительной природы; такъ что ни въ одной его части ничего нѣтъ такого, чему бы подобнымъ же размѣромъ не соотвѣтствовала она въ другой. А что же сказать о самой душѣ, одушевляющей это тѣльце, — о томъ, какъ плавно она его движетъ, какъ направляетъ къ тому, что съ нимъ согласно, какъ по возможности препобѣждаетъ или предохраняетъ отъ того, что ему враждебно, и, сводя все къ одному ощущенію имъ благобытія, гораздо нагляднѣе, чѣмъ тѣло, сообщаетъ ему единство, это зиждительное начало всѣхъ природъ? Я говорю только объ одушевленномъ червякѣ; а многіе совершенно правильно и весьма пространно хвалили даже пепель и навозъ ¹⁾). Что же послѣ того удивительнаго, если о душѣ человѣческой, которая гораздо лучше всякаго тѣла, въ комъ бы и какова бы она ни была, я скажу, что она устроена прекрасно, и что изъ состоянія ея наказанія происходятъ только иные виды красоты, такъ какъ, находясь въ этомъ бѣдственномъ состояніи, она находится не тамъ, гдѣ прилично быть блаженнымъ, а тамъ, гдѣ прилично быть несчастнымъ?

Вести въ заблужденіе ни съ того, ни съ сего насъ никто не можетъ. Все, что только порицается правильно, все это

¹⁾ Катонъ, Cic., in *Catone majore*.

не одобряется по сравненію съ лучшимъ. Между тѣмъ, всякая природа, хотя бы то и внѣшняя или низшая, восхваляется по праву, если ни съ чѣмъ ее не сравниваютъ. Да и каждому изъ насъ не хорошо бываетъ тогда, когда могло бы быть лучше. Поэтому если для насъ хорошо можетъ быть съ самою истинною, то худо быть намъ при обладаніи только нѣкоторымъ ея признакомъ, и гораздо еще хуже при обладаніи признакомъ самымъ ничтожнымъ, когда мы привязаны бываемъ къ удовольствіямъ плоти. Возьмемъ же верхъ какъ надъ прелестями, такъ и надъ непріятностями похоти; если мы—уже мужи, подчинимъ себѣ эту жену. Подъ нашимъ руководствомъ станетъ лучше и она, и будетъ называться уже не похотью, а воздержаніемъ. Ибо когда руководитъ она, а мы слѣдуемъ за ней, она называется похотью, страстью, а мы—безразсудными, глупыми. Послѣдуемъ нашей Главѣ, Христу, чтобы и за нами послѣдовало то, главою чего мы служимъ. Того же можно требовать и отъ женщинъ не по праву мужей, а по праву братскому, по какому во Христѣ мы—ни мужескій полъ, ни женскій. Ибо вѣдь и женщины имѣютъ нѣчто мужеское, благодаря чему онѣ подчиняютъ себѣ женскія страсти, служатъ Христу и господствуютъ надъ похотью. Это мы видимъ во многихъ вдовахъ и дѣвахъ Божіихъ, даже во многихъ женщинахъ замужнихъ, но сохраняющихъ супружескія обязанности братски, съ воздержаніемъ христіанскаго народа. Если же въ томъ отношеніи, въ которомъ Богъ повелѣваетъ намъ господствовать и увѣщаветъ и помогаетъ, чтобы мы возстановили себя въ своемъ могуществѣ,—если, говорю, въ этомъ отношеніи по нерадѣнію или нечестію человѣкъ окажется мужемъ, т. е. умомъ, порабощеннымъ: то такой человѣкъ хотя и будетъ жалокъ и мерзокъ, но въ настоящей жизни предназначается, а послѣ нея и поставляется туда, гдѣ быть ему опредѣляетъ высшій Управитель и Господь. Такимъ об-

разомъ, для всей твари существуетъ возможность не быть оскверненною никакою мерзостью.

ГЛАВА XLII.

Плотское удовольствіе побуждаетъ насъ искать недѣлимыхъ частей.—Присущи ли такія части какому-нибудь жизненному движенію.

Будемъ же ходить, пока еще есть день, т. е. пока можемъ пользоваться разумомъ, чтобы, обратившись къ Богу, мы просвѣщены были Словомъ Его, которое есть свѣтъ истинный, дабы не быть объятыми тьмою. Ибо присутствіе того свѣта, который *просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9), есть день. *Человѣка*, говорить, потому что человѣкъ можетъ пользоваться разумомъ и точи опоры, чтобы подняться, можетъ искать тамъ же, гдѣ и упалъ. Такимъ образомъ, если мы любимъ плотское удовольствіе, то должны на немъ сосредоточить тѣмъ болѣе тщательное вниманіе; и если въ немъ открыты будутъ слѣды нѣкоторыхъ чиселъ, то нужно спросить, гдѣ существуютъ они, не имѣя протяженія (*sine timoge*). Ибо находящееся въ такомъ состояніи бываетъ болѣе единымъ. И если такія числа даны въ томъ жизненномъ движеніи, которое совершается въ сѣменахъ, то тамъ имъ слѣдуетъ удивляться болѣе, чѣмъ въ тѣлѣ. Ибо если бы числа сѣмянъ имѣли протяженіе, какъ и самыя сѣмена, то отъ половиннаго зерна смовницы выростала бы половина дерева, и отъ неполныхъ сѣмянъ животныхъ рождались бы неполныя и нецѣлыя животныя; да и одно небольшое сѣмя не заключало бы въ себѣ беконечной, свойственной каждому роду, силы. Потому что отъ одного сѣмени, сообразно своей природѣ, могутъ въ теченіе вѣковъ размножаться или нивы отъ нивъ, или лѣса отъ лѣсовъ, или стада—отъ стадъ, народы—отъ наро-

довъ, такъ что въ этой безконечной преемственности не бываетъ ни одного листка, ни одного волоса, причина котораго бы не заключалась въ одномъ первомъ стѣмени. Затѣмъ, надобно обратить вниманіе на то, какіе разнообразныя и очаровательныя звуки разливаются въ воздухъ при пѣвѣи соловья, — звуки, которыхъ душа этой птички не могла бы, хотя бы и хотѣла, издавать съ такою свободою, если бы они не были внушаемы ей безтѣлесно жизненнымъ движеніемъ. Тоже можно находить и въ другихъ одушевленныхъ существахъ, которыя, хотя и не имѣютъ разума, не лишены однако ощущенія. Ибо нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое бы или въ звукѣ голоса или въ другомъ движеніи и дѣйствіи членовъ не производило чего-нибудь разнообразнаго и въ своемъ родѣ соразмѣрнаго, не вслѣдствіе какаго-либо знанія, а благодаря внутреннимъ условіямъ природы, соразмѣреннымъ въ силу неизмѣннаго закона числъ.

ГЛАВА XLIII.

Человѣку присуща сила сужденія о соразмѣрности тѣлъ и временъ. Мѣра порядка, заключающаяся въ вѣчной Истинѣ.

Обратимся къ себѣ самимъ и пропустимъ то, что имѣемъ мы общаго съ растительнымъ и животнымъ царствами. Ибо и ласточка вьетъ гнѣздо свое единственнымъ способомъ, да и каждая порода птицъ [строить гнѣздо себѣ] своимъ особеннымъ способомъ. Что же въ насъ есть такого, при помощи чего мы, съ одной стороны, судимъ, въ какимъ всѣ онѣ формамъ стремятся и насколько ихъ осуществляютъ, а съ другой стороны и мы сами, какъ бы хозяева всѣхъ подобныхъ фигуръ, вымышляемъ безчисленное [множество ихъ] при постройкѣ зданій и при другихъ вещественныхъ работахъ? Что въ насъ такого, посредствомъ чего мы внутренно по-

знаемъ, что эти, видимыя нами, громады тѣлъ велики или малы пропорціонально и что всякое тѣло, каково бы оно ни было, имѣеть половину, а если имѣеть половину, то имѣеть безчисленное число и частей; что, слѣдовательно, каждое зерно ишена для такой своей части, какую занимаетъ наше тѣло въ этомъ мѣрѣ, настолько же велико, насколько для насъ великъ мѣръ, и что весь этотъ мѣръ прекрасенъ пропорціей фигуръ, а не величиною своей; великъ же онъ, благодаря не громадности своей, а нашей незначительности, т. е. незначительности животныхъ, которыми онъ наполненъ, и которыя въ свою очередь, заключая возможность безконечнаго дѣленія, незначительны не сами по себѣ, а по сравненію съ другими предметами и преимущественно съ самою всеяленною? Та же пропорціональность имѣеть приложеніе и къ протяженію временъ, потому что всякая продолжительность времени, подобно длинѣ всякаго мѣста, имѣеть свою половину; ибо, какъ бы ни была она коротка, она имѣеть однако и начало, и продолженіе и конецъ. Такимъ образомъ, она не можетъ не имѣть половины, какъ скоро дѣлится, пока доходить до конца. Отсюда, мѣра короткаго слога—короче мѣры слога болѣе долгаго, часъ зимняго дня короче часа дня лѣтняго¹⁾. Точно также продолжительность одного часа коротка сравнительно съ днемъ, дня—съ мѣсяцемъ, мѣсяца—съ годомъ, года—съ пятилѣтіемъ, пятилѣтія съ еще большими періодами и, наконецъ, этихъ послѣднихъ—съ цѣлымъ временемъ, взятымъ въ своей совокупности, хотя вся эта многообразная послѣдовательность и своего рода постепенность мѣсть или временъ считается прекрасною не

¹⁾ Имѣется въ виду обыкновеніе тѣхъ, которые отъ восхода солнца до его заката лѣтомъ и зимою считаютъ 12 часовъ, болѣе короткихъ зимою и болѣе долгихъ лѣтомъ.

вслѣдствіе протяженія или продолжительности, а въ силу пропорціональнаго соотвѣтствія.

Но самая мѣра порядка заключается въ вѣчной Истинѣ, — мѣра, которая не по массѣ огромна и по времени измѣнчива, а велика превосходящею всѣ пространства силою и неизмѣнна превышающею всѣ времена вѣчностью, но безъ которой, однако, никакая масса не можетъ быть собрана во едино, никакое протяженіе времени не можетъ быть удержано отъ блужданія, — безъ которой ни та, ни другая не могутъ быть ничѣмъ, ни тѣло — тѣломъ, ни движеніе — движеніемъ. Она есть первоначально-единое, ни ограничено, ни безгранично плотное, ни ограничено, ни безгранично измѣняемое. Она не имѣетъ одно здѣсь, а другое тамъ, или одно теперь, а другое послѣ: потому что безусловно единъ есть Отецъ Истины, Отецъ Премудрости Своей, Которая, не будучи ни въ чемъ съ Нимъ несходною, называется Его образомъ и подобіемъ, ибо отъ Него имѣетъ бытіе свое. Отсюда, правильно именуется Она и Сыномъ, имѣющимъ свое бытіе отъ Него, а все прочее — уже чрезъ Сына. Ибо Онъ предшествовалъ какъ форма всего, вполне заключая въ Себѣ то Единое, отъ котораго имѣетъ свое бытіе, такъ что все сущее, поскольку оно подобно единому, произошло чрезъ эту форму.

ГЛАВА XLIV.

Сынъ есть образъ Божій, по которому создано все.

Изъ всего этого сущаго одно сотворено чрезъ Нее такъ, что существуетъ даже по ея образу, именно всякая разумная и мыслящая тварь, среди которой человѣкъ совершенно справедливо называется созданнымъ по образу и подобію Божію: иначе онъ не могъ бы умомъ своимъ созерцать неизмѣнной истины. Другое же создано чрезъ Нее такъ, что

не существуетъ по ея образу. Вслѣдствіе того, если разумная душа служить своему Творцу, Которымъ, чрезъ Котораго и по подобію Котораго она сотворена, то и ей служить все остальное—и низшая жизнь, которая такъ близка ей и служить для ней пособіемъ, при помощи котораго она господствуетъ надъ тѣломъ, и самое тѣло, эта внѣшняя природа и сущность,—тѣло, надъ которымъ, во всемъ ей послушнымъ, она будетъ господствовать по произволенію, не чувствуя отъ него никакой тяжести, такъ какъ будетъ искать блаженства уже не отъ него и не чрезъ него, а будетъ получать его непосредственно отъ Бога. Отсюда, она будетъ управлять тѣломъ преображеннымъ и освященнымъ, свободнымъ отъ тлѣнія и бремени заботъ. *Въ воскресеніе бо ни женятся ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть* (Мѣ. XXII, 30); *Брашно чреву и чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упразднитъ* (I Корнѣ. VI, 13): потому что *нѣсть царствіе Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость* (Римл XIV, 17).

ГЛАВА XLV.

Непрочность удовольствія понуждаетъ насъ къ болѣе возвышенному. Затѣмъ о порокъ гордости до гл. 49. Какимъ образомъ [порокъ этотъ] располагаетъ насъ искать добродѣтели.

По этой причинѣ уже въ самомъ удовольствіи тѣла мы находимъ нѣчто такое, что побуждаетъ насъ презирать его, не потому, чтобы природа тѣла была зло, а потому, что тѣло постыдно предано любви къ внѣшнимъ благамъ, пользоваться и наслаждаться которыми первоначально было позволено. Когда возница тащится (по землѣ) и несетъ наказаніе за свое безразсудство, то винить рѣшительно все, что только было въ его распоряженіи; но пусть онъ зоветъ о помощи,

пусть приказываетъ, какъ господинъ обстоятельствъ, пусть сопротивляется конямъ, дѣлающимъ и готовымъ сдѣлать иное зрѣлище изъ его паденія, если только его не спасаютъ отъ смерти, пусть снова становится на мѣсто, садится на повозку, беретъ въ руки вожжи, осторожнѣе править смирившимися и укротившимися животными: тогда онъ почувствуетъ, какъ хорошо устроена повозка со всѣми ея принадлежностями, которая своимъ паденіемъ и самому ему причинила ушибы и ѣзду лишила пріятной равномѣрности. И въ тѣлѣ нашемъ жадность души, злоупотребившей въ раю, породила слабость употребленіемъ запрещеннаго плода вопреки заповѣди Врача, которая заключала въ себѣ [обѣтованіе] всегдашняго здоровья.

Если, такимъ образомъ, уже въ самой этой слабости видимой плоти, въ которой не можетъ быть блаженной жизни, заключается для насъ побужденіе къ блаженной жизни, благодаря красотѣ, идущей отъ высшаго къ самому низшему: то тѣмъ болѣе [этого побужденія заключается] въ стремленіи къ знатности и превосходству, во всякой гордости и тщетномъ блескѣ сего міра. Ибо чего другаго хочеть въ этомъ случаѣ человекъ, какъ не того, что бы, если-бъ было возможно, безраздѣльно быть такимъ, которому бы все было подчинено, въ превратномъ подражаніи всемогущему Богу? А между тѣмъ, если бы онъ, покорившись, подражалъ Ему жизнью, согласно съ Его заповѣдями, то имѣлъ бы въ подчиненіи у себя и все прочее и не находился бы въ такомъ позорномъ состояніи, въ которомъ, желая повелѣвать людьми, онъ боится и маленькаго звѣря. Ясно, что и гордость имѣеть нѣкоторую склонность къ единству и всемогуществу, но только въ области временныхъ предметовъ, которые всѣ проходятъ, какъ тѣнь.

Мы желаемъ быть непобѣдимыми, и правильно: такое желаніе свойственно природѣ нашего духа послѣ Бога, Который создалъ его по подобію Своему: но (въ такомъ слу-

чаѣ) природа эта должна была соблюдать Его заповѣди, при сохраненіи которыхъ насъ никто бы не побѣдилъ. Въ настоящее же время, когда сама она, внушеніямъ которой мы позорно послѣдовали, подчинена печальной необходимости повиненія, мы удручаемся на землѣ и съ великимъ стыдомъ для себя преодолеваемся со стороны всего, что можетъ насъ смущать и разстраивать. Такимъ образомъ, мы не желаемъ быть побѣжденными отъ людей, а сами не можемъ побѣдить собственнаго гнѣва. Что можетъ быть позорнѣе такого безчестія? Конечно, человекъ—это мы же сами, однако хотя онъ и имѣетъ пороки, самъ не есть порокъ. Насколько же, поэтому, почетнѣе, чтобы побѣждалъ насъ человекъ, а не порокъ? Кто сомнѣваться будетъ, что зависть представляетъ собою ужасный порокъ, которымъ необходимо терзается и порабощается тотъ, кто въ области временныхъ предметовъ не хочетъ быть побѣжденнымъ? А потому пусть лучше побѣждаетъ насъ человекъ, чѣмъ зависть или какой-нибудь другой порокъ.

ГЛАВА XLVI.

Непобѣдимъ тотъ, кто любитъ только то, что не можетъ быть у него отнято, т. е. Бога, всѣмъ своимъ сердцемъ и ближняго, какъ самого себя.

Но кто побѣдитъ свои пороки, того не можетъ побѣдить и человекъ. Ибо тотъ только побѣждается, у кого противникомъ отнимается то, что онъ любитъ. Слѣдовательно, кто любитъ только то, что не можетъ быть отнято, тотъ несомнѣнно непобѣдимъ и уже не терзается никакою завистью. Ибо онъ любитъ вѣчто такое, что доставляетъ людямъ тѣмъ болѣе радости, чѣмъ больше они достигаютъ любви къ нему и обладанія имъ. Именно онъ любитъ Бога всѣмъ сердцемъ, всею душою и всею мыслію; любитъ и ближняго,

какъ самого себя. Поэтому онъ не завидуетъ ближнему, какъ если бы это былъ самъ онъ, а напротивъ еще помогаетъ ему, насколько можетъ. Не можетъ онъ и потерять своего ближняго, котораго любить, какъ самого себя, такъ какъ и въ себѣ самомъ онъ не то любить, что доступно глазу или другимъ какимъ-либо тѣлеснымъ чувствамъ. Поэтому онъ въ себѣ самомъ имѣетъ того, кого любить, какъ самого себя.

Законъ же любви состоитъ въ томъ, чтобы человекъ желалъ [ближнему] того самаго добра, какого желаетъ себѣ самому, и не желалъ ему того зла, какого не желаетъ себѣ (Тов. IV, 15): такое пожеланіе онъ долженъ выражать по отношенію ко всемъ людямъ. Ибо никому не слѣдуетъ дѣлать зло: *Любы искреннему зла не творитъ* (Римл. XIII, 10). Будемъ же, какъ заповѣдано, любить даже и враговъ своихъ (Мѡ. V, 44), если хотимъ быть дѣйствительно непобѣдимыми. Ибо каждый человекъ непобѣдимъ не самъ по себѣ, а благодаря тому неизмѣнному закону, второму кто служить, тотъ только и бываетъ свободнымъ: въ такомъ случаѣ у него уже не можетъ быть отнято то, что онъ любитъ, а это обстоятельство только и дѣлаетъ насъ мужами непобѣдимыми и совершенными. Ибо если бы человекъ любилъ человека не какъ самого себя, а какъ вьючный скотъ, или общественныя бани, или разноцвѣтную либо пѣвчую птичку, т. е. имѣя въ виду получать отъ него какое-нибудь временное удовольствіе или выгоду: тогда онъ необходимо дѣлается рабомъ, и рабомъ не человека, а—что гораздо постыднѣе—такого гнуснаго и отвратительнаго порока, вслѣдствіе котораго не любить человека такъ, какъ долженъ быть любимъ человекъ. Подъ властію этого порока онъ проводитъ свою жизнь до самого конца, или, лучше, до смерти.

Но и человекъ не такъ долженъ любить человекъ, какъ любятъ плотскихъ братьевъ, или сыновей, или супруговъ, или какихъ-нибудь знакомыхъ, родственниковъ, или согражд-

данъ. Такого рода любовь—любовь временная. Мы не имѣли бы никакихъ подобныхъ отношеній, возникающихъ съ рожденіемъ и уничтожающихся со смертію, если бы природа наша, пребывая въ заповѣдяхъ и въ подобіи Богу, не впала въ состояніе настоящаго поврежденія. Поэтому, призывая насъ къ первобытному и совершенному естеству, сама Истина заповѣдуетъ намъ противоборствовать плотскимъ привычкамъ, уча насъ, что никто не достигнетъ царствія Божія, если не возненавидитъ плотскихъ узъ (Лук. IX, 60, 62; XIV, 26). И это никому не должно казаться безчеловѣчнымъ: потому что гораздо болѣе безчеловѣчно—любить въ человѣкѣ не то, что есть человѣкъ, а то, что есть сынъ ¹⁾, т. е. не то, что касается Бога, а то, что касается самого себя. Что же удивительнаго, если тотъ, кто любить частное, а не общее, царства (небеснаго) не достигаетъ? „Но, скажетъ кто-нибудь, лучше любить то и другое“; „Нѣтъ, говоритъ Богъ, лучше любить одно“. Ибо Истина весьма истинно говоритъ: *Никто-же можетъ двумя господинами работати* (Мѣ. VI, 24). Дѣйствительно, никто не можетъ полнымъ образомъ любить то, къ чему мы призываемся, если только не возненавидитъ того, отъ чего мы отвлекаемся. Призываемся же мы къ совершенной человѣческой природѣ, какою создалъ ее Богъ до

¹⁾ Подобнымъ образомъ Августинъ говоритъ при толкованіи нагорной проповѣди (кн. I), гдѣ, говоря снова о ненависти къ временнымъ и плотскимъ узамъ, послѣ разъясненія, какого рода любовь и ненависть долженъ оказывать мужъ жепѣ, именно—*любить въ ней челоуѣка а ненавидѣть жесну*, прибавляетъ затѣмъ, что это должно быть понимаемо и объ отцѣ, о матери и о другихъ плотскихъ узакъ, дабы въ нихъ мы ненавидѣли то, что родъ человѣческой получаетъ чрезъ рожденіе и чего лишается чрезъ смерть, а любили то, что вмѣстѣ съ собою мы можемъ принести въ царство небесное, гдѣ никто не будетъ говорить: *Отче мой*, а всѣ и одному Богу будутъ говорить: *Отче нашъ*.

грѣхонаденія; а отвлекаемся отъ любви къ той, которую мы заслужили грѣхомъ. Поэтому мы должны возненавидѣть то, отъ чего желаемъ быть свободными.

Возненавидимъ же временныя узы, если мы одушевлены любовью къ вѣчности. Пусть человѣкъ любить ближняго, какъ самого себя. Конечно, никто самому себѣ не бываетъ ни отцемъ, ни сыномъ, ни свойственникомъ, ни чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ, а только человѣкомъ. Отсюда, кто любить кого-нибудь, какъ самого себя, тотъ долженъ любить въ немъ то, что есть онъ самъ для себя. Но тѣла наши не то, что мы сами: слѣдовательно, не тѣло въ человѣкѣ должно быть предметомъ искомымъ и желаннымъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ силу заповѣдь: *Не пожелай... елика суть ближняго твоего (Исх. XX, 17.)*. По этой причинѣ, кто въ ближнемъ любить не то, что есть онъ самъ для себя, тотъ любить его не какъ самого себя. Отсюда, природа человѣческая должна быть любима сама по себѣ, помимо плотскихъ условій, должна быть или совершенствуема, или совершенна. Предъ лицомъ единого Бога Отца родственны между собою всѣ, которые любятъ Его и творять волю Его. А взаимно другъ для друга всѣ они и отцы, когда даютъ одни другимъ совѣты, и сыновья, когда другъ другу повинуются, но преимущественно—братья, потому что завѣтомъ своимъ призываетъ ихъ въ одному наслѣдію одинъ Отецъ.

ГЛАВА XLVII.

Непобѣдимъ только тотъ, кто обнаруживаетъ истинную любовь къ ближнему.

Почему же, послѣ того, не быть человѣку непобѣдимымъ, когда онъ, любя [другаго] человѣка, любить въ немъ исключительно только человѣка, т. е. твореніе Божіе, созданное по образу Божію, и когда видитъ въ немъ ту самую

совершенную природу, которую любить, если совершенъ самъ? Такъ напр., если кто-нибудь любить человѣка, хорошо поющаго, не того или другаго въ частности, а вообще всякаго хорошо поющаго: въ такомъ случаѣ онъ, если только самъ—совершенный пѣвецъ, желаетъ, чтобъ и всѣ были пѣвцами же, чтобы для него не было недостатка въ томъ, что онъ любитъ, какъ хорошій пѣвецъ самъ. Ибо если онъ завидуетъ какому-либо, хорошо поющему, человѣку, то любить уже не пѣніе, а или похвалу, или что-нибудь другое, чего онъ желалъ бы достигнуть хорошимъ пѣніемъ и что у него могло бы быть уменьшено или же и совсѣмъ отнято, если бы началъ хорошо пѣть кто-либо другой. Поэтому, кто завидуетъ хорошему пѣвцу, тотъ его не любитъ, но, съ другой стороны, кто въ хорошемъ пѣвцѣ нуждается, тотъ самъ поетъ не хорошо. Гораздо лучше можетъ быть видно это на человѣкѣ, добродѣтельно живущемъ, потому что онъ никому уже не можетъ завидовать: ибо чѣмъ добродѣтельные люди обладаютъ, то въ такой же мѣрѣ доступно и для всѣхъ и нисколько не становится меньшимъ отъ того, что имъ обладаютъ весьма многіе. Возможны случаи, когда и хорошій пѣвецъ не можетъ пѣть, не роняя своего достоинства, и нуждается въ пѣніи другаго, которое доставляло бы ему то, что онъ любитъ, напр., когда онъ находится на пиру, гдѣ самому ему пѣть непристойно, слушать же другаго пѣвца прилично. Между тѣмъ, жить добродѣтельно всегда прилично. Поэтому, всякій, кто любитъ добродѣтель и живетъ добродѣтельно, не только не завидуетъ подражающимъ ему, а вполне охотно и, насколько возможно, вполне дружески позволяетъ имъ [это дѣлать]. Но онъ въ нихъ нисколько не нуждается. Ибо что онъ въ нихъ любитъ, то вполне и въ совершенствѣ онъ имѣетъ въ себѣ самомъ. Такимъ образомъ, когда онъ любитъ ближняго, какъ самого себя, онъ не завидуетъ ему, потому что не завидуетъ и

самому себѣ; отдаеть ему, что́ можетъ, потому что тоже дѣлаеть и для самого себя; не нуждается въ немъ, потому что не нуждается и въ себѣ самомъ, а только въ Богѣ, прилѣпляясь къ Которому онъ становится блаженнымъ. Бога же никто у него не можетъ похитить. Такимъ образомъ, вполне истинно и вполне несомнѣнно непобѣдимъ тотъ человѣкъ, который прилѣпляется къ Богу, не такъ, чтобы заслужить отъ Него какое-нибудь внѣшнее благо, а [какъ человѣкъ], для котораго нѣтъ другаго блага, какъ быть въ союзѣ съ Богомъ.

Пока такой человѣкъ находится въ настоящей жизни, другомъ онъ пользуется для выраженія своего благорасположенія, врагомъ—для упражненія въ терпѣннѣи, кѣмъ можетъ—для оказанія благодѣяній, наконецъ всеми—для выраженія благоволенія. И хотя временныхъ благъ онъ не любитъ, однако пользуется правильно и ими, и заботится о людяхъ, смотря по ихъ жребію, если уже не можетъ [дѣлать этого] одинаково по отношенію ко всеми. Поэтому, если онъ съ большею готовностію вступаетъ въ бесѣду съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ домашнихъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ, это не то значить, что онъ его больше любитъ, а то, что питаетъ къ нему больше довѣрія и оставляетъ для него болѣе открытою дверь временнаго [своего жилища]. Ибо на людей, предоставленныхъ времени, онъ смотритъ тѣмъ лучше, чѣмъ меньше самъ привязанъ ко времени. Отсюда, не будучи въ состояніи быть полезнымъ для всѣхъ, которыхъ любитъ одинаково, онъ былъ бы несправедливъ, если бы не предпочиталъ быть полезнымъ только для людей, тѣснѣе соединенныхъ съ нимъ узами родства. Но духовныя узы для него выше, чѣмъ узы временныя и мѣстныя, въ которыхъ мы рождаемся съ своимъ тѣломъ, и самыя высшія—тѣ, которыя преимуществуютъ уже надъ всеми. Поэтому онъ не поражается чьею-нибудь смертію, потому что кто любитъ

Бога всею душою, тотъ знаетъ, что для него не погибаетъ не гибнущее для Бога. Богъ же есть Господь и живыхъ и мертвыхъ. Не бываетъ онъ и несчастнымъ чьимъ-нибудь несчастіемъ, такъ какъ и праведенъ онъ не чьею-либо праведностію. И какъ никто не можетъ отнять у него ни праведности, ни Бога, такъ точно никто не можетъ отнять у него и блаженства. И если иногда случается, что его тревожить чья-либо опасность, или ошибка, или скорбь: онъ не отказывается приходить съ помощью, способствовать исправленію или утѣшенію, самого себя впрочемъ не разстраивая.

Во всѣхъ же своихъ обязательныхъ трудахъ онъ, благодаря твердому упованію на будущій покой, непоколебимъ. Ибо что можетъ вредить тому, кто умѣетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ даже и со врагомъ? Подъ защитою и охраною Того, по заповѣди и дару Кого онъ любитъ враговъ, вражды онъ не боится. Такой человекъ въ скорбяхъ не только не печалится, а даже радуется, зная, что *скорбь терпѣніе содѣваетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ, яко любви Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Рим. V, 3—5). Кто же можетъ повредить такому человеку? Кто его покорить? Человекъ, достигающій при счастливыхъ обстоятельствахъ возвышенія, тому, что служить къ возвышенію, научается въ несчастіи. Ибо когда преходящія блага имѣются у него въ изобиліи, онъ не придаетъ имъ цѣны, а когда ихъ теряетъ, узнаетъ, привязывали-ли они его къ себѣ, или не привязывали. Весьма часто, имѣя ихъ, мы думаемъ, что ихъ не любимъ, но лишь только они начинаютъ отсутствовать, узнаемъ, что мы такое. Ибо что уходитъ отъ насъ, не причиняя намъ скорби, то, и находясь у насъ на лицо, не привязывало къ себѣ нашего сердца. Такимъ образомъ, по видимому побѣждаетъ, хотя [на самомъ дѣлѣ] побѣждается, тотъ, кто возвышаясь дости-

гаетъ того, потеря чего сопряжена будетъ для него со скорбю, а побѣждаетъ, хотя повидимому и побѣждается, тотъ, кто уступая достигаетъ того, что охотно терять.

ГЛАВА XLVIII.

Что такое совершенная праведность.

Итакъ, кого привлекаетъ свобода, тотъ пусть стремится быть свободнымъ отъ всѣхъ преходящихъ благъ, а кого привлекаетъ желаніе царствовать, тотъ пусть остается покорнымъ единому царю вѣчныхъ, Богу, любя Его паче себя самого: въ этомъ заключается совершенная праведность, въ силу которой большее мы любимъ больше, а меньшее меньше. Мудрую и совершенную душу пусть любить она такую, какою какою ее видить, а глупую пусть любить не потому, что она такова, а потому, что она можетъ быть совершенною и мудрою; глупости же и своей собственной не должно любить. Ибо кто любитъ свою глупость, тотъ не возвысится до мудрости; никто не сдѣлается такимъ, какимъ желаетъ быть, если только не возненавидитъ себя такимъ, какимъ онъ есть. Но пока достигнетъ онъ мудрости и совершенства, пусть переноситъ глупость ближняго съ такимъ же чувствомъ, съ каковымъ переносилъ бы и свою собственную, если бы былъ глупъ, и пусть любятъ мудрость. Отсюда, хотя гордость представляетъ собою только тѣнь истинной свободы и истиннаго царства, Божественное промышленіе напоминаетъ намъ ея, что порочнаго мы имѣемъ въ себѣ и къ чему правильному должны мы возвратиться.

ГЛАВА XLIX.

О любопытствѣ,—какъ этимъ порокомъ побуждаемся мы къ созерцанію истины.

Наконецъ, всѣ зрѣлица и всякое, такъ называемое, любопытство, чего другаго ищутъ, какъ не удовольствія

отъ разсматриванія предметовъ? А что же можетъ быть удивительнѣе и прекраснѣе истины, въ которой безъ сомнѣнія стремится каждый зритель, внимательно наблюдая, чтобы не быть обманутымъ, и хвастаясь, если замѣчаетъ и опредѣляетъ въ зрѣлищѣ что-нибудь живѣе и быстрѣе другихъ? Наконецъ, внимательно слѣдить и съ крайнею осторожностію наблюдаютъ и за самимъ фокусникомъ, который занимается ничѣмъ инымъ, какъ обманомъ; и если обману этому поддаются, то потому, что не могутъ [сдѣлать этого] сами, что забавляются искусствомъ того, кто ихъ обманываетъ. Ибо если бы и самъ онъ не зналъ, или же другіе считали его не знающимъ, что собственно вводитъ зрителей въ обманъ, то обманщику никто и не рукоплескалъ бы. Если же кто-либо изъ толпы уличитъ его, то считаетъ себя заслуживающимъ большей, чѣмъ онъ, похвалы, и именно за то, что не могъ быть обманутъ. А если уличать его многіе, то уже не его хвалятъ, а смѣются надъ остальными, которые не могли разгадать его фокусовъ. Такимъ образомъ, побѣда остается на сторонѣ знанія, искусства и постиженія истины, коей ни въ какомъ случаѣ не достигаютъ тѣ, которые ищутъ ея гдѣ-нибудь вовнѣ.

Итакъ, въ подобные пустыни и мерзости мы погружены до такой степени, что хотя на вопросъ, что лучше—истина, или обманъ, мы отвѣчаемъ единогласно, что лучше истина, однако забавамъ и игрищамъ, въ которыхъ мы услаждаемся чѣмъ-то неистиннымъ, а призрачнымъ, мы преданы бываемъ гораздо охотнѣе, чѣмъ заповѣдямъ самой истины. Такимъ образомъ, мы наказываемся собственнымъ своимъ судомъ и собственными устами, одно одобряя разумомъ, а другому слѣдуя по суетности. Забавнымъ и смѣшнымъ что-либо остается до тѣхъ поръ, пока мы знаемъ, подраженіе какой истинѣ въ немъ осмѣивается. Но любя подобныя [забавы], мы отклоняемся отъ истины и уже не разумѣемъ,

какимъ подражаютъ онѣ предметамъ, на которые мы смотримъ, какъ на прекрасные первообразы, и отклоняясь отъ которыхъ погружаемся въ собственные призраки. Призраки эти встаютъ предъ нами, когда мы обращаемся къ исканію истины, и мѣшаютъ намъ продолжать путь, угрожая не [открытою] силою, а великими ковами тѣмъ, которые не понимаютъ, какъ широко значеніе изреченія: „Храните себя отъ идоловъ“ (1 Іоан., V, 21).

Отсюда одни пустою мыслию носились въ безчисленныхъ мірахъ; другіе полагали, что Богъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ огненнымъ тѣломъ; третьи въ связи съ своими призраками баснословили такъ, что Богъ есть сіяніе свѣта, разлитое всюду по безконечному пространству, но, такъ связать, расщепленное въ одномъ пунктѣ чернымъ своего рода клиномъ,—баснословили такъ, представляя себѣ два враждебныя царства и устанавливая для вещей два враждебныя начала. И если бы я заставилъ ихъ поклоняться, знаютъ ли они, что это истинно, можетъ быть [поклоняться] они не осмѣлились бы, а сказали бы въ свою очередь: „Покажи же намъ ты, что истинно“. Если бы въ отвѣтъ имъ я не сказалъ ничего, кромѣ только того, чтобы они искали свѣта, при посредствѣ котораго имъ ясно и извѣстно, что иное дѣло—вѣрить, и иное разумѣть: въ такомъ случаѣ и они сами поблѣлись бы, что такого свѣта нельзя ни видѣть чувственными глазами, ни мыслить въ связи съ какимъ-нибудь пространственнымъ протяженіемъ, но что онъ всюду ожидаетъ ищущихъ его и что несомнѣннѣе и яснѣе его нѣтъ ничего.

Все это, что мною сказано сейчасъ объ этомъ умственномъ свѣтѣ, очевидно для насъ опять не иначе, какъ при посредствѣ того же свѣта. Ибо при его посредствѣ я понимаю, что сказанное истинно, и то, что я понимаю это, я понимаю опять же при его посредствѣ. Я понимаю, что это

опять и опять продолжается въ безконечность, ибо каждый понимаетъ, что онъ что-нибудь да понимаетъ, даже и это самое *опять*,—понимаю, что въ этой безконечности нѣтъ никакихъ разстояній, (доступныхъ) для какого-нибудь возбужденія, или быстроты; понимаю наконецъ, что я могу понимать, не иначе, какъ подъ условіемъ жизни и что понимая я становлюсь жизненнѣе. Ибо вѣчная жизнь превосходитъ временную жизнь своею жизненностію, а что такое вѣчность, это я созерцаю благодаря только тому, что я понимаю. Умственнымъ взоромъ я отдѣляю отъ вѣчнаго всякую измѣнчивость и въ самой вѣчности не различаю никакихъ промежутковъ времени, такъ какъ промежутки времени состоятъ изъ прошедшихъ и будущихъ измѣненій предметовъ. Между тѣмъ, въ вѣчномъ нѣтъ ни преходящаго, ни будущаго; ибо что проходитъ, то уже перестаетъ существовать, а что будетъ, то еще не начало быть. Вѣчность же только есть,—она ни была, какъ-будто ея уже нѣтъ, ни будетъ, какъ будто доселѣ ея еще не существуетъ. Поэтому только Сама Она могла вполне истинно сказать человѣческому уму: *Азъ есмь сый*, и только о Ней одной могло быть вполне истинно сказано: *Сый посла мя* (Исх. III, 14).

ГЛАВА I.

Смыслъ писаній и толкованій. Четырехъ родовъ аллегорія.

Если мы еще не можемъ вступить въ нее, возгнушаемся по крайней мѣрѣ своихъ призраковъ и удалимъ отъ умственнаго зора такіа ничтожныя и обманчивыя забавы. Воспользуемся тѣми путями, которые Божественный промыслъ благоволилъ учредить для насъ. Ибо услаждаясь до излишества забавными измышленіями, мы осуетились помышленіями своими и всю жизнь свою обратили какъ бы въ нѣкоторыя пустыя сновидѣнія: } поэтому неизреченное бо-

жественное милосердіе, во вниманіе къ тому, что разумная тварь служить своимъ законамъ, благоволило, такъ сказать, занимать нашу дѣтскость притчами и сравненіями при помощи звуковъ и буквъ, а также огня, дыма, облака и столпа (огненнаго), этихъ какъ бы своего рода видимыхъ словъ, и подобнаго рода брениемъ врачевать наши внутреннія очи.

Итакъ, не зная, но вѣря, что истина существуетъ, уяснимъ себѣ, какое довѣріе должны мы оказывать исторіи и какое разуму и что должны запечатлѣть въ памяти? Гдѣ та истина, которая не приходитъ и не уходитъ, а всегда остается неизмѣнною? Какому слѣдовать способу истолкованія аллегоріи, которая, вѣримъ, изречена мудростію во Святѣмъ Духѣ: достаточно-ли отъ видимаго болѣе древняго относить ее къ видимому же, но болѣе новому, или къ природѣ и движеніямъ души, или же къ неизмѣнной вѣчности; имѣютъ ли однѣ изъ нихъ значеніе дѣйствій видимыхъ, другія—душевныхъ движеній, третьи—закона вѣчности, или же есть нѣкоторыя и такія, въ которыхъ слѣдуетъ искать заразъ всего этого? Какая вѣра твердая—историческая ли и временная, или духовная и вѣчная,—къ которой должно быть направлено всякое истолкованіе авторитета? Что способствуетъ пониманію и достиженію вѣчнаго, въ которомъ заключается цѣль всѣхъ добрыхъ дѣйствій и достовѣрность временныхъ предметовъ? Какое различіе между аллегоріею историческою, фактическою, аллегоріей рѣчи и аллегоріей тайнства? Какъ слѣдуетъ понимать самую рѣчь Божественныхъ писаній согласно съ особенностями, свойственными каждому языку? Ибо каждый языкъ имѣетъ нѣкоторыя свои собственные обороты, которые, будучи переведены на другой языкъ, являются нелѣпыми. Къ чему служить такая изменчивость въ слововыраженіи, что въ священныхъ книгахъ встрѣчаются въ приложеніи къ Богу не только гнѣвъ, печаль, пробужденіе отъ сна, память, забвеніе и нѣкоторыя другія

наименованія, которыя могутъ примѣняться и къ людямъ добродѣтельнымъ, но даже раскаяніе, ревность, опьяненіе и нѣкоторыя тому подобныя? Слѣдуетъ ли относить къ видимой формѣ человѣческаго тѣла очи Божіи, руки, ноги и другіе подобнаго рода члены, или же къ обозначенію разумныхъ и духовныхъ силъ, какъ и шлемъ, щитъ, поясъ и прочее тому подобное? И—что особенно заслуживаетъ изслѣдованія—въ какомъ отношеніи для человѣческаго рода полезно, что Божественное промышленіе говорило такимъ образомъ съ нами при посредствѣ разумной, рожденной и тѣлесной, служащей Ему, твари? Если одно только это будетъ дознано нами, духъ нашъ освободится отъ всякаго дѣтскаго легкомыслія ¹⁾ и въ него введена будетъ святѣйшая религія.

ГЛАВА LI.

Изслѣдованіе Писаній для уврачеванія любопытства.

Итакъ, отбросивъ и отдалявъ отъ себя театральныя и поэтическія бредни, будемъ питать и напоять духъ свой разсмотрѣніемъ и истолкованіемъ Божественныхъ Писаній,—духъ, снѣдаемый голодомъ и жаждою пустаго любопытства и тщетно стремящейся обновить и насытить себя пустыми призраками, какъ бы разнообразными яствами: вотъ истинно свободная и благородная школа, въ которой мы получимъ здоровое воспитаніе. Если услаждаютъ насъ чудеса и прелести зрѣлищъ, будемъ преисполняться желаніемъ созерцать ту премудрость, которая быстро распространяется отъ одного конца до другаго и все устрояетъ на пользу (Прем. VIII, 1). Ибо что можетъ быть удивительнѣе безтѣлесной силы, создавшей тѣлесный міръ и управляющей имъ? или что прекраснѣе силы, упорядочивающей и украшающей этотъ міръ?

¹⁾ Разумѣется легкомысліе манихеевъ въ отношеніи В. Завѣта.

ГЛАВА III.

Любопытство и другіе пороки бывають поводомъ къ добродѣтели.

А если всё согласны, что это ощущается тѣломъ и что духъ лучше тѣла, то развѣ духъ самъ по себѣ ничего не созерцаетъ? или развѣ созерцаемое имъ можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ не гораздо болѣе превосходнымъ и возвышеннымъ? Напротивъ, получивъ со стороны того, о чемъ мы судимъ, толчекъ къ созерцанію того, что такое служить основаніемъ для предмета нашего сужденія, и обратившись отъ произведеній искусства къ закону искусства, мы будемъ умомъ созерцать тотъ образъ, въ сравненіи съ которымъ представляется отвратительнымъ то, что по благости (Божіей) прекрасно. *Невидимая бо (Божія) отъ созданія міра творенми помышляема видима суть и присносущная сила Его и божество* (Рим. I. 20). Въ этомъ заключается возвращеніе отъ временнаго къ вѣчному и преобразованіе изъ жизни ветхаго человѣка въ человѣка новаго. А что же есть такого, отъ чего человѣкъ не могъ бы получать толчекъ къ исканію добродѣтели, когда онъ можетъ быть побуждаемъ къ тому самыми даже пороками? Ибо чего инаго ищетъ любопытство, какъ не познанія того, что не можетъ быть достовѣрно познано, т. е. вѣчнаго и всегда неизмѣнно существующаго? Къ чему иному стремится гордость, какъ не къ могуществу, состоящему въ легкости и безпрепятственности дѣйствованія,—могуществу, которое находитъ совершенная душа только покорная Богу и силою высочайшей любви обращенная къ Его царству? Къ чему стремится похоть плоти, какъ не къ покою, который имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ нѣтъ никакого недостатка и никакого поврежденія? Отсюда, слѣдуетъ бояться преисподней ада, т. е. тягчайшихъ наказаній послѣ настоящей жизни, когда не

можетъ быть уже никакого напоминанія объ истинѣ, потому что тамъ нѣтъ никакого размышленія, а его нѣтъ потому, что его не озаряетъ тамъ *свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человека, грядущаго въ сей міръ*. Поэтому не будемъ медлить и будемъ ходить, пока еще есть день, чтобы не объяла насъ тьма. Поспѣшимъ освободиться отъ второй смерти (Апок. XX, 6; XXI, 8), въ которой *нѣтъ поминаній Бога*, и отъ ада, въ которомъ вѣтъ исповѣдующагося Ему (Пс. VI, 6).

ГЛАВА LIII.

Цѣли людей глупыхъ и умныхъ различны.

Но жалкіе люди, въ глазахъ которыхъ познание не имѣетъ цѣны и которые радуются новизнѣ, охотнѣе учатся, чѣмъ познають, хотя конечною цѣлію ученія служить познание. А тѣ, для которыхъ не имѣетъ значенія ничѣмъ не затрудняемая легкость дѣйствованія, охотнѣе борятся, чѣмъ побѣждаютъ, хотя конечною цѣлію борьбы служить побѣда. Наконецъ тѣ, для которыхъ не имѣетъ цѣны тѣлесное здоровье, предпочитаютъ ѣсть, чѣмъ быть сытыми, пользоваться дѣтородными членами, чѣмъ не испытывать никакого подобнаго возбужденія; а находятся даже и такіе, которые предпочитаютъ спать, чѣмъ не спать, хотя конечная цѣль этихъ удовольствій та, чтобы не чувствовать больше голода, не жадать, не желать [плотскаго] совокупленія и не быть въ состояніи тѣлеснаго утомленія.

Поэтому тѣ, которые преслѣдуютъ самыя эти конечныя цѣли, прежде всего освобождаются отъ любопытства, признавая несомнѣннымъ то знаніе, которое заключается внутри ихъ, и услаждаясь имъ, насколько это возможно въ настоящей жизни. Затѣмъ, оставивъ упорство, приобрѣтають легкость дѣйствованія, зная, что бѣльшая и легчайшая по-

бѣда состоятъ въ непротиводѣйстви чьему-либо задору. Наконецъ, насколько это возможно въ настоящей жизни, они ощущаютъ и тѣлесный покой, воздерживаясь отъ того, безъ чего возможно проводить настоящую жизнь. Такимъ образомъ они вѣушаютъ, какъ сладостенъ Господь (въ нихъ не будетъ уже сомнѣнiя, что настанетъ послѣ настоящей жизни) и питаются вѣрою, надеждою и любовью своего совершенства. Послѣ же настоящей жизни усовершенствуется и познанiе (потому что теперь мы *отчасти разумѣваемъ*, а когда наступитъ совершенное, тогда *еже отчасти упразднится*) и наступитъ полный миръ (ибо теперь инъ законъ во удѣхъ моихъ противувоюетъ закону ума моего, но отъ сего тѣла смерти освободитъ насъ благодать Божiя чрезъ Исуса Христа, Господа нашего (Рим. VII, 23—25); потому что во многомъ мы соглашаемся съ этимъ противникомъ, пока находимся съ нимъ въ пути), въ тѣлѣ будетъ полное здоровье и не будетъ никакой нужды и никакой усталости (потому что *тлнное сіе*, въ свое время и своимъ порядкомъ, когда наступитъ воскресенiе, *облечется въ нетлннiе*). И не удивительно, что все это дано будетъ тѣмъ, которые въ познанiи любятъ только истину, въ дѣйствованiи—только миръ, а въ тѣлѣ—только здоровье: послѣ настоящей жизни только осуществится для нихъ и усовершится то, что они больше любятъ въ этой жизни.

ГЛАВА LIV.

Какое значенiе для пороковъ осужденныхъ людей имѣютъ наказанiя.

Отсюда, тѣмъ, которые дурно пользуются великимъ благомъ ума, ища помимо его болѣе видимаго, что должно было служить для нихъ напоминанiемъ о томъ, чтобы они созерцали и любили разумное,—всѣмъ имъ достанется въ удѣлъ тьма

кромѣшная. Ибо началомъ этой тьмы служить плотское мудрованіе (*carnis prudentia*) и слабость тѣлесныхъ чувствъ. А тѣ, которые услаждаются борьбою, будутъ отчуждены отъ мира и опутаны величайшими затрудненіями. Ибо война и борьба служатъ началомъ величайшихъ затрудненій. Это, мнѣ думается, и означаетъ, что у такихъ будутъ связаны руки и ноги (Мѡ. XXII, 13), т. е. отнята будетъ всякая легкость и безпрепятственность дѣйствования. Наконецъ, тѣ, которые хотятъ алкать и жаждать, пылать похотью и утомляться, чтобы съ удовольствіемъ ѣсть, пить, совокупляться и спать, любятъ такой недостатокъ, который служитъ началомъ величайшихъ скорбей. Такимъ образомъ, для нихъ осуществится и усовершится то, что они любятъ, дабы быть тамъ, гдѣ *будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*.

Есть много и такихъ людей, которые любятъ заразъ всѣ эти пороки и жизнь которыхъ состоитъ въ томъ, что они бывають на зрѣлищахъ, спорять, ѣдятъ, пьютъ, совокупляются съ женщинами, спать и своею мыслию останавливаются только на собственныхъ призракахъ, которые создаетъ подобная жизнь, и, выходя изъ ихъ лживости, строить суевѣрныя и нечестивыя правила, которыми обманываютъ себя самихъ и къ которымъ привязаны бывають, хотя бы даже и старались воздерживаться отъ соблазновъ плоти. Такъ какъ они дурно пользовались ввѣреннымъ имъ талантомъ, т. е. остротою разума, которою повидимому одарены всѣ, такъ называемые ученые, или остряги, или шутники, а держать ее завязанною въ платокъ, или зарытою въ землю, т. е. устремляютъ и привязываютъ къ пустымъ предметамъ, или къ земнымъ страстямъ: то у нихъ будутъ связаны руки и ноги и они посланы будутъ во тьму кромѣшную, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. И это не потому, чтобы они любили плачъ и скрежетъ зубовъ (ибо кто же ихъ любить?), а потому, что то, что они любили, служить на-

чаломъ этого плача и скрежета зубовъ и необходимо приводить къ нимъ своихъ поклонниковъ. Ибо тѣ, которые больше любятъ ходить, чѣмъ возвращаться или достигать до чего-нибудь, должны быть посланы въ мѣста наиболѣе отдаленныя, потому что они суть плоть и духъ блуждающій, но не возвращающійся.

Напротивъ, кто хорошо пользуется пятью ли чувствами тѣла, чтобы вѣровать дѣламъ Божиимъ и возвѣщать о нихъ и чтобы питаться благостию Божіею, или же—дѣятельностию и знаніемъ, чтобы ввести миръ въ свою природу и познать Бога, тотъ входитъ въ радость Господа своего. Кромѣ того, талантъ, взятый у того, кто имъ дурно пользовался, отдается тому, кто хорошо пользовался пятью талантами (Мѡ. XXV, 14—30; Лук. XIX, 15—26.), не потому, что острота ума можетъ быть переносима [отъ одного къ другому], но дано такимъ образомъ понять, что нерадивые и нечестивые, между тѣмъ отъ природы остроумные, люди могутъ потерять это дарованіе, а прилежные и благочестивые, хотя и болѣе медлительные разумомъ, могутъ его достигнуть. Въ самомъ дѣлѣ, талантъ отданъ не тому, кто получилъ два; потому что кто уже въ области дѣйствія и знанія живетъ хорошо, тотъ имѣетъ и это, а тому, кто получилъ пять. Ибо тотъ еще не имѣетъ достаточной для созерцанія вѣчнаго остроты ума, кто вѣритъ только въ видимое, т. е. временное, а имѣетъ ее тотъ, кто праславляетъ Бога, устроителя всего этого чувственного, преданъ Ему вѣрою, уповаешь на Него надеждою и ищешь Его любовью.

ГЛАВА LV.

Эпилогъ, убѣждающій въ истинной религіи. Какова была религія манихеевъ. Ложныя мнѣнія о богахъ. Истинная религія.

Если все это такъ, то убѣждаю васъ, возлюбленные и ближніе мои, убѣждаю вмѣстѣ съ вами и себя самого, стре-

миться съ возможною для насъ скоростію къ тому, къ чему убѣждаетъ насъ Богъ своею премудростію. Не будемъ любить міра, потому что *все, еже въ міръ, похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская*. Не будемъ любить другимъ и самимъ себѣ вредить плотскимъ удовольствіемъ, чтобы не подпасть бѣдственнѣйшему поврежденію отъ скорбей и мукъ. Не будемъ любить раздоровъ, чтобы не быть преданными во власть радующихся этому ангеловъ, на униженіе, одолѣніе и наказаніе. Не будемъ любить видимыхъ зрѣлищъ, чтобы не быть вверженными во тьму (кромѣшнюю) за уклоненіе отъ Самой истины и любовь къ мраку. Пусть религія наша не будетъ состоять въ собственныхъ нашихъ призракахъ. Ибо лучше хоть что нибудь дѣйствительное, чѣмъ все, что только можетъ быть измышлено нашимъ произволомъ; и все же таки мы не должны почитать самую душу, хотя она, измышляя ложное, и остается существомъ дѣйствительнымъ. Лучше дѣйствительная соломенка, чѣмъ свѣтъ, созданный пустымъ воображеніемъ по желанію человѣка, способнаго къ предположеніямъ, и всетаки соломенку, которую мы ощущаемъ и въ которой прибацаемся, считать достойною почитанія—дѣло безумное. Пусть не будетъ нашею религіею и почитаніе произведеній человѣческихъ. Гораздо лучше сами художники, создающіе подобныя произведенія, и все же мы ихъ не должны чтить. Пусть не будетъ нашею религіею и почитаніе животныхъ. Лучше ихъ самыя послѣдніе изъ людей, и все же не должны мы чтить и ихъ. Пусть не будетъ для насъ религіею и почитаніе умершихъ людей; потому что если они жили благочестиво, то не слѣдуетъ о нихъ думать такъ, чтобы они искали подобныхъ почестей; напротивъ, они хотятъ, чтобы мы чтили Того, Кѣмъ просвѣщаемые они радуются, если и мы дѣлаемся участниками ихъ заслугъ. Отсюда, ихъ чтить должно ради религіи. Если же они жили дурно, то и не заслуживаютъ

почтенія, гдѣ бы они ни были. Пусть не будетъ для насъ религіею почитаніе демоновъ, потому что всякое суевѣріе служить для нихъ почестію и побѣдою, тогда какъ для людей — великимъ наказаніемъ и опаснѣйшимъ безчестіемъ.

Пусть не будетъ для насъ религіею почитаніе земли и воды, потому что воздухъ чище и свѣтлѣе ихъ, и притомъ служить источникомъ теплоты; однако и его мы не должны почитать. Пусть не будетъ для насъ религіею почитаніе и этого болѣе чистаго и болѣе яснаго воздуха, потому что, при отсутствіи свѣта, и онъ становится темнымъ; чище его даже блескъ огня, который, однако, въ виду того, что мы его по произволу зажигаемъ и тушимъ, мы не должны, конечно, чтить. Пусть не будетъ для насъ религіею почитаніе эфирныхъ и небесныхъ тѣлъ, которыя хотя и превосходятъ всѣ другія тѣла, однако какое бы то ни было живое существо лучше въ сравненіи съ ними. Поэтому если они тѣла одушевленные, то всякая кабая бы то ни было душа сама по себѣ лучше, чѣмъ какое угодно одушевленное тѣло; и все же таки никто не согласился бы считать порочную душу достойною почитанія. Пусть не будетъ для насъ религіею почитаніе той жизни, которою, какъ утверждаютъ, живутъ деревья, потому что въ ней нѣтъ никакого чувства; въ тому же роду относится и та [жизнь], которою производится частичность нашего тѣла, живутъ наши волосы и бosti, не имѣющіе ощущенія; лучше этой жизни жизнь, одареная чувствомъ, однако мы не должны чтить и жизнь животныхъ.

Пусть не будетъ нашею религіею даже и самая совершенная и самая мудрая разумная душа, которая или поставлена на служеніе вселенной или ея отдѣльнымъ частямъ, или же ожидаетъ переменъ и видоизмѣненія своей участи въ лучшихъ людяхъ; потому что всякая разумная жизнь, если она совершенна, покоряется неизмѣнной истинѣ, безъ словъ говорящей съ нею внутренно, а не покоряясь

дѣлается порочною. Отсюда, она возвышается не сама по себѣ, а благодаря той [истинѣ], которой охотно покоряется. Отсюда, что чтить высшій ангель, то долженъ чтить и низшій человѣкъ, потому что и сама природа человѣческая стала низшею вслѣдствіе непочтенія къ тому. Ибо мудрый ангель и человѣкъ, правдивый ангель и человѣкъ происходят не отъ различнаго [начала], а отъ единой неизмѣнной мудрости и истины. Временнымъ домостроительствомъ нашего спасенія устроено даже такъ, что сама неизмѣнная, единосущная и совѣчная Отцу, Божія Сила и Божія Премудрость благоволила воспринять человѣческую природу, чтобы научить насъ, что человѣкъ долженъ чтить то же, что должно быть чтимо и всею мыслящею и разумною тварью. Будемъ вѣрить, что и самые высшіе ангелы и превосходнѣйшіе служители Божіи желаютъ, чтобы мы чтили единого съ ними Бога, отъ созерцанія котораго они блаженны. Ибо и мы блаженны не отъ созерцанія ангеловъ, а отъ созерцанія той истины, благодаря которой любимъ самыхъ ангеловъ и сорадуемся съ ними. Мы нисколько не завидуемъ, что они болѣе [насъ] подготовлены къ истинѣ, или наслаждаются ею безъ всякихъ тягостныхъ препятствій; напротивъ, еще болѣе любимъ ихъ, потому что общимъ Господомъ заповѣдано и намъ ожидать того-же. Поэтому мы чтимъ ихъ съ любовію, а не раболѣпствомъ. Мы не строимъ имъ храмовъ, потому что они не желаютъ отъ насъ такого почитанія, зная, что и сами мы—храмы всевышняго Бога, когда бываемъ добродѣтельны. Такимъ образомъ, правильно пишется, что ангель воспретилъ человѣку воздавать ему поклоненіе, подобающее только единому Господу, подъ властію Котораго самъ ангель есть только сослужитель человѣба.

Между тѣмъ, тѣ (ангелы), которые склоняютъ насъ служить имъ и почитать ихъ, какъ боговъ, подобны гордымъ людямъ, желающимъ, чтобы ихъ, если бы было можно, мы

чтили точно такимъ же образомъ. Но такихъ людей терпѣть нѣтъ еще большой опасности, чтить же тѣхъ ангеловъ гораздо опаснѣе. Ибо всякое господство людей надъ людьми продолжается только до смерти или господствующихъ или находящихся въ подчиненіи; рабства же со стороны гордости злыхъ ангеловъ надобно больше бояться по причинѣ самаго времени,—потому, что оно имѣетъ мѣсто послѣ смерти. Притомъ, всякій знаетъ, что господство человѣка оставляетъ [подчиненному] возможность свободы въ области умственной; между тѣмъ, тѣхъ властителей мы страшимся, какъ властителей надъ самымъ умомъ нашимъ, который представляетъ собою единственное око для созерцанія и воспринятія истины. Поэтому, если мы, въ цѣляхъ нашего обузданія, подчинены всякой власти, которая дается людямъ для управленія государствомъ, воздавая кесарева кесареви и Божія Богу (Мѣ. XXII, 21), то не должны бояться, чтобы кто-нибудь потребовалъ отъ насъ этого и послѣ смерти. И притомъ, иное дѣло—рабство души, и иное—рабство тѣла. Люди праведные и полагающіе всю радость свою въ одномъ Богѣ, когда Богъ благословляется ихъ дѣлами, соуслаждаются тѣми, которые [ихъ] хвалятъ; но когда хвалятъ ихъ самихъ, они исправляютъ заблуждающихся, кого только могутъ, кого же исправить не могутъ, тѣмъ они не сорадуются и желаютъ только, чтобы они исправились отъ этого порока. Если же добрые ангелы и всѣ святые служители Божіи подобны имъ и даже чище и святѣе [ихъ]: почему же мы боимся, что если не будемъ суевѣрны, то тѣмъ оскорбимъ кого-либо изъ нихъ, такъ какъ при ихъ помощи мы освобождаемся отъ всякаго суевѣрія, стремясь къ единому Богу и къ Нему одному привязывая (religantes) наши души,—откуда, думается мнѣ, происходитъ и самое слово религія (religio)?

Этого вотъ единого Бога, это единое Начало всего и Премудрость, Которую премудра всякая душа, какъ бы ни

была она премудра, этотъ Даръ, Которымъ блаженно все, что только есть блаженнаго, я и чту. И всякій ангель, который только любитъ этого Бога, я увѣренъ, любитъ также и меня. Всякій [ангелъ], который только въ Немъ пребываетъ и можетъ слышать человѣческія молитвы, слышитъ въ Немъ и меня. Всякій [ангелъ], который только считаетъ Его своимъ благомъ, помогаетъ въ Немъ и мнѣ и не можетъ завидовать и моему въ Немъ участию. Пусть же поклонники и читатели частей міра скажутъ мнѣ, кого изъ добрыхъ [ангеловъ] не хотѣлъ бы расположить къ себѣ тотъ, кто почитаетъ то только одно, что всякій добрый [ангелъ] любитъ, отъ познанія чего онъ радуется и стремленіе къ чему дѣлаетъ его добрымъ? Напротивъ, всякій ангелъ, который только любитъ своеволіе, не хочетъ быть подчиненнымъ истинѣ и, пожелавъ наслаждаться своимъ личнымъ благомъ, отпалъ отъ общаго блага и истиннаго блаженства, которому въ рабство и на мученіе преданы всѣ порочные [люди], а изъ добродѣтельныхъ никто, развѣ только для испытанія, для котораго наши несчастія составляютъ радость, а наше обращеніе осужденіе,—такой ангелъ безъ сомнѣнія не достоинъ почитанія.

Итакъ, пусть же религія связываетъ насъ съ однимъ только всемогущимъ Богомъ, потому что между нашимъ умомъ, которымъ мы постигаемъ Отца, и Истиною, т. е. внутреннимъ Свѣтомъ, при посредствѣ Котораго мы Его постигаемъ, не посредствуетъ никакая тварь. А потому вмѣстѣ съ Отцемъ будемъ чтить и саму эту Истину, ни въ чемъ отъ Него не разнствующую, Которая представляетъ собою форму всего, что создано единымъ и стремится къ единому. Отсюда, для душъ духовныхъ ясно, что все создано чрезъ эту форму, которая одна только вполне заключаетъ въ себѣ то, къ чему все стремится. Однако, это все не было бы создано Отцемъ чрезъ Сына, и не сохранилось бы цѣлымъ

въ своихъ границахъ, если бы Богъ не былъ въ высшей степени благимъ, такъ что Онъ не завидуетъ никакой природѣ, которая можетъ быть отъ Него доброю, и даровалъ силу оставаться въ этомъ добрѣ—одному, насколько оно хочетъ, а другому, насколько оно можетъ. Поэтому прилично намъ чтить и почитать неизмѣннымъ наравнѣ съ Отцемъ и Сыномъ и этотъ Даръ Божій, т. е. Троицу единосущную: единого Бога, Которымъ, чрезъ Котораго и въ Которомъ мы существуемъ, отъ Котораго мы произошли, Которому сдѣлались неподобными и отъ Котораго имѣемъ обѣтованіе, что не погибнемъ,—Начало, въ Которому мы стремимся, или Форму, Которой слѣдуемъ, и Благодать, Которою возстаиваемся; единого Бога—Творца, Которымъ мы созданы, Его Образъ, чрезъ Который мы приводимся въ единство, и Миръ, Которымъ мы остаемся въ единствѣ; Бога, Который изрекъ: *Да будетъ* (Быт. I), Его Слово, чрезъ Которое создано все, что создано по сущности своей и природѣ, и Даръ Его благодати, по Которому [все это] угодно было Творцу Своему и примирено съ Нимъ, чтобы ничто, созданное Имъ чрезъ Слово, не погибло; единого Бога, сотворенные Которымъ мы живемъ, образованные Которымъ мы живемъ мудро, любя Котораго и Которымъ наслаждаясь, мы живемъ блаженно; единого Бога, изъ Котораго, Которымъ и въ Которомъ все. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь. (Рим. XI, 36).

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,
ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО,
О КНИГѢ БЫТІЯ, БУКВАЛЬНО.

Книга не оконченная.

Объясняется начало книги Бытія включительно до 26 стиха:
Сотворимъ челоѡка по образу Нашему и т. д.

ГЛАВА I.

Предварительныя разсужденія о католической вѣрѣ. Что такое грѣхъ? Что такое наказаніе за грѣхъ? Грѣхи естественныя. Почему церковь называется католическою.

О томъ, что въ естественныхъ предметахъ для насъ не ясно, — а это, какъ мы думаемъ, произведено всемогущимъ Художникомъ Богомъ, — говорить надобно не утвердительно, а съ разслѣдованіемъ, особенно въ тѣхъ книгахъ, которыя рекомендуетъ намъ Божественный авторитетъ, гдѣ челоѡку, неодуманно утверждающему вѣтвердое и сомнительное мнѣніе, трудно избѣгать обвиненія въ святотатствѣ; но, съ другой стороны, и пытливость въ изслѣдованіи не должна заходить за предѣлы, указываемые католическою вѣрою. А такъ какъ многіе еретики имѣютъ обыкновеніе изъяснять Божественное писаніе по собственному разумѣнію, съ ученіемъ католической вѣры несогласному, то, прежде изъясненія самой книги [Бытія], считаемъ нужнымъ изложить вкратцѣ католическую вѣру.

Она заключается въ слѣдующемъ. Всемогуцій Богъ Отецъ создалъ и устроилъ всю тварь чрезъ Своего едиnorodнаго Сына, т. е. Свою, единосущную и совѣчную Себѣ, Премудрость и Силу вмѣстѣ съ Духомъ Святымъ, также единосущнымъ и совѣчнымъ Себѣ. Такимъ образомъ, каеолическое ученіе внушаетъ намъ именовать сію Троицу единымъ Богомъ и вѣровать, что Онъ создалъ и сотворилъ все существующее, насколько оно существуетъ; такъ что всякая тварь, какъ разумная, такъ и тѣлесная, или, выражаясь короче согласно со словами Божественныхъ писаній, какъ видимая, такъ и невидимая, создана не изъ Божественной природы, а Богомъ изъ ничего, и что въ ней нѣтъ ничего, относящагося къ Троицѣ, кромѣ того развѣ, что ее создала Троица,—что она сотворена. Поэтому говорить или вѣровать надлежитъ такъ, что вся тварь ни единосущна, ни совѣчна Богу.

Съ другой стороны, все, созданное Богомъ, *добро зло*; зло же не есть нѣчто натуральное, а все, называемое зломъ, есть или грѣхъ или наказаніе за грѣхъ. Да и самый грѣхъ есть не что иное, какъ только порочная наклонность нашей свободной воли, когда мы склоняемся къ тому, что воспрещаетъ праведность и воздержаться отъ чего—дѣло нашей свободы, т. е. грѣхъ заключается не въ самыхъ этихъ вещахъ, а въ незаконномъ пользованіи ими. Законное же пользованіе вещами состоитъ въ томъ, чтобы душа пребывала въ законѣ Божіемъ и подчинена была съ полнѣйшею любовію одному Богу, и чтобы остальнымъ всѣмъ, ей подчиненнымъ, управляла безъ страсти и похоти, т. е. по заповѣди Божіей: ибо въ такомъ случаѣ она управлять будетъ безъ затрудненія и злополучія, а, напротивъ, съ величайшею легкостію и блаженствомъ.

Это именно состояніе, когда душа терзается тварями, ей не покоряющимися, когда она и сама не покоряется Богу, и

составляетъ наказаніе за грѣхъ: когда она была покорна Богу, поборялась ей и тварь. Такимъ образомъ, огонь не есть зло, потому что представляетъ собою твореніе Божіе, но онъ жжетъ наше немощное существо вслѣдствіе грѣха. Грѣхи, которые совершаются нами предъ Божественнымъ милосердіемъ необходимо, послѣ того, какъ вслѣдствіе грѣха своей свободной воли мы впали въ настоящее состояніе, называются естественными грѣхами.

Но человѣкъ обновленъ чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего, когда Сама неизреченная и непреложная Премудрость Божія благоволила воспринять полнаго и совершеннаго человѣка и родиться отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, быть распятымъ, погребеннымъ, воскреснуть и вознестись на небо; что уже совершилось, — вновь придти въ концѣ вѣковъ, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ и воскресить во плоти; что проповѣдуется, какъ еще имѣющее совершиться. Вѣрующимъ во Христа данъ Духъ Святой. Имъ основана мать-церковь, называемая каеодическою потому, что она совершенна въ цѣлой общности своихъ членовъ (universaliter) и не заключена ни въ комъ изъ нихъ (in nullo) и что распространена по всему міру. Кающимся отпускаются всѣ прежніе грѣхи и общается вѣчная жизнь и царство небесное.

ГЛАВА II.

Способы изъясненія Закона. Исторія. Аллегорія. Аналогія. Этіологія.

Согласно съ этою вѣрою и нужно смотрѣть на то, что въ книгѣ [Бытія] можетъ подлежать испытанію и изслѣдованію. — *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). Нѣкоторыми толкователями Писаній рекомендуются четыре способа изъясненія Закона, названія которыхъ могутъ быть приведены по-гречески, а опредѣлены и разъяснены

по-латыни, именно— историческій, аллегорическій, аналогическій и этиологическій, — историческій, когда приноминается какое-либо божественное или человѣческое дѣйствіе, аллегорическій, когда изреченія понимаются иносказательно, аналогическій, когда указывается согласіе ветхаго и новаго завѣтовъ, этиологическій, когда приводятся причины словъ и дѣйствій.

ГЛАВА III.

Объясняется 1 стихъ Бытія.

Итакъ, слова: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю* могутъ быть предметомъ изслѣдованія съ слѣдующихъ сторонъ: надобно-ли понимать ихъ только въ смыслѣ историческомъ, или же они означаютъ что-либо и иносказательно, какъ они согласны съ Евангеліемъ и по какой причинѣ книга [Бытія] такъ начинается. Въ историческомъ, далѣе, смыслѣ возможенъ вопросъ, что значитъ *въ началъ*, т. е. въ началѣ-ли времени, или въ Началѣ—въ самой Премудрости Божіей, потому что и Самъ Сынъ Божій назвалъ Себя началомъ, когда Ему было сказано: *Ты кто еси? и рече имъ: Начатокъ, яко и глаголю вамъ* (Іоан. VIII, 25). Ибо есть Начало безначальное и Начало отъ другаго Начала. Начало безначальное—одинъ только Отецъ, почему мы и вѣруемъ, что все [произошло] отъ одного начала. Сынъ же есть начало въ томъ смыслѣ, что Онъ отъ Отца. Даже и первая разумная тварь можетъ быть названа началомъ того, чему въ твореніи Божіемъ она служитъ главою. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ начало правильно называется главою, то въ своемъ постепенно восходящемъ исчисленіи апостолъ не назвалъ жены главою кого-нибудь; ибо мужа онъ назвалъ главою жены, Христа—главою мужа и, наконецъ, Бога—главою Христа (I Коринѣ. XI, 3): такимъ образомъ тварь подчинена Творцу.

Или не потому-ли сказано: *въ началѣ*, что то было первое твореніе? Но развѣ въ ряду твореній небо и земля могли быть созданными во первыхъ, если первоначально созданы Ангелы и всѣ разумныя Силы? Ибо и Ангеловъ мы должны считать сотворенными Богомъ, такъ какъ въ 148 псалмѣ пророкъ перечисляетъ и Ангеловъ, когда говоритъ: *Той рече, и быша, Той повелъ, и создашася* (пс. СXLVIII, 3). Но если первоначально сотворены Ангелы, то можно спросить, созданы ли они во времени, или прежде всякаго времени, или въ началѣ времени? Если они созданы во времени, то, значить, было уже время, прежде чѣмъ Ангелы сотворены; а такъ какъ и самое время есть тварь, то является необходимость допустить нѣчто раньше, чѣмъ созданы Ангелы. Если же мы скажемъ, что они созданы въ началѣ времени, такъ что вмѣстѣ съ ними началось и самое время, то должны будемъ назвать ложнымъ мнѣніе нѣкоторыхъ, что время началось вмѣстѣ съ небомъ и землею.

Если же Ангелы созданы раньше времени, то надобно спросить, какъ это мирится съ дальнѣйшими словами: *И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщаютъ землю и разлучати между днемъ и между ночью, и да будутъ во знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта?* Изъ этихъ словъ, по видимому, явствуетъ, что время началось тогда, когда небо и небесныя свѣтила начали двигаться по опредѣленному для нихъ пути; а если такъ, то какъ же могли быть дни раньше, чѣмъ началось время, если время получило начало отъ движенія свѣтилъ, которыя, сказано, созданы въ четвертый день? Или, быть можетъ, распорядокъ тѣхъ дней введенъ примѣнительно къ человѣческой слабости, по закону повѣствованія, чтобы простою рѣчью дать людямъ понятіе о возвышенныхъ предметахъ, потому что и самая рѣчь повѣствователя не возможна безъ чего-

либо перваго, средняго и послѣдняго? Или же, чтобы были свѣтила, не сказано-ли о тѣхъ временахъ, которыя люди измѣряютъ преемственностію въ тѣлесномъ движеніи? Ибо если бы не было никакого тѣлеснаго движенія, то не было бы никакого и времени; что, впрочемъ, и само по себѣ для людей очень понятно. Но если мы съ этимъ согласимся, то должны будемъ спросить, можетъ-ли быть время помимо движенія тѣлъ, въ движеніи безтѣлесной твари, какова душа или даже и умъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, при мышленіи движется, и въ этомъ движеніи одно имѣетъ раньше, а другое позже, что не мыслимо безъ протяженія времени? А если мы это допустимъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ допустимъ и мысль, что было время и раньше неба и земли, если раньше неба и земли были созданы Ангелы. Ибо тогда была уже тварь, которая проводила время въ безтѣлесныхъ движеніяхъ. И ошибки не будетъ, если мы допустимъ, что рядомъ съ этою тварью существуетъ время, какъ существуетъ оно въ нашей душѣ, которая привыкла къ тѣлеснымъ движеніямъ, благодаря тѣлеснымъ чувствамъ. А можетъ быть, въ главенствующихъ и наивысшихъ тваряхъ и вѣтъ его. Но какъ бы то ни было (это предметъ весьма таинственный и для человѣческой мысли недоступный), а мы должны вѣрою принимать, хотя это и превышаетъ мѣру нашего мышленія, что всякая тварь имѣетъ начало и что и самое время есть твореніе, а потому и оно имѣетъ начало и отнюдь не совѣчно Творцу.

Можно даже думать, что небо и земля поставлены здѣсь вмѣсто всей вообще твари, такъ что небомъ названы и эта видимая эфирная твердь и та невидимая тварь высшихъ Силъ, а землю—низшая часть міра, съ населяющими ее одушевленными существами. Или же небомъ не названа-ли вся высшая и невидимая тварь, а землю все видимое, такъ что и въ этомъ значеніи слова: *Въ началѣ сотвори Богъ*

небо и землю можно понимать о всей твари? И быть можетъ, не непристойно, въ сравненіи съ невидимую тварью, все видимое называется землею, чтобы и та, въ свою очередь, называлась именемъ неба. Поэтому и невидимая душа, когда она отягощается любовью къ видимымъ предметамъ и надмевается приобрѣтеніемъ ихъ, называется также землею, какъ написано: *Почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. X, 9)?

Но можно спросить, въ опредѣленномъ - ли и стройномъ видѣ все названо небомъ и землею, или же именемъ неба и земли названа самая, на первыхъ порахъ безформенная, міровая матерія, которая неизреченнымъ образомъ, по повелѣнію Божію, размѣщена потомъ въ настоящія, съ опредѣленнымъ видомъ и формой, природы? Ибо хотя мы и читаемъ въ Писаніи: Ты сотворилъ міръ *отъ безобразнаго вещества* (Премудр. XI, 18), однако не можемъ сказать, что и самая матерія, какого бы рода она ни была, создана не Тьмою, отъ Кого, какъ мы признаемъ и вѣруемъ, произошло все; такъ что устройство и приведеніе каждой отдѣльной вещи въ опредѣленный и стройный видъ называется міромъ; самая же матерія названа небомъ и землею, какъ бы сѣменемъ неба и земли: то были небо и земля въ беспорядочномъ и смѣшанномъ видѣ, въ состояніи удобномъ къ воспринятію формъ отъ Художника Бога.—Доселѣ мы должны были вести изслѣдованіе по поводу словъ: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, ибо ничего о нихъ не слѣдовало утверждать необдуманно.

ГЛАВА IV.

Объясняются 2 и 3 стихи Бытія. Бездна. Четыре элемента. Подобія о Духъ надъ водами.

Земля же бѣ невидима и не устроена, и тѣма верху бездны, и Духъ Божій пошашеся верху воды.—Еретики

(манихеи), возникающіе противъ в. Завѣта, по поводу этого мѣста пускаютъ въ ходъ, обыкновенно, клевету, говоря: «Какимъ образомъ въ началѣ Богъ создалъ небо и землю, если земля уже была»? Такъ говорятъ они, не понимая, что слова эти прибавлены для объясненія того, какова была земля, о которой уже сказано, что *Богъ сотвори небо и землю*. Такимъ образомъ, понимать это слѣдуетъ такъ: Богъ въ началѣ создалъ небо и землю; но эта земля, Богомъ созданная, была не видима и не устроена, пока Имъ же Самимъ не была разграничена и приведена изъ смѣшенія въ опредѣленный порядокъ вещей. Или же не лучше-ли понимать такъ, что въ этомъ стихѣ снова упоминается та же матерія, которая выше названа небомъ и землею; такъ что смыслъ будетъ таковъ: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, но то, что названо небомъ и землею, была земля невидимая и неустроенная, и тьма [была] вверху бездны; т. е. то, что названо небомъ и землею, было вѣкоторою смѣшанною матеріей, изъ которой, по выдѣленіи изъ нея элементовъ и принятіи ими формы, образовался міръ, состоящій изъ двухъ самыхъ большихъ частей, неба и земли? Это смѣшеніе матеріи могло быть приближено къ простому пониманію подъ такими только чертами, когда земля названа невидимой, неустроенной, т. е. не приведенной еще въ порядокъ, или не приготовленной, и [когда сказано, что] была тьма вверху бездны, т. е. надъ этою безпредѣльною глубиной. А эта глубина, въ свою очередь, быть можетъ, поименована потому, что ничья мысль не можетъ понять ея, по причинѣ самой ея безформенности.

И тьма вверху бездны.—Была-ли бездна внизу, а тьма вверху, какъ будто бы уже существовала раздѣльность пространства? Или же, такъ какъ еще продолжается описаніе смѣшенія матеріи, что и по-гречески называется *χᾶος*, то не потому-ли сказано: *И тьма вверху бездны*, что не было

свѣта, который если бы былъ, то, конечно, былъ бы вверху, потому что онъ тоньше, и освѣщаль бы, что находилось ниже его? И въ самомъ дѣлѣ, кто разсудить внимательно, что такое тьма, тотъ найдетъ ее ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ свѣта. Такимъ образомъ, слова: *И тьма бысть верху бездны* равносильны словамъ: „Надъ бездною не было свѣта“. По этой причинѣ та матерія, которая дальнѣйшимъ дѣйствіемъ Божиимъ распредѣляется въ опредѣленные формы вещей, названа невидимою и неустроенною землею и лишенною свѣта глубиною, будучи раньше названа именемъ неба и земли, какъ бы сѣменемъ неба и земли, какъ уже сказано выше; если только, впрочемъ, подъ именемъ неба и земли писатель не хотѣлъ сначала обозначить вселенную, чтобы потомъ, когда уже разъяснена матерія, перейти въ изслѣдованію частей міра.

И Духъ Божій носашеся верху воды. — Писатель не говорилъ раньше, что воду Богъ создалъ, и однакожь ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ думать, что Богъ не сотворилъ воды и что она уже существовала прежде, чѣмъ Онъ создалъ что-либо. Ибо, какъ говоритъ Апостолъ, Онъ Тотъ, отъ Кого все, чрезъ Кого все и въ Коемъ все (Римл. XI, 36). Слѣдовательно, и воду Богъ сотворилъ, и думать иначе — великое заблужденіе. Но почему же не сказано, что Богъ сотворилъ воду? Не захотѣлъ-ли [здѣсь] писатель назвать еще и водою ту самую матерію, которую онъ раньше называлъ то небомъ и землею, то невидимою и неустроенною землею, то бездною? Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не назваться ей и водою, если она могла быть названа землею, когда [въ сущности] она не была еще ни разграниченной и сформированной водою, ни землею, ни чѣмъ-либо другимъ? И, можетъ быть, сперва она названа небомъ и землею, затѣмъ невидимою и неустроенною землею и лишенною свѣта бездною, а наконецъ -и водою съ тою цѣлю, чтобы, сначала, именемъ неба и земли обозначить матерію всей вселенной, для которой она создана совершенно изъ ничего; затѣмъ,

именемъ невидимой и неустроенной земли и бездны дать понятіе о безформенности, потому что въ ряду всѣхъ элементовъ земля наиболѣе безформенна и наименѣе свѣтла, чѣмъ остальные; наконецъ, именемъ воды обозначить матерію, подлежащую дѣйствию Творца, ибо вода подвижнѣе земли, и потому подлежащая дѣйствию Творца матерія, въ виду легкости обработки и большей подвижности, должна быть названа скорѣе водою, чѣмъ землею.

И хотя воздухъ подвижнѣе воды, а эфиръ не безъ основанія считается и ощущается еще подвижнѣе, чѣмъ даже воздухъ; однако назвать матерію именемъ воздуха или ээира было бы менѣе удобно. Ибо воздухъ и ээиръ считаются болѣе элементами, имѣющими способность производить дѣйствіе, земля же и вода только имѣющими способность принимать дѣйствіе. Если это не ясно, — полагаю, что совершенно очевидно то по крайней мѣрѣ, что вѣтеръ приводитъ въ движеніе воду и нѣкоторые земные предметы, а вѣтеръ есть движущійся и какъ бы волнующійся воздухъ. Отсюда, такъ какъ очевидно, что воздухъ движетъ воду, но не ясно, отъ какой причины онъ движется самъ, чтобы быть вѣтромъ: то кто же станетъ сомнѣваться, что матеріи приличнѣе называться именемъ воды, потому что вода приводится въ движеніе, чѣмъ — именемъ воздуха, который приводитъ ее въ движеніе? Но двигать значитъ претерпѣвать дѣйствіе, а двигать — производить дѣйствіе. Къ этому присоединить надобно и то еще, что все, рождаемое землею, орошаютъ водою, чтобы оно могло взойти и вырости; такъ что и въ самыхъ этихъ порожденіяхъ, повидимому, движется собственно таже вода. Отсюда, матерію приличнѣе назвать именемъ воды, такъ какъ, покорная дѣйствию Творца, она въ этомъ случаѣ обозначалась бы этимъ именемъ за свою подвижность и круговращеніе въ каждомъ рождающемся тѣлѣ, чѣмъ — именемъ воздуха, въ которомъ

можетъ примѣчаться одна только подвижность, но отсутствуютъ другія (свойства), сильнѣе отличающія матерію; такъ что смыслъ всѣхъ словъ будетъ такой: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, т. е. матерію, которая могла бы получить форму неба и земли; эта матерія—*земля бы невидима и неустроена*, т. е. была безформенною и лишеною свѣта бездною, которая, въ виду того, что должна была подлежать дѣйствию Творца, за эту свою послушность творческому дѣйствию названа также водою.

И такъ, въ такомъ значеніи матеріи указаны, прежде всего, ея назначеніе, т. е. для чего она создана, во-вторыхъ, ея безформенность, въ третьихъ, ея служебность и подчиненность Творцу. Поэтому на первомъ мѣстѣ [поставляются] небо и земля, ибо ради нихъ и создана матерія; на второмъ невидимая и неустроенная земля и тьма вверху бездны, т. е. лишленная свѣта безформенность, почему земля и названа невидимою; на третьемъ вода, покорная духу въ воспринятіи извѣстнаго вида и формъ, почему надъ водою и носился Духъ Божій, чтобы подъ духомъ мы разумѣли творящаго, а подъ водою—то, изъ чего надлежало творить, т. е. способную къ образованію матерію. Ибо когда мы называемъ эти три имени одного предмета, міровую матерію, безформенную матерію и матерію, способную къ образованію, то къ первому совершенно приложимы небо и земля, ко второму—смѣшеніе, бездна, тьма, къ третьему—удобопокорность (*cedendi facilitas*), надъ которою уже носится духъ Творца, чтобы начать дѣло творенія.

И Духъ Божій носашеся верху воды.—Носился не такъ, какъ масло по водѣ или вода по землѣ, т. е. какъ бы содержался (въ водѣ), но, —если ужъ надобно брать для этого примѣры изъ видимой природы,—такъ, какъ носится свѣтъ солнца или луны надъ тѣми предметами, которые онъ освѣщаетъ на землѣ: онъ не содержится въ этихъ предме-

тахъ, а носится надъ ними, самъ заключающъ въ небѣ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ думать, что Духъ Божій носился надъ матеріей какъ бы въ предѣлахъ пространства; но [носился Онъ] вѣскою дѣйствующею и образующею силою, чтобы то, надъ чѣмъ Онъ носился, получало жизнь и образованіе, подобно тому, какъ носится воля художника надъ деревомъ, или надъ всякимъ другимъ предметомъ, подлежащимъ обработкѣ, или даже надъ тѣлесными его органами, которые онъ направляетъ къ работѣ. И это подобіе, хотя оно возвышеннѣе всякаго тѣла, однако недостаточно и почти ничтожено для пониманія ношенія Духа Божія надъ подлежащею Его дѣйствию міровою матеріею; но въ ряду предметовъ, которые доступны пониманію людей, мы не находимъ болѣе яснаго и близкаго подобія тому, о чемъ говоримъ. Поэтому въ разсужденіяхъ подобнаго рода всего лучше держаться заповѣди Писанія: *Славяще Господа, возносите Его, елико аще можете, превзыдетъ бо и еще* (Сирах. XLIII, 33). Такъ слѣдуетъ и намъ сказать, если въ этомъ мѣстѣ разумѣется Духъ Божій, Духъ Святой, Котораго мы чтимъ въ неизреченной и непреложной Троицѣ.

Но [слова: *И Духъ Божій носашеся верху воды*] можно понимать и иначе, разумѣя подъ Духомъ Божиимъ тварное жизненное начало (*vitalem creaturam*), которымъ держится и движется весь настоящій видимый міръ и все тѣлесное, — начало, которому всемогущій Богъ сообщилъ вѣкую силу — быть Ему орудіемъ въ произведеніи всего, что рождается. Такъ какъ этотъ духъ лучше всякаго эфирнаго тѣла, потому что всякая невидимая тварь превосходитъ тварь видимую: то не будетъ несообразности, если мы назовемъ его духомъ Божиимъ. Ибо что не Божье въ ряду созданнаго Богомъ, когда даже о самой землѣ сказано: *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1), и обо всемъ вообще написано: *Яко*

твоя суть вся, Владыко душелюбче (Прем. XI, 27)? Но такъ Духъ Божій можетъ быть понимаемъ въ такомъ только случаѣ, если слова: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* будемъ разумѣть, какъ слова, сказанныя только о видимой твари, именно такъ, что надъ матерією видимыхъ предметовъ въ началѣ ихъ образованія носился невидимый духъ, который однако самъ былъ тварью, т. е. не Богомъ, а созданною и поставленною отъ Бога природою. Но если всѣ твари, т. е. и разумную, и душевную, и тѣлесную считать матерією, обозначаемую словомъ вода, то въ данномъ мѣстѣ подъ Духомъ Божиимъ никоимъ образомъ нельзя понимать чего-либо другаго, кромѣ того непреложнаго и Святаго Духа, который носился надъ матерією всѣхъ, созданныхъ Богомъ, вещей.

Можетъ объ этомъ духѣ возникнуть еще и третье мнѣніе, именно, что подъ именемъ духа сдѣлано указаніе на элементъ воздуха, и что, такимъ образомъ, обозначены четыре элемента, изъ которыхъ возникъ настоящій видимый міръ, т. е. небо, земля, вода и воздухъ, — обозначены, впрочемъ, не потому, что они уже были разграничены и опредѣлены, а потому, что въ безформенномъ смѣшеніи матеріи предъуказывалось только ихъ возникновеніе, а само это безформенное смѣшеніе матеріи обозначено именемъ тьмы и бездны. — Но какое бы изъ этихъ мнѣній ни было вѣрнымъ, должно вѣрить, что Богъ есть создатель и Творецъ всего, что произошло, что видимо или невидимо, поскольку это касается самой природы, а не пороковъ, которые противны природѣ, и что нѣтъ рѣшительно ни одной твари, которая бы не отъ Него получила начало и совершенствовалось въ своемъ родѣ и своей сущности.

ГЛАВА V.

О стихахъ 3 и 4 Бытія. Тройкій свѣтъ—эѳирный, чувственный и разумный. Что такое свѣтъ.

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.

Не слѣдуетъ думать, что Богъ сказалъ: *Да будетъ свѣтъ* голосомъ, выпущеннымъ изъ легкихъ, языкомъ или зубами. Такия представленія свойственны плотскимъ людямъ, а мудрствовать по плоти смерть есть (Римл. VIII, 6). Слова сїи: *Да будетъ свѣтъ* сказаны неизреченнымъ образомъ. Но возможенъ вопросъ, сказано-ли это изреченіе едиnorodнымъ Сыномъ, или же само оно есть Сынъ едиnorodный: потому что изреченіе это называется Словомъ Божиимъ, которымъ создано все (Іоан. I, 1, 3), лишь бы только при этомъ мы далеки были отъ нечестивой мысли, что Слово Божіе—едиnorodный Сынъ есть слово, какъ бы произнесенное голосомъ, подобно тому, какъ это бываетъ у насъ. Слово Божіе, которымъ создано все, не имѣетъ ни начала, ни конца; рожденное безначально, Оно совѣчно Отцу. По этому изреченію: *Да будетъ свѣтъ*, если оно было начато и превращено, скорѣе есть слово, сказанное Сыномъ, чѣмъ само есть Сынъ. Впрочемъ, и это непостижимо, и никакой плотскій образъ пусть не проскользаетъ [при этомъ] въ душу и не возмущаетъ благочестиво - духовнаго разума; такъ какъ мнѣніе, что въ природѣ Божіей, взятой въ собственномъ смыслѣ, что-либо имѣетъ начало и конецъ, есть мнѣніе дерзкое и опасное, которое, Впрочемъ, по снисхожденію простительново плотскимъ людямъ и малымъ дѣтямъ, да и то не какъ мнѣніе, съ которымъ бы они оставались на будущее время, а какъ мнѣніе, которое со временемъ они оставляютъ. Ибо если и говорится, что Богъ что-либо начинаетъ и оканчиваетъ, это нужно понимать такъ, что все такое начинается и оканчивается не въ самой Его

природѣ, а въ Его твари, которая удивительнымъ образомъ Ему повинуется.

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ.

Тотъ-ли это свѣтъ, который видимъ мы своими тѣлесными глазами, или какой-либо сокровенный, который не дано намъ видѣть посредствомъ тѣла? И если онъ свѣтъ сокровенный, то тѣлесный-ли, который, можетъ быть, распространенъ по пространству въ высшихъ частяхъ міра, или же безтѣлесный, такой, какой существуетъ въ нашей душѣ, къ которому относится также и изслѣдованіе, чего должны мы избѣгать и желать своими тѣлесными чувствами, и котораго не лишены даже и души животныхъ, или такой, который—выше разума и отъ котораго начинается все, что сотворено? Но какой бы свѣтъ онъ ни означалъ, мы, однако, должны думать, что онъ—свѣтъ сотворенный, а не тотъ, которымъ сіяетъ Сама рожденная, но не сотворенная Премудрость Божія, чтобы не подумать, что Богъ былъ безъ Свѣта, прежде чѣмъ создалъ тотъ, о коемъ идетъ теперь рѣчь. Объ этомъ послѣднемъ, какъ достаточно показываютъ и самыя слова, замѣчается, что онъ сотворенъ: *И рече, говорить, да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.* Иное дѣло Свѣтъ, рожденный отъ Бога, и иное—свѣтъ, который Богъ сотворилъ: рожденный отъ Бога Свѣтъ есть сама Божественная Премудрость, свѣтъ же сотворенный есть свѣтъ измѣняемый, какой бы онъ ни былъ, тѣлесный или безтѣлесный.

Но недоумѣваютъ обыкновенно, какимъ образомъ тѣлесный свѣтъ могъ существовать раньше, чѣмъ созданы были небо и небесныя свѣтила, о которыхъ говорится послѣ свѣта: какъ будто легко или же совершенно возможно для чело-вѣка понять, существуетъ-ли какой-нибудь свѣтъ кромѣ неба, который однако распространенъ и разлитъ по пространству и обнимаетъ собою міръ! И хотя подъ свѣтомъ мы можемъ здѣсь разумѣть свѣтъ и безтѣлесный, если ска-

жемъ, что въ книгѣ Бытія говорится не объ одной только видимой твари, а о всей твари вообще, но какая нужда останавливаться на подобномъ спорѣ?! И можетъ быть, что разъ сотворены были Ангелы, то подь тѣмъ свѣтомъ, о которомъ люди совопросничаютъ, хотя весьма кратко, но вполне прилично и соотвѣтственно обозначены именно Ангелы.

И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро. Эти слова нужно понимать не какъ выраженіе какъ бы радости отъ необычайнаго добра, а какъ одобреніе творенія. Ибо, —насколько это можетъ быть выражено на человѣческомъ языкѣ, —что приличнѣе сказать отъ лица Бога, какъ не слова: *рече, бысть, угодно*; такъ что въ *рече* дается разумѣть Его власть, въ *бысть* —Его могущество, а въ *угодно* —Его благоволеніе: такъ эти неизреченныя [дѣйствія] должны были быть выражены людямъ человѣкомъ, чтобы послужить всѣмъ на пользу!

И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою. Отсюда можно понять, съ какою вѣрностію описываются дѣйствія Божественнаго творенія. Ибо никто конечно не станетъ думать, что свѣтъ сотворенъ для того, чтобы быть смѣшаннымъ со тьмою, а потому онъ нуждался въ отдѣленіи отъ нея; но это раздѣленіе свѣта отъ тьмы произошло именно вслѣдствіе того, что свѣтъ былъ созданъ. Ибо *кое общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Корне. VI, 14.)? Такимъ образомъ, Богъ раздѣлилъ свѣтъ отъ тьмы тѣмъ, что создалъ свѣтъ, отсутствіе котораго называется тьмою. А различіе между свѣтомъ и тьмою такое же, какъ между одеждою и наготою, или полнымъ и пустымъ, и под.

Выше сказано, въ какихъ значеніяхъ можно понимать свѣтъ: противоположныя имъ отрицанія могутъ быть названы тьмою.

Въ самомъ дѣлѣ, есть свѣтъ, который мы видимъ своими тѣлесными глазами и самъ—тѣлесный, какъ напр. свѣтъ солнца, луны, звѣздъ и другихъ подобныхъ [тѣлъ], буде есть они; этому свѣту противоположна тьма, когда какое-нибудь мѣсто лишено бываетъ видимаго свѣта. Есть, затѣмъ, другой свѣтъ: это—жизнь чувствующая и имѣющая способность различать то, что при посредствѣ тѣла переносится на обсужденіе души, т. е. бѣлое и черное, звонкое и хриплое, благовонное и зловонное, сладкое и горькое, горячее и холодное и проч. въ этомъ родѣ. Ибо иное дѣло свѣтъ, ощущаемый глазами, и иное—свѣтъ, который возбуждается при посредствѣ глазъ, чтобы быть ощущаемымъ: первый находится въ тѣлѣ, а второй хотя и при посредствѣ тѣла воспринимаетъ ощущенія, находится однако въ душѣ. Противоположная такому свѣту тьма есть, такъ сказать, нечувствительность, или лучше—безчувственность, т. е. отсутствіе способности ощущать, хотя бы и было на лицо то, что могло бы быть ощущаемо, если бы въ этой жизни былъ свѣтъ, посредствомъ котораго ощущеніе происходитъ. Это—не то, какъ когда отсутствуютъ тѣлесные органы, напр. у слѣпыхъ или глухихъ, ибо въ ихъ душѣ есть тотъ свѣтъ, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, но недостаетъ только тѣлесныхъ органовъ; и не то, какъ во время молчанія не слышно бываетъ голоса, когда есть и этотъ свѣтъ въ душѣ, и органы тѣлесные имѣются, но не получается ничего, что ощущалось бы. Отсюда, не тотъ лишенъ бываетъ этого свѣта, кто не ощущаетъ по указаннымъ причинамъ, а тотъ, кто вовсе не имѣетъ самой этой способности въ душѣ своей, которая обыкновенно не называется уже и душою, а просто жизнію, какая, какъ думаютъ, свойственна виноградной лозѣ, дереву, всякому растенію, если только, впрочемъ, можно какимъ-либо образомъ убѣдиться, что они имѣютъ жизнь, какъ думаютъ нѣкоторые,

крайне заблуждающіеся, еретики ¹⁾), допуская, что [деревья] не только ощущают тѣломъ, т. е. видятъ, слышатъ, и различаютъ жаръ и огонь, а даже понимаютъ наше размышленіе и знаютъ наши мысли; но это, впрочемъ, другой уже вопросъ. Итакъ, противоположная тому свѣту, при помощи котораго что-нибудь ощущается, тьма есть безчувственность, когда извѣстная жизнь лишена самой способности къ ощущенію. А между тѣмъ, всякій, кто согласится, что [эта способность] прилично называется свѣтомъ, согласится въ тоже время называть его такимъ свѣтомъ, посредствомъ котораго каждая вещь становится очевидною. А когда мы говоримъ: «Очевидно, что это громко», «очевидно, что это сладко», «очевидно, что это холодно», и все другое подобнаго рода, что ощущаемъ мы своими тѣлесными чувствами, то этотъ свѣтъ, при помощи котораго все это становится очевиднымъ, безъ сомнѣнія, находится внутри, въ душѣ, хотя ощущенія получаютъ посредствомъ тѣла. Наконецъ, въ тваряхъ можно усматривать и третій еще родъ свѣта, посредствомъ котораго мы мыслимъ. Противоположная ему тьма есть неразумность, каковы души животныхъ.

Итакъ, изреченіе это даетъ понять, что въ природѣ вещей Богомъ созданъ свѣтъ или эфирный, или чувственный, присущій и животнымъ, или же разумный, принадлежащій ангеламъ и людямъ; а что Онъ самымъ актомъ сотворенія свѣта отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, это даетъ видѣть, что иное дѣло—свѣтъ и иное—отсутствие свѣта, которое Богъ расположилъ (*ordinavit*) въ противоположной тьмѣ. Ибо не сказано, что Богъ сотворилъ тьму: Онъ сотворилъ только формы (*species*), а не отсутствія ихъ, которыя относятся къ тому ничто, изъ коего сотворено Имъ все; однако, когда говорится: *И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою*, мы

¹⁾ Манихеи.

должны думать, что Богомъ установлены и отсутствія [формъ], чтобы и они занимали свое мѣсто, такъ какъ Богъ господствуетъ надъ всѣмъ и всѣмъ управляетъ. Такъ, паузы въ пѣніи, чередующіяся черезъ извѣстные правильные промежутки, хотя и представляютъ собою отсутствіе звуковъ, однако искусными пѣвцами располагаются кстати и въ цѣломъ пѣсѣь придаютъ болѣе пріятности. Равнымъ образомъ и тѣни въ живописи отмѣчаютъ каждую наиболѣе выдающуюся черту на картинѣ и производятъ пріятное впечатлѣніе не видомъ своимъ, а расположеніемъ. Богъ не творецъ и пороковъ нашихъ; но Онъ, однако, управляетъ (*ordinator est*) и ими, поставляя грѣшниковъ на томъ мѣстѣ и заставляя ихъ терпѣть тѣ наказанія, какихъ они заслуживаютъ: это и означаетъ, что овцы поставляются одесную, а козлища ошуюю (Мѣ. XXV, 33). Такимъ образомъ, одно Богъ и творить и имъ управляетъ, а другимъ только управляетъ. Праведниковъ Онъ и творить, и управляетъ ими; грѣшниковъ же, поскольку они грѣшники, Онъ не творить, а только ими управляетъ. Поэтому, когда праведниковъ Онъ поставляетъ одесную, а грѣшниковъ ошуюю и повелѣваетъ послѣднимъ идти въ огнь вѣчный, это и означаетъ управление ими по заслугамъ. И такъ, самыя формы и природы Богъ и творить и распоряжается ими; отсутствій же формъ и недостатковъ природы Онъ не творить, а только распоряжается ими. Поэтому Онъ и сказалъ: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, а не сказалъ: *„да будетъ тьма, и бысть тьма“*. Слѣдовательно, одно изъ нихъ Онъ сотворилъ, а другаго не сотворилъ; однако то и другое Онъ расположилъ въ порядкѣ, когда раздѣлилъ свѣтъ отъ тьмы. Такимъ образомъ, прекрасно все въ отдѣльности, потому что оно сотворено Богомъ, но прекрасно и все въ цѣломъ, потому что оно Имъ управляется.

ГЛАВА VI.

Объясняется первая половина 5 стиха книги Бытія. Отъ чего имя называется именемъ.

И нарече Богъ свѣтъ день, а тьму нарече ночь. — Такъ какъ и свѣтъ, а въ свою очередь и день, суть имя известной вещи, съ другой стороны тьма и ночь суть также имена: то какъ относительно свѣта, такъ и относительно тьмы нужно было сказать, что этимъ предметамъ [въ настоящемъ случаѣ] даны имена; такъ что тотъ предметъ, которому дано имя, могъ быть обозначенъ всякимъ и другимъ именемъ, но не иначе. И сказано: *нарече Богъ свѣтъ день* такъ, что безразлично могло быть сказано и наоборотъ: „и назвалъ Богъ день свѣтомъ, а ночь тьмою“. Что-же отвѣтить намъ, если кто-нибудь спросить у насъ: „Свѣту-ли дано имя день, или же дню дано имя свѣтъ“, потому что оба эти [слова], конечно, суть имена, поскольку они произносятся членораздѣльнымъ голосомъ для обозначенія предметовъ? Точно также и относительно другихъ двухъ [словъ] возможенъ вопросъ: „Тьмѣ-ли дано имя ночь, или же ночи—имя тьма“? Но, судя потому, какъ представляетъ дѣло Писаніе, очевидно, что именемъ свѣта названъ день, а именемъ тьмы названа ночь, потому что, когда говорилось, что Богъ сотворилъ свѣтъ и отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, объ именахъ еще не было рѣчи; а послѣ того присоединены имена день и ночь, хотя какъ свѣтъ, такъ и тьма безъ сомнѣнія суть также имена, обозначающія собою известные предметы, какъ и день и ночь. Отсюда понимать это надобно такъ, что предметъ, получившій имя, могъ быть обозначенъ не иначе, какъ только какимъ-нибудь именемъ. Или не слѣдуетъ-ли это наименованіе признавать за разграниченіе самыхъ предметовъ? Ибо не всякій же свѣтъ есть день, и не всякая тьма есть ночь; но свѣтъ и тьма называются именами дня и ночи въ томъ

случаѣ, когда они чередуются и разграничиваются между собою извѣстными смѣнами. И дѣйствительно, всякое имя служить къ различенію [предметовъ]. Отъ того имя и называется именемъ, что оно обозначаетъ собою предметъ, служить какъ бы его значкомъ¹⁾; а обозначаетъ -- тоже, что отличаетъ, служить къ разграниченію [одного предмета отъ другаго]. Отсюда, то, что Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, означаетъ, быть можетъ, тоже, что назвалъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью, а что назвалъ ихъ, означаетъ, въ свою очередь, тоже, что установилъ ихъ. Или же, быть можетъ, эти названія даютъ намъ понять, какой свѣтъ и какую тьму назвалъ [въ этомъ случаѣ писатель], какъ бы говоря такъ: „Богъ создалъ свѣтъ и раздѣлилъ свѣтъ отъ тьмы; свѣтомъ же я называю день, а тьмою—ночь, чтобы ты не разумѣлъ другаго какого-либо свѣта, который не—день, и другой никакой либо тьмы, которая не—ночь“. Ибо если бы всякій свѣтъ можно было понимать какъ день, а всякую тьму отличать именемъ ночи, въ такомъ случаѣ, можетъ быть, не было бы нужды и говорить: *И нарече Богъ свѣтъ день, а тьму нарече ночь.*

Возможенъ еще и такой вопросъ, кабой тутъ называется день и кабая ночь? Если [писатель] даетъ намъ разумѣть тотъ день, который начинается съ восходомъ, а оканчивается съ закатомъ солнца, и ту ночь, которая продолжается отъ заката до восхода солнца: то я не понимаю, какъ было это возможно, прежде чѣмъ были созданы небесныя свѣтила. Развѣ не могла-ли быть названа такъ самая продолжительность часовъ и время, помимо различія свѣта и тьмы? Съ другой стороны, какимъ образомъ согласить ту преемственность, которая обозначается именемъ дня и ночи, съ выше-

¹⁾ Игра словъ, основанная на созвучіи латинскихъ словъ: *nomē*, имя, *noto*, обозначать, и *notamen*, значекъ, мѣтка.

упомянутымъ разумнымъ свѣтомъ, если только онъ разумѣется тутъ, или съ свѣтомъ въ смыслѣ ощущеній? Или быть можетъ въ этомъ случаѣ сдѣлано указаніе [на день и ночь] сообразно не съ тѣмъ, что бываетъ, а съ тѣмъ, что можетъ быть, потому что возможно и въ разумѣ заблужденіе, и въ чувствѣ своего рода глупость?

ГЛАВА VII.

О второй половинѣ 5 стиха Бытія.

И бысть вечеръ, и бысть утро: день единъ.—Въ настоящемъ случаѣ день называется не такъ, какъ называлъ онъ, когда говорилось: *И нарече Богъ свѣтъ день*, а такъ, какъ, напр., мы говоримъ: „30 дней составляютъ мѣсяць“; въ этомъ случаѣ въ число дней мы включаетъ и ночи, между тѣмъ выше день названъ отдѣльно отъ ночи. Итакъ, послѣ того, какъ сказано уже о произведеніи дня посредствомъ свѣта, благовременно было сказать и о томъ, что явился вечеръ и утро, т. е. одинъ день; такъ что одинъ день [считается] отъ начала дня до начала [другаго] дня, т. е. отъ утра до утра, каковыя дни, какъ я сказалъ, мы называемъ со включеніемъ ночей. Но какимъ образомъ явились вечеръ и утро? Развѣ не создалъ-ли Богъ свѣтъ и не раздѣлилъ-ли свѣтъ отъ тьмы въ такое пространство времени, какое продолжается свѣтлая часть дня, т. е. безъ включенія ночи? Съ другой стороны, какъ будетъ вѣрнымъ написанное: *Съ тобою бо есть егда хоцеши, еже мози* (Премудр. XII, 18), если Богъ нуждался въ протяженіи времени, чтобы совершить что-нибудь? Развѣ не совершенно-ли Богомъ все какъ бы въ идеѣ (in arte) и въ разумѣ, т. е. не въ протяженіи времени, а въ самой силѣ, которою Онъ разомъ (stabiliter) производитъ даже и такіе предметы, которые мы считаемъ не постоянными, а преходящими? Ибо хотя и въ нашей рѣчи одни слова уходятъ,

а на мѣсто ихъ являются другія, однако не вѣроятно, чтобы тоже самое происходило и въ теоріи (in arte), въ которой сразу же (stabilliter) является художественная рѣчь? Отсюда, хотя Богъ творить и внѣ протяженія времени, потому что съ Нимъ есть *егда хочеть еже мощи*, однако временныя природы переживаютъ свои перемѣны во времени. Поэтому: *И бысть вечеръ и бысть утро, день единокъ*, сказано, можетъ быть, какъ умосозерцаемое, т. е. такъ, какъ это должно или можетъ быть, а не какъ бываетъ въ преемственныхъ моментахъ времени. Ибо сказавшій: *Живой во епки созда вся обще* (Сирах. XVIII, 1) созерцалъ своимъ разумомъ твореніе во Святомъ Духѣ; но въ книгѣ Бытія повѣствованіе вполне прилично ведется такъ, какъ будто бы вещи сотворены были Богомъ въ преемственныхъ періодахъ времени, дабы самый порядокъ [творенія], который не могъ быть представляемъ немощными умами въ одновременномъ (stabili) созерцаніи, предносился, благодаря такому образу рѣчи, какъ бы предъ чувственными очами.

ГЛАВА VIII и IX.

Объясняется 6 стихъ Бытія. Планета Сатурнъ. Объясненіе 8 стиха Бытія.

И рече Богъ: да будетъ твердь посреда воды, и да будетъ разлучающи посреда воды и воды, и бысть тако. И сотвори Богъ твердь, и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію и между водою, яже бѣ надъ твердію.—Такия же-ли это воды надъ твердію, какъ и наши настоящія воды подъ твердію, или же, такъ какъ [писатель], повидимому, разумѣеть здѣсь ту самую воду, надъ которою носился Духъ Святой (а эту воду выше мы признали самою міровою матеріею), то не эта-ли вода разумѣется и въ настоящемъ мѣстѣ, раздѣленная сотворенною твердію такъ,

что низшая представляет собою тѣлесную матерію, а верхняя — матерію одушевленную? Въ самомъ дѣлѣ, твердію называется здѣсь то, что послѣ называется небомъ. А среди тѣлъ нѣтъ ничего лучше небеснаго тѣла. Ибо одни тѣла суть тѣла небесныя, а другія земныя, и лучшія изъ нихъ, конечно, небесныя; все, чтó ихъ природу превышаетъ, я не знаю, можно ли называть и тѣломъ: это, быть можетъ, скорѣе нѣкая сила, подлежащая уже разуму, которымъ познается Богъ и истина; эта природа, какъ доступная образованію со сто оны доб одѣтели и благоразумія, силою которыхъ сдерживаются огранич ваются ея дв женія, п чему она и является какъ бы матеріальною, правильно названа по божественному вдохновенію водою, превышающею область тѣлеснаго неба не пространственнымъ разстояніемъ, а достоинствомъ безтѣлесной природы. Именно — такъ какъ небо названо твердію, то не будетъ несообразностію думать, что все, находящееся ниже эфирнаго неба, на второмъ все остается въ спокойномъ и твердомъ видѣ, болѣе подвижно и текуче. — Что касается рода матеріи тѣлесной, образованнаго прежде полученія вида и разграниченія (отъ чего твердь и названа твердію), то нѣкоторые считали эти видимыя и холодныя воды поверхностью распростертаго надъ нами неба. Въ доказательство этого мнѣнія они ссылались на медленность одной изъ семи блуждающихъ звѣздъ, которая выше остальныхъ и у грековъ называется Φαίωον, и которая проходитъ звѣздный кругъ въ теченіе 30 лѣтъ; такъ что потому она и медленна, что ближе другихъ расположена къ холоднымъ водамъ, находящимся надъ небомъ. Не знаю, какъ это мнѣіе можетъ быть защищаемо предъ людьми, которые до тонкости изслѣдовали подобные предметы. Но ни о чемъ такомъ не слѣдуетъ утверждать безразсудно, а надобно говорить съ осторожностію и умѣренностію.

И рече Богъ: да будетъ твердь посредь воды, и да

будеть различающаи посреди воды и воды. И бысть тако.—
 После того, какъ уже сказано: *И бысть тако*, какая нужда
 была прибавлять еще: *И сотвори Богъ твердь, и различа
 Богъ между водою, яже бы подъ твердію, и между водою,
 яже бы надъ твердію?* Ибо когда [писатель] выше сказалъ:
И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ, онъ не
 прибавилъ же: „И сотвори Богъ свѣтъ“; между тѣмъ, въ
 настоящемъ случаѣ, сказавъ: *И рече Богъ: да будетъ... и
 бысть*, онъ прибавляетъ: *И сотвори Богъ...* Не явству-
 етъ-ли отсюда, что свѣтъ тотъ не слѣдуетъ понимать, какъ
 свѣтъ тѣлесный, дабы не показалось, что Богъ сотворилъ
 его чрезъ нѣкую посредствующую тварь (а Богомъ я назы-
 ваю Троицу); напротивъ, твердь небесная, какъ матеріальная,
 свой видъ и форму получила отъ безтѣлесной твари, такъ
 что сначала духовно на безтѣлесной природѣ отпечатлѣно
 Истиною то, что отпечатлѣлось потомъ тѣлесно на сотвореніи
 небесной тверди, почему и сказано: *И рече Богъ: да бу-
 детъ... и бысть тако*, т. е. въ самой разумной природѣ,
 быть можетъ, раньше создано было то, отъ чего отпечат-
 лѣлся видъ на тѣлѣ; когда же прибавлено: *И сотвори Богъ
 твердь и различа между водою, яже бы подъ твердію и
 между водою, яже бы надъ твердію*, то въ самой уже
 матеріи обозначалось этими словами содѣйствіе къ тому,
 чтобы произошло тѣло неба. Или же, быть можетъ, въ пер-
 вомъ случаѣ не прибавлено то, что прибавлено во второмъ,
 ради только разнообразія, съ цѣлю, чтобы текстъ рѣчи не
 оказался монотоннымъ, [а потому] и нѣтъ надобности под-
 вергать все пунктуальной разсмотрѣнію? Пусть каждый
 выбираетъ то объясненіе, какое можетъ; но пусть только не ут-
 верждаетъ безразсудно неизвѣстное, какъ извѣстное, и пусть
 помнить, что входить въ изслѣдованіе о дѣлахъ божествен-
 ныхъ человѣку подобаетъ настолько, насколько это позволи-
 тельно.

И нарече Богъ твердь небо.—Что выше было сказано относительно названія, то можетъ быть принято въ соображеніе и здѣсь, ибо не всякая твердь—небо. *И видѣть Богъ, яко добро.*—И относительно этого предмета надобно сказать тоже, что сказано выше, кромѣ того только, что въ настоящемъ случаѣ я усматриваю не тотъ порядокъ: выше сказано сначала: *И видѣть Богъ свѣтъ, яко добро*, а затѣмъ прибавлено: *И раздѣли Богъ между свѣтомъ и тьмою: и нарече Богъ свѣтъ день и тьму нарече ночь*; въ настоящемъ же случаѣ сначала повѣствуется о сотвореніи тверди и твердь называется небомъ, а потомъ уже говорится: *И видѣть Богъ, яко добро*. Если это разнообразіе введено не ради избѣжанія монотонности, то въ этомъ случаѣ мы безъ сомнѣнія должны имѣть въ виду сказанное: *Богъ созда вся обще*. Ибо почему Онъ въ первомъ случаѣ сначала увидѣлъ, *яко добро*, а затѣмъ нарекъ имя, въ настоящемъ же случаѣ сперва нарекъ имя, а затѣмъ увидѣлъ, *яко добро*, если не потому, что это различіе обозначаетъ собою, что въ Божественной дѣятельности нѣтъ никакихъ преемственныхъ моментовъ, хотя самыя дѣла эти открываются во временной послѣдовательности? Согласно съ этою-то послѣдовательностію одно творится прежде, а другое послѣ, безъ чего не можетъ быть и разсказа о сотворенномъ, хотя Богъ могъ произвести все это и помимо временной преемственности. *И бысть вечеръ и бысть утро, день второй*. Объ этомъ сказано уже выше; тѣже разсужденія, полагаю, имѣютъ силу и здѣсь.

ГЛАВА X.

Объясняются 9 и 10 стихи Бытія. Что значитъ получить форму.

И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ въ собраніе едино и да явится суша. И бысть тако.—

Отсюда еще съ большею вѣроятностью можно заключить, что упомянутая выше вода представляет собою, какъ мы и полагали, міровую матерію. Ибо если бы [именно] вода наполняла всю вселенную, то отсюда или куда она могла собраться? Если же именемъ воды [писатель] назвалъ раньше нѣкое матеріальное смѣшеніе, то собраніе ея должно быть принимаемо за самое образование ея; такъ что теперь является тотъ самый видъ воды, какой мы видимъ въ настоящее время. Съ другой стороны, изреченіе: *и да явится суша* можетъ быть принимаемо за образование земли, такъ что и земля получила теперь тотъ свой видъ, какой мы видимъ въ настоящее время. Ибо раньше она названа была невидимою и неустроенною, такъ какъ не имѣла еще матеріальнаго вида. Итакъ, Богъ сказалъ: *Да соберется вода, яже подѣ небесемъ*, т. е. пусть эта тѣлесная матерія получить такую форму, чтобы явилась та самая вода, какую мы видимъ теперь. *Въ собраніе едино*: именемъ этого единства указывается значеніе формы; ибо получить форму значитъ тоже, что быть приведену въ нѣчто единое, такъ какъ высшее единство—начало всякой формы. *И да явится суша*; т. е. пусть приметъ [суша] видимый и отличный отъ смѣшенія образъ. И дѣйствительно, вода собирается такъ, что является суша, т. е. то, что носилось [по пространству], какъ море, теперь сокращается и сжимается; такъ что бывшее прежде темнымъ становится свѣтлымъ. *И бысть тако*: можетъ быть, что и это совершенно было раньше въ умахъ разумной природы; такъ что сказанное затѣмъ: *И собрася вода въ собраніе едино и явися суша* не должно казаться намъ излишнею прибавкою, когда уже сказано: *И бысть тако*, а въ изреченіи этомъ мы должны видѣть указаніе на послѣдовавшее за разумнымъ и безтѣлеснымъ дѣйствіемъ дѣйствіе тѣлесное.

И нарече Богъ сушу землю, и собранія водъ нарече моря. И здѣсь мы имѣемъ дѣло опять съ названіями, ибо не всякая вода—море и не всякая суша—земля. Отсюда названія эти должны были служить обозначеніями, какая это вода и какая суша. Съ другой стороны, не будетъ несообразностію понимать это нареченіе Божіе и въ смыслъ самаго разграниченія и образованія [этихъ предметовъ]. *И видѣ Богъ, яко добро.* И въ настоящемъ случаѣ [писателемъ] удержанъ тотъ же порядокъ; поэтому что было сказано выше, должно быть примѣнено и къ данному случаю.

ГЛАВА XI.

Объясняются 11, 12 и 13 стихи Бытія.

И рече Богъ: да произраститъ земля быліе травное, снующее съмя по роду своему и по подобію, и древо плодовитое творящее плодъ, емуже съмя его въ немъ по подобію его. Послѣ того, какъ созданы, наречены и одобрены земля и море,—чего, какъ мы не разъ уже говорили, не слѣдуетъ считать [дѣйствіями, раздѣленными одно отъ другаго] промежутками времени, дабы съ неизреченною легкостью творческаго дѣйствія Божія не связывалось какой-либо медлительности,—не прибавляется сейчасъ же, какъ въ два предшествующіе дня: *И бысть вечеръ и бысть утро, день третій,* а присоединяется новое творческое дѣйствіе: *Да произраститъ земля быліе травное, снующее съмя по роду его и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже съмя его въ немъ-по подобію его.* Этого не было сказано ни о свѣтѣ, ни о тверди, ни о водахъ, ни о сушѣ; ибо свѣтъ не имѣеть отъ себя преемственнаго поколѣнія (progenies), равно и небо не рождается отъ другаго неба, а также земля или море не производять отъ себя другихъ,

слѣдующихъ за ними, морей или земель. Поэтому слова: *стѹющее стѹмя по роду его и по подобію и: емуже стѹмя его въ немъ по подобію* должны были быть сказаны о землѣ, гдѣ сходство рождающагося сохраняетъ подобіе предшествующему. А на землѣ все существуетъ такъ, что оно сначала заключено бываетъ съ корнями въ нѣдрѣ земли и содержится въ ней, а потомъ известнымъ образомъ отдѣляется изъ нея: это именно свойство его, полагаю, и обозначено въ настоящемъ повѣствованіи; потому что все это было создано въ тотъ же самый день, въ который явилась земля, и однако Богъ снова говоритъ: *Да произраститъ земля;* потомъ сказано: *И бысть тако,* а затѣмъ, согласно съ выше указаннымъ правиломъ, послѣ словъ: *И бысть тако,* слѣдуетъ самое исполненіе: *И изведе земля быліе травное, стѹющее стѹмя по роду его и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже стѹмя его въ немъ по подобію своему.* И наконецъ [писатель] говоритъ: *И видѣ Богъ, яко добро.* Такимъ образомъ, все это, съ одной стороны, объединяется подъ однимъ и тѣмъ же днемъ, но съ другой и различается повторительными словами Божиими. Полагаю, что дѣло идетъ тутъ не о землѣ и морѣ, а скорѣе о различіи именно природы предметовъ, которые, рождаясь и умирая, распространяются путемъ преемственного происхожденія изъ сѣмени. Или же, такъ какъ море и земля могли произойти за одинъ разъ не только въ умахъ духовной природы, гдѣ все сотворено разомъ, но даже и въ тѣлесномъ движеніи; между тѣмъ какъ деревья и всякія растенія могли возникнуть только тогда, когда появилась уже земля, изъ которой они вырастаютъ: то не потому-ли должно было повторяться повелѣніе Божіе, что имъ обозначались различныя, но въ одинъ и тотъ же день долженствовавшія произойти, творенія, такъ какъ своими корнями они привязаны къ землѣ и содержатся въ ней? Но тутъ возможенъ вопросъ, почему Богъ не

нарекъ имъ имена? Не опущено-ли это потому, что помѣшало ихъ множество? Впрочемъ, этотъ вопросъ мы лучше обсудимъ послѣ, когда встрѣтимъ и другіе предметы, которыхъ Богъ не назвалъ, какъ назвалъ Онъ свѣтъ, небо, землю и море. *И бысть вечеръ и бысть утро, день третій.*

ГЛАВА XII.

Объясняется первая половина 14 стиха Бытія.

И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесный, освѣщаютъ землю и разлучати между днемъ и между ночью, и да будутъ въ знаменія, во времена и во дни и въ лѣта, и да будутъ въ просвѣщеніе на тверди небесный, яко свѣтити по земли.—Свѣтила, о которыхъ говорится: *и да будутъ во дни*, сотворены въ четвертый день: что же такое три дня, протекшіе безъ свѣтилъ? или для чего нужны будутъ днямъ свѣтила, если дни могли быть и безъ нихъ? Развѣ не для того-ли, чтобы по движенію этихъ свѣтилъ люди могли съ большею очевидностію различать теченіе времени и преемственность его моментовъ? Или же это исчисленіе дней и ночей не имѣеть-ли значенія различія между природою, которая еще не была создана, и тѣми, которыя уже были созданы, такъ что утро свое имя получало ради формы тварей, а вечеръ—ради отсутствія [формы]? Ибо видъ и форму твари имѣютъ настолько, насколько дѣло касается Того, Кѣмъ онѣ созданы; сами же по себѣ онѣ не могутъ имѣть ни того, ни другаго, потому что созданы изъ ничего, и насколько ихъ имѣютъ, это зависитъ не отъ матеріи ихъ, которая создана изъ ничего, а отъ Того, Кто выше всего и отъ воли Кого онѣ существуютъ въ своемъ родѣ и порядкѣ.

И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди, освѣщаютъ... Сказано-ли это о неподвижныхъ только звѣздахъ,

или же и о блуждающихъ? Но два свѣтила, большее и меньшее, принадлежать въ числу блуждающихъ: какимъ же образомъ всѣ свѣтила созданы быть на тверди, когда каждое изъ блуждающихъ свѣтилъ имѣетъ свою собственную окружность, или круговращеніе? Развѣ, въ виду того, что въ Писаніи мы читаемъ и о многихъ небесахъ, и о небѣ, какъ напр. и въ настоящемъ мѣстѣ, когда небомъ называется твердь, не слѣдуетъ-ли [подъ небомъ] понимать всей этой ээирной машины, которая заключаетъ въ себѣ всѣ звѣзды и ниже которой расположенъ слой яснаго, чистаго и спокойнаго воздуха, а еще ниже этотъ уже мутный и бурный воздухъ? *Освѣтити землю и разлучити между днемъ и ночью.* Но развѣ Богъ уже не раздѣлилъ свѣтъ отъ тьмы и не назвалъ свѣта днемъ, а тьмы — ночью, откуда видно и то, что Онъ раздѣлилъ и день отъ ночи? Что же теперь имѣется въ виду, когда говорится: *и разлучити между днемъ и ночью?* Развѣ не устанавливается-ли теперь такое раздѣленіе дня отъ ночи при помощи свѣтилъ, чтобы оно было замѣтнымъ даже и для людей посредствомъ тѣлесныхъ глазъ, которыми они пользуются для созерцанія видимыхъ предметовъ; между тѣмъ какъ раньше свѣтилъ Богъ произвелъ это раздѣленіе такъ, что оно могло быть видимо только для немногихъ [тварей] чистымъ духомъ и яснымъ разумомъ? Или же не установилъ-ли тогда Богъ раздѣленія между днемъ и ночью другаго рода, т. е. между формою, которую Онъ напечатлѣвалъ на безформенной матеріи, и между безформенною матеріей, которая еще подлежала образованію и формѣ; между тѣмъ, иное дѣло тотъ день и та ночь, смѣна которыхъ замѣчается нами вслѣдствіе вращенія неба и не можетъ происходить иначе, какъ только съ восходомъ и закатомъ солнца?

ГЛАВА XIII.

О второй половинѣ 14 стиха и о стихахъ 15, 16, 17, 18 и 19. Великій, такъ называемый въ просторчій Платоновъ, годъ.

И да будутъ въ знаменія и во времена и во дни и во лѣта. Выраженіе *въ знаменія*, мнѣ кажется, равносильно выраженію *во времена*; такъ что подъ *знаменіями* не слѣдуетъ понимать одно, а подъ *временами* другое. Ибо въ настоящемъ мѣстѣ [писатель] говоритъ о тѣхъ временахъ, которыя различіемъ моментовъ обозначаютъ, что выше ихъ стоитъ неизмѣнная вѣчность, такъ что время является знакомъ, какъ бы слѣдомъ вѣчности. О какихъ временахъ говоритъ онъ, на это онъ указываетъ также и прибавленіемъ выраженія: *и во дни, и во лѣта*; такъ что дни происходятъ вслѣдствіе вращенія неподвижныхъ звѣздъ, а годы—извѣстные намъ тогда, когда солнце проходитъ свой звѣздный кругъ, менѣе же извѣстные—когда каждое изъ движущихся свѣтилъ проходитъ путь по своимъ окружностямъ. Онъ не говоритъ: „и въ мѣсяцы“, можетъ быть потому, что мѣсячный годъ есть годъ лунный, какъ 12 лунныхъ годовъ составляютъ годъ того свѣтила, которое греки называютъ Φαέθων, а 30 годовъ солнечныхъ составляютъ годъ того свѣтила, которое у нихъ называется Φαίνων. И можетъ быть, что когда всѣ свѣтила проходятъ свои пути, протекаетъ тотъ великій годъ, о которомъ многіе и много говорили. Или же въ словахъ: *въ знаменія* не говоритъ-ли онъ о тѣхъ знакахъ, которыми обозначается извѣстный путь мореплаванія, а въ словахъ *во времена*—о временахъ года: веснѣ, осени и зимѣ, потому что и они наступаютъ и сохраняютъ свою преемственность и порядокъ вслѣдствіе круговращенія свѣтилъ; слова же: *во дни* слѣдуетъ понимать такъ, какъ объяснено нами выше?

И да будутъ (sint) въ просвѣщеніе на тверди небесный, яко свѣтити по земли.—Выше уже сказано: *Да будутъ (fiant) свѣтила на тверди небесный освѣщати землю:* въ чему же сдѣлано это повтореніе? Развѣ въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что сказано о растеніяхъ, чтобы они производили сѣмя и чтобы въ нихъ было сѣмя по роду своему и по подобію, не сказано-ли здѣсь по противоположности и о свѣтилахъ: *да будутъ (fiant) и пусть будутъ (sint)*, т. е. пусть будутъ только сами, но не рождаютъ? *И бысть тако.* Порядокъ [изреченій] сохраняется тотъ же, что и выше.

И сотвори Богъ два свѣтила: свѣтило большее въ начало дне, и свѣтило меньшее въ начало ночи, и звезды.—Что называется онъ началомъ дня и началомъ ночи, это будетъ послѣ видно. Но относятся-ли къ началу ночи и звезды, о которыхъ прибавлено здѣсь, или же не относятся, это возбуждаетъ недоумѣніе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, здѣсь дается понять, что луна первоначально сотворена полною, потому что [только] полная луна восходитъ при началѣ ночи, т. е. непосредственно послѣ солнечнаго заката. Но нелѣпо начинать счетъ не съ перваго, а съ шестнадцатаго или съ пятнадцатаго [числа]. Къ принятію этого мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не можетъ побуждать насъ то, что это свѣтило, только-что сотворенное, должно было быть полнымъ. Полно оно каждый день, но его полнота видна бываетъ людямъ только тогда, когда оно находится противъ солнца. Ибо, когда луна находится вмѣстѣ съ солнцемъ, то, занимая положеніе подъ солнцемъ, она кажется исчезающею; но она бываетъ полною и тогда, потому что освѣщается съ другой своей половины и только лишь не можетъ быть видима тѣми, которые находятся внизу, т. е. населяютъ землю. Предметъ этотъ не можетъ быть выясненъ въ немногихъ словахъ, а требуетъ основательныхъ изслѣдованій и догазательствъ при посредствѣ нѣкоторыхъ наглядныхъ фигуръ.

И положи я Богъ на тверди небесный, яко свѣтити на землю. Какимъ образомъ, сказавши раньше: *Да будутъ на тверди*, опять теперь говорить: *Сотвори Богъ свѣтила и положи на тверди*, какъ будто они созданы были вѣкъ [тверди], а потомъ поставлены на ней, когда и раньше сказано, чтобы они были на ней? Или не дается-ли и отсюда видѣть, что Богъ произвелъ это не такъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно люди, но рассказано объ этомъ такъ, какъ оно могло быть у людей; именно: у людей одно значить *сдѣлалъ*, а другое—*положилъ*; у Бога же, который творя полагаетъ, и полагая творить, то и другое составляетъ одно и тоже дѣйствіе.

И владычи днемъ и ношю и разлучати между днемъ и ношю.—Раньше было сказано: *въ начало дне и въ начало ноши*, что здѣсь [писатель] поясняетъ, говоря: *владычи днемъ и ношю*. Отсюда начало то мы должны понимать въ смыслѣ первенства, потому что какъ днемъ изъ всего, что мы видимъ, нѣтъ ничего превосходнѣе солнца, такъ и ночью—ничего превосходнѣе луны или звѣздъ. Поэтому указанное нами выше недоумѣніе не должно больше смущать насъ, и мы должны думать, что звѣзды поставлены [на тверди] такъ, что они относятся къ началу ночи, т. е. къ первенствующему положенію въ ней. *И видѣть Богъ, яко добро.* Порядокъ тотъ же, что и выше. Припомнимъ кстати, что и этого [творенія] Богъ не назвалъ по имени, хотя и могло бы быть сказано: „И назвалъ Богъ свѣтила звѣздами“, потому что не всякое свѣтило—звѣзда.

И бысть вечеръ, и бысть утро, день четвертый.—Если при этомъ имѣть въ виду дни такіе, которые ограничиваются восходомъ и закатомъ солнца, то этотъ день будетъ не четвертый, а можетъ быть, первый; такъ что, можно думать, солнце взошло въ то время, когда оно было сотворено, и зашло, пока были созданы остальные свѣ-

тила. Но кто знаетъ, что, когда у насъ бываетъ ночь, въ другомъ мѣстѣ свѣтитъ солнце, а когда у насъ свѣтитъ солнце, въ другомъ мѣстѣ бываетъ ночь, тотъ будетъ доискиваться болѣе возвышеннаго значенія для исчисленія этихъ дней.

ГЛАВА XIV.

Объясняется 20 стихъ Бытія.

И рече Богъ: да изведуть воды гады душъ живыхъ и птицы, летающія по земли, по тверди небесній: и бысть тако.—Животныя плавающія названы пресмыкающимися потому, что они не ходятъ на ногахъ. А можетъ быть—потому, что есть еще другія, которыя пресмыкаются на землѣ подъ водою. Или же не существуютъ-ли и въ водахъ пернатыя, какъ напр. рыбы, имѣющія чешую, или же иныя, которыя чешуи не имѣютъ, а держатся при посредствѣ перьевъ? Какія животныя должны быть въ данномъ мѣстѣ отнесены къ числу летающихъ, относительно этого возможно недоумѣніе. Ибо вопросъ еще и въ томъ, почему летающихъ животныхъ [писатель] отнесъ къ водѣ, а не къ воздуху. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ въ настоящемъ мѣстѣ разумѣть только тѣхъ птицъ, которыя любятъ воды, каковы, напр., нырки, утки и другія подобнаго же рода. Ибо если бы писатель сказалъ здѣсь только о нихъ, то въ другомъ мѣстѣ онъ не преминулъ бы сказать и о другихъ птицахъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя до такой степени имѣютъ отвращеніе къ водѣ, что даже не пьютъ ея. Развѣ, можетъ быть, водою въ настоящемъ случаѣ онъ назвалъ этотъ смежный съ землею воздухъ, потому что влажность его даже въ самыя ясныя ночи доказывается росой, а также и потому, что онъ сгущается въ облако. А облако—таже вода, какъ это чувствуютъ всѣ, кому приходится ходить по го-

рамъ среди облаковъ, или даже по полямъ во время тумановъ. Въ этомъ именно воздухъ, какъ говорятъ, и летаютъ птицы. Въ томъ же болѣе высокомъ и чистомъ воздухъ, который всѣми называется настоящимъ воздухомъ, онѣ летать не могутъ, потому что вслѣдствіе своей тонкости онѣ не выдерживаетъ ихъ тяжести. Въ немъ, какъ утверждаютъ, не собирается облаковъ и не бываетъ никакихъ бурь; тамъ нѣтъ вѣтра и до такой степени тихо, что будто бы на вершинѣ горы Олимпа, которая, какъ говорятъ, поднимается за предѣлы этого влажнаго воздуха, нѣкоторыя письма, начертываемыя обыкновенно на пыли, по истеченіи года были находимы въ цѣлости и неповрежденности тѣми, кто всходилъ на эту пресловутую гору.

Поэтому не безъ основанія можно полагать, что въ Божественныхъ писаніяхъ небесною твердію называются даже и эти пространства; такъ что, можно думать, и тотъ спокойнѣйшій и чистѣйшій воздухъ относится къ тверди. Въ самомъ дѣлѣ, именемъ тверди можетъ быть обозначено даже спокойствіе и великая тишина ¹⁾ предметовъ. Отсюда, полагаю, во многихъ мѣстахъ псалмовъ и говорится: *И истина твоя до облакъ* (Пс. XXXV, 6; и LVI, 11). Ибо ничего нѣтъ тверже и чище истины. И хотя облака собираются въ пространствѣ, лежащемъ ниже области чистѣйшаго воздуха, а потому приведенныя слова [псалма] надобно понимать иносказательно, однако они взяты съ такихъ предметовъ, которые въ данномъ случаѣ служатъ нѣкоторымъ подобіемъ; такъ что болѣе устойчивая и чистая тварь, наполняющая пространство отъ высшаго неба до самыхъ облаковъ, т. е. до этого туманнаго, бурнаго и влажнаго воздуха, представляетъ собою по справедливости образъ истины. Такимъ образомъ, птицы, летающія надъ землею, подъ небесною твер-

¹⁾ *Magna pars regum*, вм., по всей вѣроятности, *pac regum*.

дію, правильно приписаны водамъ, потому что воздухъ не безъ основанія называется водою. Отсюда же дается понятъ и то, что о воздухѣ вовсе не сказано, какъ или когда онъ созданъ, потому что низшій воздухъ заключается въ имени водъ, а высшій въ имени тверди, и, такимъ образомъ, не опущенъ ни одинъ изъ [четырехъ] элементовъ.

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: „если слова: *да соберетъ вода* даютъ намъ понятъ, что вода создана изъ первоначальнаго матеріальнаго смѣшенія, а это собраніе Богъ назвалъ моремъ; то какъ можемъ мы здѣсь разумѣть сотвореніе этого воздуха, который не называется моремъ, хотя и можетъ называться водою“? Въ виду этого мнѣ кажется, что въ словахъ: *да явится суша* сдѣлано указаніе не только на видъ земли, но и на видъ этого плотнѣйшаго воздуха. Ибо при посредствѣ него освѣщается земля, такъ что становится для насъ видимою. Отсюда, въ одномъ этомъ изреченіи: *да явится* сдѣлано указаніе на все, безъ чего не могло явиться суши, т. е. и ея внѣшній видъ, и ея обнаженность отъ воды, и распространеніе по ней воздуха, при посредствѣ котораго доходитъ до нея свѣтъ изъ высшихъ міровыхъ частей. Или же скорѣе видъ этого воздуха не указывается-ли въ изреченіи: *да соберетъ вода*, потому что, когда воздухъ сгущается, то кажется, что онъ производитъ воду? Отсюда, можетъ быть, собраніемъ воды [писатель] назвалъ такое сгущеніе [воздуха], что явилось море; такъ что то, что носится не собраннымъ, т. е. не сгущеннымъ, есть та вода, которая можетъ поддерживать летающихъ птицъ и называться тѣмъ и другимъ именемъ, т. е. и болѣе тонкою водою и болѣе плотнымъ воздухомъ. Но когда спрашивается, отъ чего онъ произошелъ самъ, объ этомъ не говорится. Или [законецъ], можетъ быть, не справедливо-ли мнѣніе въ которыхъ, что слои этого воздуха образуются изъ влажныхъ испареній моря и земли,—слои воз-

духа, съ одной стороны, настолько болѣе плотнаго по сравненію съ высшимъ и яснымъ воздухомъ, что онъ является удобною средою для летанія птицъ, а съ другой настолько болѣе тонкаго по сравненію съ тою водою, которою омывается наше тѣло, что онъ въ сравненіи съ нею является нашему ощущенію сухимъ и воздушнымъ. Но такъ какъ о землѣ и морѣ сказано выше, то и не было надобности говорить объ ихъ испареніяхъ, т. е. о водахъ, какъ стихіи для птицъ, разъ ты уже знаешь, что самый чистый и спокойный воздухъ отнесенъ къ тверди.

Ибо вѣдь и объ источникахъ и рѣкахъ не сказано, какъ они явились. Но люди, которые входятъ въ подробнѣйшее изслѣдованіе и обсужденіе этого предмета, говорятъ такъ, что изъ моря незамѣтно въ видѣ эфирнаго тока, т. е. такихъ испареній, которыхъ мы не можемъ примѣчать, выдѣляются прѣсныя пары, изъ коихъ составляется облако; и отсюда, земля, смоченная дождями, напоется и пропитывается въ своихъ сокровеннѣйшихъ полостяхъ въ такой степени, что эта, скопляющаяся и разными путями стекающаяся, вода пробивается въ источники то малые, а то и достаточные для образованія рѣкъ. Доказательство этого указываютъ въ томъ, что паръ отъ вскипяченной морской воды, полученный при помощи изогнутой брышки (соорегсiо), даетъ прѣсную на вкусъ влагу. Равнымъ образомъ, для всѣхъ почти очевидно, что обмелѣвшіе источники чувствуютъ недостатокъ дождей. Свидѣтельствуетъ объ этомъ и священная исторія, когда, во время засухи, Ілія молился о дождѣ: самъ молясь, онъ приказалъ своему отроку устремить взоръ къ морю, и, когда тотъ замѣтилъ поднимающееся съ моря маленькое облачко, Ілія возвѣстивъ взволнованному царю о наступленіи дождя, которымъ царь едва не былъ измоченъ на пути домой (Ш Царств. XVIII, 43, 44). И Давидъ говоритъ: *Господи..., призывай воду морскую и проливай ю на лице*

земли ¹⁾. Поэтому, назвавъ море, о другихъ водахъ, какъ о тѣхъ росоносныхъ водахъ, которыя по своей тонкости представляютъ воздушную среду для летающихъ птицъ, такъ и о водахъ источниговъ и рѣкъ, [писатель] счелъ излишнимъ говорить, если первыя происходятъ отъ испареній, а послѣднія отъ повторяющихся дождей, которыми напояется земля.

ГЛАВА XV.

О томъ же 20 стихъ, а также и 21, 22, 23 и 24 стихахъ Бытія.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ.—Почему прибавлено: *живыхъ*? Развѣ могутъ быть души иными, а не живыми? Или не хотѣлъ-ли [писатель] указать этимъ на ту болѣе замѣтную жизнь, которая присуща животнымъ чувствующимъ, такъ какъ растенія лишены ея? *И птицы, летающія по земли, по тверди небесной.*—Если птицы не летаютъ въ томъ чистѣйшемъ воздухѣ, гдѣ не бываетъ никакихъ облаковъ, то отсюда очевидно, что этотъ воздухъ относится къ тверди, потому что, какъ сказано, птицы летаютъ по землѣ подъ твердію небесную. *И бысть тако.* Порядокъ сохраняется тотъ же: слова эти присоединяются и здѣсь, какъ и въ прочихъ случаяхъ, за исключеніемъ свѣта, сотвореннаго первымъ.

И сотвори Богъ киты великія и всяку душу животныхыхъ гадовъ, яже изведоша воды по родомъ ихъ, и всякое летающее пернато по роду.—Припомнимъ здѣсь встать, что слова: *по роду своему* говорятъ о тѣхъ тваряхъ, которыя размножаются чрезъ сѣмя: такъ уже сказано было о травахъ и о деревьяхъ. „И всякое летающее пер-

¹⁾ Слова Амоса, V, 8; IX, 6.

натое“. Почему прибавлено: „пернатое“? Развѣ можетъ быть летающее, которое бы не имѣло перьевъ? А если можетъ, то создалъ-ли Богъ подобное летающее, потому что мы его нигдѣ не находимъ? Во всякомъ случаѣ, можетъ-ли что-видуть летать безъ перьевъ? Ибо и летучія мыши, и саранча, и мухи, и другія подобнаго рода существа, не имѣющія пуха, перья однакоже имѣютъ. Но слово „пернатое“ прибавленно для того, чтобы мы разумѣли не однѣхъ только птицъ, потому что и рыбы пернаты и летаютъ подъ водою надъ землею же. Поэтому и не сказано: „птицъ“, а вообще летающихъ: „И летающее пернатое“. *И видѣ Богъ, яко добро.* И здѣсь это слѣдуетъ понимать такъ, какъ и въ предыдущихъ мѣстахъ.

И благослови я, глаголя: раститесь и множитесь и наполните воды, яже въ моряхъ и птицы да умножатся на земли. Богу угодно было отнести это благословеніе къ производительности, которая обнаруживается въ преемствѣ потомства, такъ что, будучи сотворены слабыми и смертными, [животныя] сохраняютъ свой родъ путемъ рожденія въ силу именно этого благословенія. Но такъ какъ и растенія удерживаютъ сходство съ предшествующимъ чрезъ рожденіе, то почему же Онъ не благословилъ и ихъ? Развѣ не потому-ли, что они лишены чувства, которое близко къ разуму? Ибо не напрасно, можетъ быть, Богъ пользуется въ благословеніи вторымъ лицомъ, обращаясь къ одушевленнымъ тварямъ, какъ бы въ извѣстной мѣрѣ слышащимъ, съ словами: *Раститесь и множитесь и наполните воды морскія*; впрочемъ, благословеніе это не доводится до конца въ томъ же (второмъ) лицѣ, потому что далѣе слѣдуютъ слова: *И птицы да умножатся на земли*, а не сказано: „множитесь на земли“. Можетъ быть, этимъ дается понять, что чувство не настолько близко къ разуму, чтобы могло понимать обращенныя къ нему слова настолько совершенно,

какъ [твари], которыя мыслятъ и могутъ пользоваться разумомъ.

И бысть тако. Здѣсь всякій даже непонятливый [человѣкъ] долженъ догадаться, какъ исчисляются тѣ дни. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ даровалъ животнымъ извѣстныя числа сѣмянъ, сохраняющія въ своемъ родѣ такое удивительное постоянство, что [животныя], въ опредѣленное число дней, каждое по роду своему, зачавши во чревѣ, рождаютъ, а снесши яйца, согрѣваютъ ихъ (каковой порядокъ природы сохраняется Божественною Премудростію, которая *досягаетъ отъ конца даже до конца крѣпко и управляетъ вся благо*, Прем. Сол., VIII, 1): то какимъ же образомъ могли они въ одинъ день и зачать во чревѣ, и пройти періодъ чревоношенія, и родить, и вскормить рожденное, и наполнить воды морскія, и умножиться на землѣ? Ибо еще до наступленія вечера уже говорится: *И бысть тако.* А между тѣмъ, когда [писатель] говоритъ: *И бысть вечеръ*, то безъ сомнѣнія напоминаетъ о безформенной матеріи; когда же говоритъ: *И бысть утро*, имѣетъ въ виду внѣшнюю форму, которая отпечатлѣвалась [творческимъ] дѣйствіемъ на матеріи, потому что утро заканчиваетъ собою прошедшій послѣ дѣйствія день. Однако, Богъ не говоритъ: „Да будетъ вечеръ“, или: „Да будетъ утро“; ибо, какъ скоро подъ названіями вечера и утра [писателемъ] обозначаются матерія и форма, которыя, какъ уже сказано, и сотворилъ только Богъ, въ такомъ случаѣ получается очень краткое указаніе на предметы сотворенные, такъ какъ отсутствія ихъ, т. е. промежуточнаго состоянія отъ формы до матеріи или *ничто*,—если только на это именно, какъ мы думаемъ, намекается названіемъ ночи,—[писатель] не назвалъ бы сотвореннымъ, а только установленнымъ отъ Бога, подобно тому, какъ говоритъ онъ выше: *И разлучи Богъ между свѣтомъ и тьмою*; такъ что именемъ вечера обозначается безформенная матерія, во-

торая хотя и сотворена изъ ничего, однако существуетъ и имѣеть способность къ воспринятію формъ и внѣшняго вида. Да и подъ именемъ тьмы можно во всякомъ случаѣ разумѣть то *ничто*, котораго Богъ не сотворилъ, но изъ котораго Онъ сотворилъ все, что только по своей неизреченной благодати благоволилъ сотворить, ибо тотъ всемогущъ, кто и изъ ничего сотворилъ столь многое.

И бысть вечеръ, и бысть утро, день пятый. Здѣсь послѣ того, какъ сказано: *И бысть тако*, [писатель] не прибавилъ, по обыкновенію, самаго исполненія [повелѣннаго], какъ будто бы оно вновь было создано; ибо объ этомъ уже сказано выше. Да и благословеніемъ, которое имѣеть отношеніе къ произведенію потомства, не новое какое-нибудь твореніе образовывалось, а только сохранялось путемъ преемственнаго воспроизведенія уже сотворенное. А потому и не сказано: *И видѣ Богъ, яко добро*; ибо самая вещь была уже Ему угодна, и только должна была сохраняться въ своемъ потомствѣ. Итакъ, ничего здѣсь не повторено, кромѣ развѣ словъ: *И бысть тако*; и тотъчасъ же сдѣлано прибавленіе о вечерѣ и утрѣ, названіями которыхъ, какъ уже сказано, обозначается происхожденіе [тварей] изъ безформенной матеріи и внѣшней формы, которую онѣ получали, если только, впрочемъ, при изслѣдованіи не откроется что-нибудь лучшее и возвышеннѣйшее.

И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду своему, четвероногая и гады, и зѣври земли по роду, и скоты по роду. И бысть тако.—Такъ какъ нами уже сказано, почему къ слову *душу* прибавлено *живу*, а такъ же—что значить *по роду*, и наконецъ—объ обычномъ заключеніи: *И бысть тако*: то все это надобно понимать такъ, какъ сказано о томъ выше. Но такъ какъ на латинскомъ языкѣ именемъ зѣрей обозначается всякое вообще неразумное животное, то въ настоящемъ мѣстѣ должно различать ихъ

виды, разумѣя подѣ именемъ четвероногихъ всякій рабочій скотъ, подѣ гадами—всѣхъ пресмыкающихся, подѣ звѣрями или дикими животными—всѣхъ не прирученныхъ животныхъ; а подѣ скотами—четвероногихъ, которыя не помогаютъ работою, а доставляютъ такую или иную выгоду для тѣхъ, которыя ихъ держатъ и кормятъ.

ГЛАВА XVI.

Объясняются 25 и 26 стихи Бытія.—Что такое образъ.—Подобіе въ собственномъ смыслѣ слова.—Откуда красота?—Вселенная.—Умъ.

И созда Богъ звѣри земли по роду, и скоты по роду и вся гады земли по роду.—Это повтореніе въ словахъ: *И созда Богъ*, послѣ того, какъ уже сказано: *И бысть тако*, должно быть разсматриваемо по выше указанному правилу. Именемъ скотовъ обозначены здѣсь, какъ думаю, всѣ четвероногія, которыя живутъ подѣ присмотромъ человѣка. *И видѣ Богъ, яко добро*: слова эти надобно понимать въ обычномъ смыслѣ.

И рече Богъ: сотворимъ человека по образу нашему и по подобію.—Здѣсь достойны замѣчанія, съ одной стороны, нѣкоторая связь, а съ другой и нѣкоторое различіе между одушевленными существами. Въ самомъ дѣлѣ, [писатель] говоритъ, что человѣкъ созданъ въ тотъ же день, въ который и животныя. Земныя одушевленные существа являются всѣ вмѣстѣ, но о человѣкѣ, по причинѣ превосходства разума, со стороны котораго онъ творится по образу и подобію Божию, говорится, однакоже, отдѣльно, послѣ того уже, какъ объ остальныхъ земныхъ одушевленныхъ существахъ сдѣлано обычное заключеніе въ словахъ: *И видѣ Богъ, яко добро*.

Достойно замѣчанія и то, что о прочихъ тваряхъ Богъ не говоритъ: *сотворимъ*. Этимъ Духъ Святый во всякомъ случаѣ хотѣлъ внушить намъ мысль о превосходствѣ человеческой природы. Между тѣмъ, кому говорится теперь: *сотворимъ*, какъ не тому, кому и относительно прочихъ тварей говорилось: *да будетъ*? Ибо *вся Тьма быша и безъ Него ничто же бысть* (Иоан. 1, 3). Но, думается намъ, почему иному было сказано: *да будетъ*, какъ не потому, что Онъ творилъ по повелѣнiю Отца, и почему сказано теперь: *сотворимъ*, какъ не потому, что Они творили оба вмѣстѣ? Въ самомъ дѣлѣ, все, что творить Отецъ, не творить-ли Онъ чрезъ Сына, а потому и сказано теперь: *сотворимъ*, чтобы показать человѣку, для котораго явилось и самое Писанiе, что тѣ, что творить Сынъ по слову Отца, творить и Самъ Отецъ; такъ что сказанное о прочихъ тваряхъ: *да будетъ, и бысть*, въ настоящемъ случаѣ выражается однимъ словомъ: *сотворимъ*, т. е. не отдѣльно реченiе, и отдѣльно дѣйствiе, а то и другое вмѣстѣ.

И рече Богъ: сотворимъ чловѣка по образу нашему и по подобiю. Всякій образъ подобенъ тому, образомъ чего онъ служить (хотя не все, подобное чему-нибудь, есть и его образъ), какъ напр. [образы] въ зервалѣ и живописи суть образы подобные; однако, если одинъ не рожденъ отъ другаго, то никто изъ нихъ не можетъ быть названъ образомъ одинъ другаго. Ибо образъ получается тогда, когда онъ бываетъ точнымъ выраженiемъ чего-нибудь (*exprimitur*). Почему же, когда сказано уже: *по образу*, прибавлено еще: *и по подобiю*, какъ будто можетъ быть образъ и не подобный? Отсюда, достаточно бы только сказать: *по образу*. Развѣ, можетъ быть, иное дѣло—подобное и иное—подобiе, какъ иное—чистый и иное—чистота, иное—брънней и иное—брънность; такъ что какъ все брънное—брънно вслѣдствiе бръности, а все чистое—чисто вслѣдствiе чистоты, такъ и

все подобное—подобно вслѣдствіе подобія? Но нашъ образъ не вполне точно называется нашимъ подобіемъ, хотя онъ и точно называется подобнымъ намъ; такъ что то подобіе, вслѣдствіе котораго подобно все, что только есть надобнаго, заключается тамъ же, гдѣ находится и чистота, вслѣдствіе которой чисто все, что только есть чистаго. Чистота же бываетъ чистою не отъ соединенія съ чѣмъ-нибудь; напротивъ, отъ общенія съ нею дѣлается чистымъ все, что только есть чистаго. Такая чистота заключается, конечно, только въ Богѣ, въ которомъ находится и та Премудрость, которая премудра не вслѣдствіе соединенія съ чѣмъ-нибудь, но отъ общенія съ которою становится премудрою всякая душа, какая только бываетъ премудра. Поэтому и подобіемъ въ собственномъ смыслѣ называется только Подобіе Божіе, по которому все сотворено: потому что Оно подобно не отъ общенія съ какимъ-нибудь подобіемъ, а само есть первоначальное Подобіе, отъ общенія съ которымъ становится подобнымъ все, что чрезъ Него создалъ Богъ.

Такимъ образомъ, въ прибавленіи: *по подобію*, послѣ того какъ уже сказано: *по образу*, заключается, быть можетъ, поясненіе, показывающее, что образъ, о которомъ здѣсь говорится, подобенъ Богу не такъ, чтобы раздѣлялъ участіе въ какомъ-нибудь подобіи, а такъ, что представляетъ собою само подобіе, въ которомъ участвуетъ все, что только называется подобнымъ. Равнымъ образомъ, онъ представляетъ собою саму чистоту, отъ общенія съ которою души чисты, саму мудрость, отъ общенія съ которою онѣ мудры, и, наконецъ, саму красоту, отъ общенія съ которою прекрасно все, что только есть прекраснаго. Ибо если бы [Богъ] сказалъ только о подобіи, то не далъ бы тѣмъ понять, что это подобіе отъ Него рождено, а если бы сказалъ только объ образѣ, то хотя и далъ бы понять, что этотъ образъ рожденъ отъ Него, но не показалъ бы, что онъ -- образъ подобный,

и не только подобный, а и само подобіе. Между тѣмъ, какъ нѣтъ ничего чище самой чистоты, премудрѣ самой премудрости и прекраснѣе самой красоты, такъ точно не можетъ быть ни названо, ни мыслимо, да и нѣтъ ничего подобнѣе самого подобія. Отсюда понятно, что Отцу Подобіе Его настолько подобно, что полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ выражаетъ (impleat) Его природу.

А насколько Подобіе Божіе, чрезъ которое создано все, имѣетъ значеніе въ впечатлѣніи внѣшней формы на предметахъ,—это хотя и чрезвычайно превышаетъ человѣческія понятія, однако можетъ быть до нѣкоторой степени определено нами, если мы обратимъ вниманіе на то, что вся природа какъ чувствующихъ, такъ и разумныхъ тварей, сохраняетъ слѣды единства въ сходныхъ между собою частяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ премудрости Божіей разумныя души называются премудрыми, но дальше это имя уже не прилагается; ибо ни скоты, ни тѣмъ болѣе деревья, огонь, воду, воздухъ или землю мы не можемъ назвать мудрыми, хотя все это, посколькѣ оно существуетъ, существуетъ чрезъ Божественную премудрость. Между тѣмъ, подобными между собою мы называемъ и камни, и животныхъ, и людей и Ангеловъ. Даже и относительно отдѣльныхъ предметовъ мы говоримъ такъ, что [напр.] земля потому и можетъ быть землей, что она имѣетъ сходныя между собою части,—что точно такъ же и вода въ каждой своей части подобна остальнымъ, безъ чего она не могла бы быть и водою,—что, въ свою очередь, какая бы то ни была часть воздуха ни въ какомъ случаѣ не могла бы быть воздухомъ, если бы не была подобна остальнымъ, каждая частичка огня или свѣта является тѣмъ, что есть, потому, что она подобна остальнымъ частямъ. Такимъ же образомъ мы можемъ смотрѣть и на каждый изъ камней, на каждое дерево и на каждое тѣло всякаго одушевленнаго существа, т. е.

что они могутъ существовать не только вмѣстѣ съ другими предметами своего рода, но и въ своей отдѣльности отъ нихъ подѣ тѣмъ только условіемъ, если имѣютъ сходныя между собою части. И тѣмъ тѣло красивѣе, чѣмъ болѣе сходныя между собою части входятъ въ составъ его. Наконецъ, даже и въ области душевной не только дружба однѣхъ душъ съ другими закрѣпляется въ силу сходныхъ нравовъ, но въ каждой душѣ отдѣльно побазателями блаженной жизни служатъ сходныя дѣйствія и силы, безъ которыхъ не можетъ быть постоянства. Но все это подобное мы не можемъ назвать самимъ подобіемъ. Отсюда, если вселенная состоитъ изъ подобныхъ между собою вещей, такъ что каждая отдѣльная вещь является тѣмъ, что она есть, а всѣ онѣ наполняютъ вселенную, созданную и управляемую Богомъ: то все это создано, конечно, чрезъ высшее неизмѣнное и негнѣнное Подобіе Творца всяческихъ такъ, чтобы было прекраснымъ вслѣдствіе сходныхъ между собою частей, но по самому Подобію создано не все, а одна только разумная сущность; почему все—чрезъ подобіе, а по подобію одна только душа.

И такъ, разумная сущность создана и чрезъ подобіе и по подобію, ибо между Имъ и ею нѣтъ никакой посредствующей природы,—нѣтъ потому, что человѣческій умъ (какъ, впрочемъ, чувствуетъ онъ это, когда бываетъ только чистѣйшимъ и блаженнѣйшимъ) ни къ кому не стремится, какъ къ с м и Истинѣ, которая называется П д біе —, Образомъ и Премудростію Отца. Отсюда слова: *Сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію* правильно понимаются по отношенію къ ому, ч с ставляетъ внутреннѣйшую и главную часть человѣка, т. е. по отношенію къ уму. Ибо человѣкъ долженъ быть цѣнимъ съ той стороны, которая занимаетъ въ немъ первое мѣсто и которая отличаетъ его отъ дикихъ животныхъ. Остальное же въ немъ

все, хотя въ своемъ родѣ и прекрасно, однако представляеть собою черты общія съ животными и потому не должно быть цѣнно высоко; если только, впрочемъ, то обстоятельство, что фигура человѣческаго тѣла имѣеть вертикальное положеніе для созерцанія неба не указываетъ на то, быть можетъ, что даже и тѣло человѣческое, какъ думаютъ, создано по Подобию Божію; такъ что какъ Подобіе то не отвращается отъ Отца, такъ и тѣло человѣка не отвращено [лицемъ] отъ неба, подобно тѣламъ другихъ животныхъ, которыя имѣють наклонное, брюхомъ внизъ, положеніе. Но, впрочемъ, не слѣдуетъ принимать это въ безусловномъ смыслѣ, ибо тѣло наше весьма во многомъ отличается отъ неба; напротивъ, въ томъ Подобиі, которое есть Сынъ, не можетъ быть ничего несходнаго съ Тѣмъ, Кому Оно подобно: все другое подобное отчасти и не сходно между собою; само же Подобіе не заключаетъ въ себѣ ничего неподобнаго. И однако Отецъ есть Отецъ, а Сынъ не иное что, какъ—Сынъ: потому что какъ скоро говорится о Подобиі Отца, хотя бы Подобіе это и не имѣло ничего неподобнаго съ Отцемъ, Отецъ уже не одинъ, если имѣеть Подобіе.

И ¹⁾ рече Богъ: сотворимъ челоуька по образу нашему и по подобію. Того, что сказано доселѣ, было бы и достаточно. Сообразно съ нимъ слова Пасанія, въ которыхъ, какъ читаемъ, Богъ сказалъ: *Сотворимъ челоуька по образу нашему и по подобію* выражаютъ ту мысль, что подобіе Божіе, по которому сотворенъ челоуькъ, можетъ быть принимаемо за само Слово Божіе, т. е. единороднаго Сына Божія, хотя, съ другой стороны, челоуькъ, конечно, не представляеть собою самаго этого образа и подобія равнаго Отцу: правда, и челоуькъ есть образъ Божій, какъ это весьма ясно показываетъ Апостовъ, говоря: *мужъ убо не долженъ естъ покривати главу, образъ и слава Божія сый* (1 Корне. XI, 7);

¹⁾ Этотъ конецъ прибавленъ Августиномъ спустя много лѣтъ послѣ того, какъ написана была имъ эта книга.

только этотъ, сотворенный по образу Божию, образъ не равенъ и не совѣченъ Тому, образомъ Кого онъ служитъ, да и не былъ равенъ, если бы даже и не согрѣшилъ никогда.—Но Божественныя слова: *сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію* скорѣе должны быть принимаемы въ томъ смыслѣ, въ которомъ бы изреченіе это понималось не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ,—именно такъ, что челоуѣкъ сотворенъ по образу не одного Отца, или одного Сына, или одного Святаго Духа, а всей Троицы. А Троица такова, что Она есть единъ Богъ; съ другой стороны, и Богъ единъ такъ, что Онъ есть Троица. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не говоритъ Сыну: „Сотворимъ челоуѣка по образу Твоему“, или: „по образу Моему“, но говоритъ во множественномъ числѣ: *по образу нашему и по подобію*; а кто же осмѣлится отъ этой множественности отдѣлять и Святаго Духа? Но такъ какъ эта множественность—не три Бога, а единъ Богъ, то поэтому именно, надобно думать, Писаніе выражается дальше въ единственномъ числѣ и говоритъ: *И сотвори Богъ челоуѣка, по образу Божию*; такъ что [слова эти] не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто бы Богъ Отецъ [сотворилъ челоуѣка] по образу Бога, т. е. Сына Своего: въ противномъ случаѣ какъ будетъ вѣрнымъ сказанное: *по образу нашему*, если челоуѣкъ созданъ по образу одного Сына? А такъ какъ сказанное Богомъ: *по образу нашему* вѣрно, то слова: *сотвори Богъ челоуѣка по образу Божию* значатъ тоже, какъ если бы было сказано: „по образу Своему“; что и есть Сама Троица.

Между тѣмъ, нѣкоторые полагаютъ, что о подобіи [въ послѣднихъ словахъ] не упомянуто и не сказано: *и сотвори Богъ челоуѣка по образу своему и по подобію* потому, что челоуѣкъ сотворенъ былъ только по образу; а подобіе получить онъ потомъ въ воскресеніи мертвыхъ: какъ будто можетъ быть какой-нибудь образъ, въ которомъ

нѣтъ подобія?! Ибо если образъ не совершенно подобенъ, то безъ сомнѣнія онъ не есть и образъ. Впрочемъ, чтобы не показалось, будто въ этомъ случаѣ мы руководимся только разумомъ, считаемъ необходимымъ привести авторитетъ Апостола Павла, который, говоря о языкѣ чловѣка, замѣчаетъ: *Тѣмъ [т. е. языкомъ] благословляемъ Бога и тѣмъ кленемъ чловѣки бывшія по подобію Божію.* (Іак. III, 9).

О КНИГѢ БЫТІЯ, БУКВАЛЬНО,

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Объясняется начало книги Бытія [съ 1 стиха]: *Во началѣ сотвори Богъ небо и землю* до стиха 5: *И нарече Богъ свѣтъ день*, и проч.

ГЛАВА I.

На что въ св. писаніи надобно обращать вниманіе и что собственно означаютъ 1 и 2 ст. Бытія.

Все Божественное писаніе дѣлится на двѣ части сообразно съ тѣмъ, какъ это обозначилъ Господь, говоря, что книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое; части эти называются двумя завѣтами. Но во всѣхъ свящ. книгахъ нужно обращать вниманіе на то, что открывается въ нихъ, какъ [нѣчто] вѣчное, о чемъ повѣствуется, какъ о прошедшемъ, что предвѣщается, какъ будущее, и что заповѣдуется или внушается, какъ такое, что мы должны дѣлать. Спрашивается теперь, принимать ли въ повѣствованіи о прошедшемъ все въ смыслѣ только иносказательномъ, или же оно должно быть утверждаемо и защищаемо въ тоже

время и какъ дѣйствительно совершившееся. Ибо ни одинъ христіанинъ не скажетъ, что не слѣдуетъ понимать въ иносказательномъ смыслѣ слова Апостола, когда онъ говоритъ: *Сія же вся образи прилучахуся онѣмъ* (1 Корнѣ. X, 11), а также когда изреченіе книги Бытія: *И будета два въ плоть едину* (II, 24) онъ изъясняетъ какъ тайну великую во Христа и во церковь (Ефес. V, 32).

Итакъ, если Писаніе должно быть изслѣдуемо двоякимъ образомъ, спросимъ, въ какомъ значеніи, помимо аллегорическаго, сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*—въ началѣ-ли времени, или въ томъ смыслѣ, что они созданы прежде всего, или же въ томъ Началѣ, которое есть Слово, единородный Сынъ Божій? И какъ можно представить себѣ, что Богъ безъ всякой перемѣны въ Себѣ творитъ измѣняемое и временное? Что обозначается именемъ неба и земли—разумѣется-ли подъ словомъ небо и земля духовная и тѣлесная тварь, или же только тѣлесная, такъ что, надобно думать, писатель въ книгѣ [Бытія] совсѣмъ умолчалъ о духовной твари, и слова небо и земля употребилъ съ тою цѣлю, что хотѣлъ обозначить ими всю высшую и низшую тѣлесную тварь? Или же небомъ и землею названа безформенная матерія той и другой [твари], именно, съ одной стороны, духовная жизнь, насколько она можетъ быть сама въ себѣ, не будучи обращена къ Творцу, потому что обращеніе къ Творцу сообщаетъ ей форму и совершенство, а если не бываетъ она обращена въ Нему, остается безформенною; съ другой—жизнь тѣлесная, если только можно представлять ее въ отвлеченіи отъ всякаго тѣлеснаго качества, которое является во всякой, получившей форму, матеріи, т. е. когда существуютъ уже формы тѣлъ, удобовосприимлемыя для зрѣнія, или другаго какого либо тѣлеснаго чувства?

Или, быть можетъ, подъ небомъ надобно разумѣть духовную тварь, совершенную съ самаго начала, какъ сотворена она, и всегда блаженную, а подъ землею—тѣлесную матерію пока еще несовершенную; потому что земля, говорить, *была невидима и неустроена, и тьма верху бездны*, каковыми словами, по видимому, обозначается безформенность тѣлесной субстанции. Или же и этими послѣдними словами обозначается безформенность той и другой [твари] — тѣлесной словами: *земля бы невидима и неустроена*, а духовной—словами: *тьма верху бездны*; такъ что, переставивъ слово, мы подъ темною бездною будемъ разумѣть безформенную природу жизни, если она не обращается къ Творцу, отъ котораго только одного она можетъ получить форму, чтобы не быть бездною, и просвѣщаться, чтобы не быть темною? И какимъ образомъ сказано: *тьма бысть верху бездны*, развѣ что не было тогда свѣта, который, если бы былъ, безъ сомнѣнія былъ бы вверху и какъ бы разливался по поверхности, чтó и бываетъ въ духовной твари, когда она обращена бываетъ къ неизмѣнному и безтѣлесному свѣту, Богу?

ГЛАВА II.

О стихъ 3. Какъ сказалъ Богъ: Да будетъ свѣтъ, чрезъ тварь-ли, или чрезъ вѣчное Слово?

И какъ сказалъ Богъ: *Да будетъ свѣтъ*, во времени-ли, или въ вѣчности Слова? Если во времени, то конечно и измѣняемымъ образомъ: какъ же въ такомъ случаѣ мы можемъ представлять себѣ говорящимъ Бога, если не чрезъ тварь, потому что Самъ Онъ неизмѣняемъ? А если чрезъ тварь сказалъ Богъ: *Да будетъ свѣтъ*, то какимъ образомъ свѣтъ будетъ первымъ твореніемъ, если была уже тварь, чрезъ которую Богъ сказалъ: *Да будетъ свѣтъ*? Да и пер-

вое-ли твореніе свѣтъ, когда уже сказано было: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и при посредствѣ небесной твари могъ тѣлеснымъ и измѣняемымъ образомъ раздаться голосъ, которымъ сказано: *Да будетъ свѣтъ?* А если такъ, то созданъ былъ тѣлесный свѣтъ, который мы видимъ тѣлесными глазами, когда Богъ чрезъ духовную тварь, уже созданную Имъ въ то время, какъ Онъ въ началѣ сотворилъ небо и землю, сказалъ: *Да будетъ свѣтъ* такъ, какъ слова эти могли быть сказаны по дѣйствию свыше чрезъ внутреннее и современное движеніе духовной твари.

Или быть можетъ голосъ говорящаго Бога: *Да будетъ свѣтъ* звучалъ тѣлесно, равно какъ тѣлесно же звучалъ и голосъ Бога, говорящаго: *Ты еси Сынъ Мой возлюбленный* (Мѡ. III, 17), т. е. чрезъ тѣлесную тварь, которую Богъ сотворилъ въ то время, когда въ началѣ Онъ сотворилъ небо и землю, прежде чѣмъ явился свѣтъ, созданный звукомъ этого голоса? А если такъ, то на какомъ языкѣ звучалъ голосъ, когда Богъ говорилъ: *Да будетъ свѣтъ*, потому что тогда еще не было различія языковъ, которое явилось въ послѣдствіи при постройкѣ башни послѣ потопа (Быт. XI, 7)? Какой же это былъ единый и нераздѣльный языкъ, на которомъ Богъ сказалъ: *Да будетъ свѣтъ*, и кто былъ тотъ, кто долженъ былъ слышать и разумѣть его и для кого предназначался подобный голосъ? Не будетъ-ли такое разсужденіе и гаданіе нелѣпнымъ и плотскимъ?

Что же мы скажемъ? Развѣ не принять-ли за голосъ Божій то, что дается понять звукомъ голоса, когда говорится: *Да будетъ свѣтъ*, а не самый тѣлесный звукъ? Но примѣнимо-ли это къ природѣ того Слова, о которомъ сказано: *Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1, 3)? Ибо когда о Немъ говорится: *Вся тѣмъ быша* (Іоан. I, 1, 3), то тѣмъ достаточно указывается и на сотвореніе Имъ свѣта, когда Богъ сказалъ:

Да будетъ свѣтъ. А если такъ, то изреченіе Бога: *Да будетъ свѣтъ* вѣчно, потому что Слово Божіе—Богъ у Бога, единственный Сынъ Божій, совѣчный Отцу, хотя Богомъ, говорящимъ въ семь вѣчномъ Словѣ, и создана временная тварь. Ибо когда мы говоримъ: *когда, никогда*, хотя слова эти и служатъ терминами времени, однако разъ что нибудь должно быть, оно вѣчно въ Словѣ Божіемъ и бываетъ тогда, когда причина того, что оно должно быть, заключается въ Словѣ Божіемъ, въ которомъ нѣтъ ни *когда*, ни *никогда*, потому что все это Слово вѣчно.

ГЛАВА III.

О томъ же 3 стихѣ. Что такое свѣтъ. Почему не сказано: Да будетъ небо и т. д., подобно тому какъ сказано: Да будетъ свѣтъ. Ответъ первый.

И что такое самый этотъ свѣтъ, который былъ созданъ,—нѣчто-ли духовное, или тѣлесное? Ибо если онъ нѣчто духовное, то и самъ можетъ быть первою, въ самомъ уже этомъ изреченіи совершенною, тварію, которая первоначально названа была небомъ, когда было сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*; такъ что слова Бога: *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, надобно понимать въ смыслѣ созданнаго и просвѣщеннаго обращенія ея къ призывающему ее къ себѣ Творцу.

И почему сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, а не сказано: „Въ началѣ рече Богъ: да будутъ небо и земля, и создались небо и земля“, подобно тому какъ повѣствуется о свѣтѣ: *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*? Не было-ли надобности сначала подъ именемъ неба и земли выразить и передать вообще то, что создалъ Богъ, а потомъ уже войти въ частности, какъ именно Онъ создалъ, такъ какъ при каждомъ [твореніи] въ

отдѣльности говорится: *Рече Богъ*, т. е. все, что Онъ ни создалъ, создалъ чрезъ Свое Слово?

ГЛАВ IV.

Второй отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ.

Или быть можетъ, когда сначала создавалась безформенность какъ духовной, такъ и тѣлесной матеріи, не было надобности говорить: *Рече Богъ: да будетъ* потому, что несовершенство, какъ несходное съ тѣмъ, что выше и прежде всего, и по нѣкоторой безформенности своей граничащее съ ничтожествомъ, не согласно съ формою всегда присущаго Отцу Слова, Которымъ Богъ вѣчно все нарицаетъ и при томъ не звукомъ голоса и не мыслию, обнимающею время звуковъ, а совѣчнымъ Себѣ свѣтомъ рожденной Имъ Премудрости; согласнымъ же съ формою Слова, всегда и неизмѣнно присущаю Отцу, оно становится тогда, когда и само, по мѣрѣ своего обращенія къ тому, что истинно и всегда существуетъ, т. е. къ Творцу своей сущности, получаетъ форму и дѣлается совершеннымъ твореніемъ, такъ что въ словахъ Писанія: *Рече Богъ: да будетъ* мы должны разумѣть безтѣлесное реченіе Бога въ природѣ совѣчнаго Ему Слова, призывающаго къ Себѣ несовершенство твари, чтобы она была не безформенною, а получала форму по тѣмъ своимъ отдѣльнымъ видамъ, о которыхъ затѣмъ подробно говорится по порядку. Въ этомъ обращеніи и формированіи она, становясь согласною въ своемъ родѣ съ Богомъ Словомъ, т. е. всегда присущимъ Отцу Сыномъ Божиимъ, исполняется подобія и сущности равной той, по которой Онъ и Отецъ едино суть (Иоан. X, 30); напротивъ, бываетъ не согласною съ этой формою Слова, если, отвращаясь отъ Творца, остается безформенною и несовершенною. По этой причинѣ и упоминаніе о Сынѣ дѣлается не потому, что

Онъ—Слово, а только потому, что Онъ—Начало, когда говорится: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, потому что въ этихъ словахъ указывается происхожденіе твари еще въ безформенности несовершенства; а что Онъ и—Слово, упоминаніе о Немъ дѣлается въ словахъ: *Рече Богъ: да будетъ*, такъ что тѣмъ, что Онъ—Начало, внушается мысль о происхожденіи существующей отъ Него, еще несовершенной твари, а тѣмъ, что Онъ—Слово, дается мысль о совершенствѣ твари, въ Нему призванной, чтобы она получала форму, прилѣпляясь къ Творцу и въ своемъ родѣ уподобляясь формѣ, вѣчно и неизмѣнно присущей Отцу, отъ Котораго и она становится тѣмъ, что Онъ.

ГЛАВА V.

Разумная природа становится безформенною, если она не совершенствуется, обращаясь къ Божественному Слову. Почему сказано, что Духъ Святой носился надъ водою, прежде чѣмъ сказано, что Богъ изрекъ слова: Да будетъ свѣтъ.

Ибо Слово - Сынъ не имѣетъ безформенной жизни: для Него не только быть то же, что жить, но и жить то же, что жить премудро и блаженно. Напротивъ, тварь, хотя бы даже и духовная, мыслящая или разумная, которая, по видимому, болѣе близка къ Слову, можетъ имѣть жизнь безформенную; потому что для нея какъ быть не то же, что жить, такъ и жить не то же, что жить мудро и блаженно. Ибо, отвращаясь отъ неизмѣнной Премудрости, она живетъ неразумно и злополучно, что и составляетъ ея безформенность; напротивъ, форму она получаетъ тогда, когда обращена бываетъ къ неизмѣнному свѣту Премудрости, Слову Божію. Она отъ Него получаетъ бытіе, чтобы быть и жить такъ или иначе,—къ Нему обращается, чтобы жить мудро и блаженно. Ибо

начало разумной твари есть вѣчная Премудрость; каковое начало, пребывая неизмѣннымъ само въ себѣ, никогда не перестаетъ сокровеннымъ вдохновеніемъ призванія говорить съ той тварію, для которой оно служитъ началомъ, чтобы она обращалась къ Тому, отъ Кого происходитъ, потому что въ противномъ случаѣ она не можетъ быть образованною и совершенною. Поэтому-то на вопросъ, кто онъ, Онъ и отвѣчаетъ: *Начатокъ, яко и глаголю вамъ* (Іоан. VIII, 25).

Но что говорить Сынъ, то говорить Отецъ, потому что, когда говоритъ Отецъ, изрекается Слово, Которое и есть Сынъ,—Сынъ вѣчнымъ образомъ (если только нужно дѣлать это добавленіе, такъ какъ Богъ изрекаетъ совѣчное Слово). Ибо Богу присуща высочайшая Благодать и святая и праведная Любовь къ своимъ тварямъ, проистегающая не въ слѣдствіе того, что Онъ въ нихъ нуждается, а въ слѣдствіе Своего въ нихъ благоволенія. По этой-то причинѣ, прежде чѣмъ написано: *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ*, Писаніе говорить: *И духъ Божій носашеся верху воды*. Хотѣлъ-ли здѣсь [писатель] именемъ воды назвать всю тѣлесную матерію, чтобы такимъ образомъ дать понять намъ, откуда произошло и образовалось все, что можемъ мы распознавать теперь въ его родахъ, назвавъ [эту матерію] водою потому, что на землѣ, какъ это мы видимъ, все въ своихъ разнообразныхъ видахъ образуется и возрастаетъ изъ влажной природы; или же—нѣкоторую духовную жизнь, какъ-бы расплывающуюся до [полученія] формы своего послѣдующаго бытія (*ante formam conversionis*): во всякомъ случаѣ послылся тогда Духъ Божій, потому что именно отъ благаго изволенія Творца зависѣло все, что только должно было получить форму и совершенство, такъ что когда Богъ въ Своемъ Словѣ говоритъ: *Да будетъ свѣтъ*, создаваемое, смотря по степени своего рода, оставалось въ Его благой волѣ, т. е. благоволеніи, потому конечно

оно было и угодно Богу, какъ говоритъ Писаніе: *И бысть свѣтъ, — и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.*

ГЛАВА VI.

О стихѣ 4. Троица, указываемая какъ въ началѣ, такъ и въ продолженіи творенія.

Такимъ образомъ, какъ въ самомъ началѣ творенія, названнаго именемъ неба и земли ради того, что должно было изъ него совершиться, указывается творческая Троица (ибо въ словахъ Писанія: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* подъ именемъ Бога мы разумѣемъ Отца, подъ именемъ начала — Сына, Который есть начало не для Отца, а для созданной чрезъ Него первоначальной и наилучшей духовной, а потомъ и всей вообще твари; наконецъ, въ словахъ Писанія: *И Духъ Божій носашеся верху воды* мы видимъ восполненіе Троицы), такъ точно и въ дальнѣйшемъ теченіи и совершенствованіи творенія, при появленіи отдѣльных видовъ вещей, мы должны видѣть указаніе на ту же Троицу, именно — на Слово Божіе и Родителя Слова, когда говорится: *Рече Богъ*, и на святую Благодѣть, въ которой Богу угодно все, что только угодно Ему, какъ совершенное по степени своей природы, когда говорится: *И бысть свѣтъ, и видѣ Богъ свѣтъ яко добро.*

ГЛАВА VII.

Почему о Духѣ Святомъ сказано, что Онъ носилъ верху воды.

Но почему сперва упомянута тварь, даже еще и несовершенная, а послѣ уже упоминается Духъ Божій, такъ какъ въ Писаніи сперва говорится: *Земля же бы невидима*

и неустроена, и тьма верху бездны, а потомъ уже: *И Духъ Божій ношашеся верху воды?* Развѣ не потому-ли, что ограниченная и недостаточная любовь любитъ такъ, что подчиняется тѣмъ вещамъ, которыя она любитъ; почему, когда упоминается Духъ Божій, подъ которымъ разумѣется святое благоволеніе и любовь Божія, говорится, что Онъ носился верху воды, дабы мы не подумали, что Богъ долженствовавшія произойти творенія Свои любитъ больше вслѣдствіе нужды въ нихъ, чѣмъ вслѣдствіе полноты благоволенія къ нимъ? Памятуя объ этомъ, Апостоль, начиная рѣчь о любви, говорить, что онъ пожелаетъ путь превосходнѣйшій (I Корнѣ. XII, 31); и въ другомъ мѣстѣ: *Престыющую разумъ любовь Христову* (Еф. III, 19). Отсюда, когда нужно было внушить такую мысль о Духѣ Божіемъ, какая дается словами, что Онъ носился вверху, было удобнѣе указать сначала нѣчто уже начавшее [существовать], надъ чѣмъ бы Онъ носился, — носился, конечно, не пространственнымъ образомъ, а все превышающимъ и превосходящимъ могуществомъ.

ГЛАВА VIII.

Любовь Божія къ тварямъ обуславливаетъ какъ ихъ бытіе, такъ и [послѣдующее] существованіе.

Вотъ почему еще тогда, когда вещи получали въ этомъ началѣ свое совершенство и свою форму, *видѣ Богъ, яко добро*, ибо создаваемое было угодно Ему вслѣдствіе того благоволенія, по которому Ему угодно было, чтобы оно получило бытіе. Въ самомъ дѣлѣ, побужденіе, по которому Богъ любитъ Свое твореніе, двоякое — съ одной стороны, чтобы оно получило бытіе, съ другой — чтобы существовало. Отсюда, для того, чтобы получило бытіе то, что должно

существовать, *Духъ Божій* *пошашеся* *верху* *воды*, а чтобы оно существовало, *видѣ Богъ*, *яко* *добро*. И что сказано о свѣтѣ, то сказано потомъ и обо всѣхъ [родахъ творенія]. Ибо одни изъ нихъ, превосходя всякое непостоянство времени, пребываютъ въ полнѣйшей святости съ Богомъ; другія же [достигаютъ того] по мѣрѣ опредѣленнаго имъ времени, пока путемъ смѣны и преемственности вещей соллетается красота вѣковъ.

ГЛАВА ІХ.

Опять о стихѣ 3. Во времени-ли сказано: Да будетъ свѣтъ, или внѣ времени?

Но слова: *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, сказаны-ли Богомъ въ какой-нибудь день, или раньше всякаго дня? Ибо если Онъ изрекъ ихъ въ совѣчномъ Себѣ Словѣ, то изрекъ, конечно, внѣ времени (*intemporaliter*); если же Онъ изрекъ ихъ во времени, то уже не въ совѣчномъ Себѣ Словѣ, а чрезъ какую-нибудь временную тварь, и потому свѣтъ уже не будетъ первымъ твореніемъ, разъ была тварь, чрезъ которую во времени было сказано: *Да будетъ свѣтъ*. Да и сказанное *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, надобно думать, произошло раньше всякаго дня; такъ что подъ именемъ неба разумѣтся духовная, уже созданная и получившая форму, тварь, какъ бы небо этого, видимаго нами, неба, среди тѣлъ занимающаго высшее мѣсто. Ибо твердь, которая въ свою очередь тоже названа небомъ, сотворена уже во второй день. Именемъ же земли невидимой и неустроенной и темною бездною обозначено несовершенство той тѣлесной сущности, изъ коей произошли временныя творенія, первымъ между которыми былъ свѣтъ.

А какимъ образомъ чрезъ тварь, созданную раньше времени, могло быть сказано во времени: *Да будетъ свѣтъ*, разгадать это трудно. Мы понимаемъ, что это сказано было не звукомъ голоса, потому что все, сказанное голосомъ, тѣ-

лесно. Развѣ, быть можетъ, изъ несовершенства тѣлесной той сущности не создалъ-ли Богъ нѣкотораго тѣлеснаго звука, которымъ и произнесъ: *Да будетъ свѣтъ?* Но въ такомъ случаѣ, значить, нѣкое звучащее тѣло создано и образовано было раньше свѣта. А если такъ, то существовало уже и время, втеченіе котораго долженъ былъ распространяться звукъ и преемственные моменты звуковъ смѣнять одни другіе. А если далѣе было время, прежде чѣмъ явился свѣтъ,—время, въ которое долженъ былъ происходить звукъ, изрекшій: *Да будетъ свѣтъ*, то какому дню принадлежало это время? Ибо то былъ одинъ день и притомъ по счету день первый, въ который созданъ свѣтъ. Развѣ не въ этому ли же самому дню относится и весь тотъ моментъ времени, въ который созданы были какъ звучащее тѣло, произнесшее слова: *Да будетъ свѣтъ*, такъ и самый свѣтъ? Но всякій подобный звукъ произносится говорящимъ для тѣлеснаго чувства слушающаго; ибо оно такъ устроено, что ощущаетъ [звукъ] при сотрясеніи воздуха. А развѣ жъ то нѣчто невидимое и неустроенное, къ чему Богъ тогда обращался съ словами: *Да будетъ свѣтъ*, имѣло такой слухъ? Подобная нелѣпость пусть далека будетъ отъ ума человѣка мыслящаго!

Итакъ, духовное-ли, хотя и временное, то было движеніе, которымъ сказано: *Да будетъ свѣтъ*,—движеніе, впечатлѣнное вѣчнымъ Отцомъ чрезъ совѣчнаго Сына на духовной твари, которую Онъ сотворилъ, когда было сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, т. е. на упомянутомъ выше небѣ небесе, или же изреченіе это не только безъ звука, но даже и безъ всякаго временнаго движенія духовной твари, нѣкоторымъ образомъ напечатлѣно и такъ сказать начертано было совѣчнымъ Отцу Словомъ въ ея мысли и разумѣ, и по этому изреченію низшее и темное несовершенство тѣлесной природы пришло въ движеніе и

получило форму, и—явился свѣтъ? Но весьма трудно понять, какъ возможно, чтобы,—тогда какъ Богъ изрекаетъ повелѣніе въѣ времени и это повелѣніе тварь, созерцаемъ истины превышающая всякое время, выслушиваетъ не временнымъ образомъ, а мысленно напечатлѣнная въ ней непреложною Премудростію Божіею идеи, какъ бы доступныя ей пониманію изреченія, сообщаетъ тому, что ниже ея,—являлись временныя движенія во временныхъ предметахъ, подлежащихъ или образованію, или управленію. Если же свѣтъ, о которомъ раньше всего сказано: *да будетъ, и бысть*, надобно повимать такъ, что ему принадлежитъ первенствующее мѣсто среди твари, то онъ самъ представляетъ собою разумную жизнь,—жизнь, которая расплывалась бы безформенною массою, если бы не была обращена къ Творцу для просвѣщенія; когда же она была обращена къ Нему и просвѣщена Имъ, произошло то, что сказано въ Словѣ Божіемъ: *Да будетъ свѣтъ*.

ГЛАВА X.

О стихъ 5. Какъ прошелъ первый день—въ твореніи мн, или послѣ творенія свѣта? Принимается первый способъ изъясненія. Второй способъ пониманія соединяется съ затрудненіями.

И однакожь кто-нибудь, пожалуй, спросить, такъ-ли оно и произошло въѣ времени, какъ въѣ времени было сказано, потому что къ Слову, совѣчному Отцу, время не приложимо? Но какъ возможно такое пониманіе, когда Писаніе по сотвореніи свѣта и отдѣленія его отъ тьмы и по нареченіи именъ дня и ночи, говоритъ: *И бысть вечеръ и бысть утро, день единый?* Отсюда видно, что это дѣйствіе Божіе было совершено въ продолженіе дня, по истеченіи котораго около вечера наступило то, что служить началомъ ночи, а по истеченіи ночнаго періода исполнился цѣлый

день, такъ что наступило утро другого уже дня, въ теченіе котораго Богъ произвелъ слѣдующее новое [твореніе].

Но если слова: *Да будетъ свѣтъ* Богъ изрекъ безъ всякаго промежутка времени, требуемаго слогами, въ вѣчномъ разумѣ Своего Слова, то крайне удивительно, почему же свѣтъ сотворенъ съ такою медленностію, что прошелъ день и наступилъ вечеръ? Развѣ, можетъ быть, свѣтъ сотворенъ былъ скоро, но продолжительность дневнаго періода потребовалась на то, чтобы онъ отдѣленъ былъ отъ тьмы и чтобы свѣтъ и тьма, отдѣленные другъ отъ друга, были обозначены своими именами? Въ свою очередь удивительно и то, если это отдѣленіе и нареченіе могло быть совершено Богомъ даже съ такою медленностію, съ какою объ этомъ разсказали бы мы. Ибо отдѣленіе свѣта отъ тьмы послѣдовало, безъ сомнѣнія, въ томъ самомъ дѣйствиі, когда былъ сотворенъ свѣтъ, потому что не могло быть и свѣта, если бы онъ не былъ отдѣленъ отъ тьмы.

А съ какою продолжительностію могло совершиться дѣйствиіе, которымъ Богъ *нарече свѣтъ день и тьму нарече ночь*, если бы это сказано было по слогамаъ, при помощи голоса, то, спрашивается, съ какою иною, какъ не съ такою, съ какою сказали бы и мы: „Пусть свѣтъ называется днемъ, а тьма—ночью“,—лишь бы только не явилось у кого-либо такой безумной мысли, что такъ какъ-де Богъ великъ превыше всего, то произнесенные Его устами, хотя и немногіе, слоги могли наполнить собою весь дневной періодъ [времени]. Притомъ, Богъ *нарече свѣтъ день и тьму нарече ночь* не тѣлеснымъ голосомъ, а совѣчнымъ Себѣ Словомъ, т. е. внутренними и вѣчными идеями непреложной Премудрости. Ибо, въ противномъ случаѣ, опять возможенъ вопросъ: если Богъ нарекъ [ихъ] словами, какими пользуемся и мы, то на какомъ языкѣ? И къ чему нужны были преходящіе звуки, когда для нихъ еще не было никакого тѣлеснаго слушателя?

Или не слѣдуетъ-ли такъ сказать, что хотя это дѣйствіе Божіе совершилось и быстро, но свѣтъ оставался дотолѣ не смѣняясь ночью, пока не окончился дневной періодъ времени; въ свою очередь и ночь, смѣнившая свѣтъ, длилась до тѣхъ поръ, пока не миновалъ періодъ ночнаго времени, и, по истеченіи одинаго и перваго дня, не наступило утро слѣдующаго дня? Но если я скажу такъ, опасаясь, какъ бы мнѣ не быть осмѣяннымъ и со стороны людей, которые уже до подлинности знаютъ, и со стороны тѣхъ, которые весьма легко могутъ узнать, что въ то время, когда у насъ бываетъ ночь, присутствіе свѣта освѣщаетъ тѣ части міра, чрезъ которыя солнце возвращается съ запада на востокъ, а потому въ продолженіе всѣхъ 24 часовъ, т. е. въ теченіе полного круговращенія солнца, въ однихъ мѣстахъ бываетъ день, а въ другихъ ночь. А развѣ жъ мы помѣстимъ Бога въ какой-нибудь части (міра), гдѣ бы для Него былъ вечеръ, когда изъ этой части свѣтъ отступаетъ въ другую? Ибо и въ книгѣ, называемой Евклисіастъ, написано: *и восходитъ солнце и заходитъ солнце, и въ мѣсто свое влечется*, т. е. въ то мѣсто, откуда оно восходитъ; а продолжая дальше, [писатель] говоритъ: *сіе возсіавая тамо, идетъ къ югу и обходитъ къ сѣверу* (Евкл. I, 5. 6). Такимъ образомъ, когда солнце находится въ южной части, у насъ бываетъ день, а когда, совершая свое круговращеніе, оно переходитъ въ сѣверную часть, у насъ наступаетъ ночь, хотя въ другой части, гдѣ свѣтитъ солнце, бываетъ день,—если только мы далеки будемъ отъ поэтическихъ вымысловъ, будто бы солнце погружается въ море, а утромъ выходитъ изъ него съ другой стороны омытымъ. Впрочемъ, если бы даже было и такъ, въ такомъ случаѣ солнцемъ освѣщалась бы пучина морская и въ ней былъ бы тогда день. Солнце могло бы освѣщать воды, если бы только не было

погашено ими. Но подобное предположеніе нелѣпо. Да и къ чему оно, когда и самаго солнца еще не было?

По этой причинѣ, если въ первый день созданъ былъ свѣтъ духовный, то развѣ такой свѣтъ заходить, чтобы за нимъ наступала ночь? Если же онъ—свѣтъ матеріальный, то что же это за свѣтъ, котораго нельзя видѣть по закатѣ солнца, такъ какъ не было еще ни луны, ни какихъ-либо звѣздъ? Или если онъ постоянно остается въ той части неба, въ которой находится и солнце, такъ что представляетъ собою не свѣтъ солнца, а какъ бы спутникъ его, и соединенъ съ нимъ такъ, что не можетъ быть отъ него отличаеми, въ такомъ случаѣ мы снова встрѣчаемся съ прежнимъ затрудненіемъ при разрѣшеніи этого вопроса, именно—такъ какъ подобно солнцу и свѣтъ, какъ его спутникъ, совершая круговращеніе, возвращается на востокъ съ запада, и въ то время, когда та часть [земли], въ которой находимся мы, покрыта бываетъ мракомъ ночи, онъ находится въ другой части міра: то обстоятельство это заставляетъ насъ (чего, впрочемъ, не дай Богъ!) думать, будто и Богъ былъ въ той части, которую оставлялъ свѣтъ, такъ что и для Него могъ быть вечеръ. Или, быть можетъ, не создалъ-ли Богъ свѣтъ въ той части, въ которой Онъ намѣренъ былъ создать человѣка, и поэтому, когда свѣтъ изъ этой части отступилъ, *бысть*, сказано, *вечеръ*, хотя этотъ свѣтъ, который отступилъ отсюда, находился въ другой части, имѣя, по совершеніи круговращенія, поутру взойти снова.

ГЛАВА XI.

Новое затрудненіе въ вышеприведенномъ способѣ изъясненія касательно назначенія солнца.

Къ чему же создано было солнце, которое бы свѣтило на землѣ во область дне (Пс. 135; 8), если для того, что-

бы производить день, достаточно было и того свѣта, который названъ былъ днемъ? Развѣ этотъ первоначальный свѣтъ, быть можетъ, освѣщалъ высшія, удаленныя отъ земли, страны, такъ что не могъ быть видимъ на землѣ, и потому необходимо было создать солнце, при посредствѣ котораго бы въ низшихъ странахъ міра получился день? Можно и такъ сказать, что съ сотвореніемъ солнца увеличился свѣтъ дневной, такъ что, можно думать, при первоначальномъ свѣтѣ день былъ менѣе свѣтлымъ, чѣмъ теперь. А вѣкто, какъ я знаю, говорилъ даже такъ, что словами: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ* въ созданіи Творца была введена [самая] природа свѣта, а потомъ, когда рѣчь идетъ о свѣтилахъ, сдѣлано частное указаніе, что изъ этого свѣта сотворено было въ порядкѣ дней, въ какомъ Творцу угодно было все совершить; но какова природа этого свѣта, куда скрывался онъ съ наступленіемъ вечера, такъ что послѣ него наступала ночь, этого онъ не сказалъ, да и не легко, по моему мнѣнію, найти тому объясненіе. Ибо не слѣдуетъ же думать, что свѣтъ угасалъ, дабы послѣ него наступалъ ночной мракъ, и опять возжигался, чтобы наступало утро, прежде чѣмъ это стало обязанностію солнца; что, по свидѣтельству того же Писанія, началось съ четвертаго дня.

ГЛАВА XII.

Еще затрудненіе касательно послѣдовательности трехъ дней и ночей до сотворенія солнца.—Какъ произошло собраніе водъ.

А какимъ круговращеніемъ до сотворенія солнца могла производиться смѣна трехъ [первыхъ] дней и ночей, когда природа первосозданнаго свѣта,—если только подъ этимъ свѣтомъ надобно разумѣть свѣтъ тѣлесный,—оставалась неподвижною, отыскать и объяснить это трудно. Развѣ, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ такъ, что тьмою Богъ назвалъ

земную и водную массу, прежде чѣмъ произведено было ея раздѣленіе, совершенное, какъ написано, въ третій день,—назвалъ по причинѣ ея очень плотной тѣлесности, сквозь которую свѣтъ не могъ проникнуть, или же по причинѣ глубочайшей тѣни, которую неизбѣжно должна была имѣть эта масса съ одной стороны своей, если свѣтъ находился съ другой. Ибо въ какомъ пунктѣ масса данаго тѣла мѣшаетъ подходить свѣту, въ этомъ пунктѣ бываетъ тѣнь, потому что мѣсто, лишенное свѣта, который бы освѣщалъ его, если бы тому не мѣшало противопоставленное тѣло, и есть то, что называется тѣнью. Если же эта тѣнь соотвѣтственно массѣ тѣла была такъ велика, что занимала столько пространства земли, сколько съ другой стороны занималъ день, то называлась ночью. Ибо не всякая же тьма есть ночь. Тьма бываетъ и въ огромныхъ пещерахъ, въ тайники которыхъ проникать свѣту мѣшаетъ противопоставленная масса,—въ нихъ нѣтъ свѣта и все это пространство представляетъ собою мѣсто, лишенное свѣта, и однако подобная тьма не называется именемъ ночи, а [называется такъ] только тьма, которая покрываетъ ту часть земли, откуда удаляется день. Точно также не всякій и свѣтъ называется днемъ: ибо существуетъ свѣтъ луны, звѣздъ, лампъ, молній и вообще всѣхъ свѣтящихся предметовъ; но днемъ называется тотъ лишь свѣтъ, которому предшествуетъ и преемствуетъ ночь.

Но если первобытный свѣтъ со всѣхъ сторонъ окружалъ массу земли, оставаясь ли въ спокойномъ состояніи, или совершая круговое движеніе, въ такомъ случаѣ не оставалось пункта, съ котораго бы онъ допускалъ смѣнять себя ночью, потому что никогда не разступался бы, чтобы дать ей мѣсто. Или, быть можетъ, свѣтъ былъ созданъ только съ одной стороны, такъ что, совершая круговое движеніе, онъ оставлялъ возможность и ночи совершать соотвѣтственное движеніе на другой сторонѣ? Ибо когда всю землю по-

крывала еще вода, ничто не препятствовало этой водянистой и шарообразной массѣ съ одной стороны производить присутствіемъ свѣта день, а съ другой стороны отсутствіемъ свѣта—ночь, которая съ вечерняго времени и наступала въ той ея части, изъ коей свѣтъ переходилъ въ другую.

Но если воды первоначально занимали всю землю, то куда же онѣ были собраны, т. е. въ какую часть собраны были тѣ воды, которыя были отвлечены, чтобы обнажиться землѣ? Въ самомъ дѣлѣ, если было на землѣ какое-нибудь обнаженное [отъ воды] мѣсто, куда бы онѣ могли собраться, то, очевидно, была уже суша и бездна занимала не всю [землю]. Если же они покрывали всю землю, то что же это было за мѣсто, куда собрались онѣ, чтобы явилась на землѣ суша? Развѣ не собраны-ли онѣ были въ высоту, подобно тому, какъ это бываетъ тогда, когда обмолоченное на гумнѣ зерно подбрасывается вверхъ для провѣиванія и, собранное тамъ въ кучу, обнажаетъ мѣсто, которое прежде было имъ покрыто? Но кто же такъ скажетъ, если онѣ видалъ равномерно разстилающіяся во все стороны равнины моря, которыя, хотя и поднимаются на нихъ своего рода горы волнуемой воды, по прекращеніи бури снова выравниваются? И если при этомъ нѣкоторые берега обнажаются больше, то необходимо заключить, что есть, значить, на землѣ пространства, куда бы прибывало то, что убываетъ въ другомъ мѣстѣ, и откуда бы оно снова приходило въ прежнее свое мѣсто. Но разъ волнующаяся стихія покрывала совершенно всю землю, куда же отступила она, чтобы обнажить нѣкоторыя части? Или, можетъ быть, вода тогда была разрѣженнѣе и окружала землю подобно облакамъ, а потомъ чрезъ собраніе сгустилась такъ, что изъ многихъ частей обнажила тѣ, въ которыхъ могла явиться суша? Впрочемъ, и земля, долго и сильно осѣдая, могла дать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углубленія,

въ которыя стекались и собирались воды, и изъ частей, откуда вода убывала, образовалась суша.

ГЛАВА XIII.

Когда были сотворены вода и земля.

Но матерія во всякомъ случаѣ не была безформенною, имѣя облакообразный видъ, а потому можетъ явиться еще вопросъ, когда же именно Богъ создалъ эти, наблюдаемые нами, виды и качества воды и земли, такъ какъ этого мы не встрѣчаемъ ни въ одинъ изъ шести дней [творенія]? Поэтому, если Онъ воду и землю сотворилъ раньше всякаго дня, какъ раньше упоминанія объ этихъ первыхъ дняхъ написано: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*: то подъ именемъ этой земли мы можемъ разумѣть уже получившій форму земной видъ съ покрывавшими его поверхность водами, имѣвшими въ свою очередь видимую своего рода форму; такъ точно въ дальнѣйшихъ словахъ Писанія: *земля же бѣ невидима и не устроена и тѣма верху бездны, и Духъ Божій носашеся верху воды*, мы можемъ разумѣть не какую-нибудь безформенность матеріи, а землю и воду хотя пока безъ свѣта, который еще не былъ сотворенъ, но уже съ своими общеизвѣстными свойствами; такъ что невидимую землю названа, можно думать, потому, что она, будучи покрыта водами, не могла быть видима, хотя бы и былъ на лицо кто-нибудь, кто могъ бы ее видѣть, а неустроенною потому, что не была отдѣлена отъ моря, не окружена берегами и не украшена растеніями и животными. Если же такъ, то почему же эти виды, безъ сомнѣнія тѣлесные, созданы раньше всякаго дня? Почему не написано: „рече Богъ: да будетъ земля, и бысть земля“, или: „рече Богъ, да будетъ вода, и бысть вода“, или же о землѣ и водѣ вмѣстѣ, если онѣ связываются однимъ своего рода закономъ

низшаго положенія: „рече Богъ: да будетъ земля и вода, и бысть тако“? Съ другой стороны, если было такъ, почему не сказано: „видѣ Богъ, яко добро“?

ГЛАВА XIV.

Основаніе, почему въ первомъ стихѣ Бытія подразумѣвается безформенная матерія.

[Но] извѣстно, что все измѣняемое образуется изъ чего-либо безформеннаго; вмѣстѣ съ тѣмъ и каэолическая вѣра внушаетъ, да и здравый разумъ говоритъ, что матеріи ни для одной изъ природъ не могло быть иначе, какъ только отъ Бога, виновника и творца всѣхъ, и образованныхъ и способныхъ къ образованію, вещей, — каковую матерію нѣкое писаніе и приписываетъ Богу, говоря: „Ты сотворилъ міръ отъ безобразнаго вещества“ (Прем., XI, 18). Это соображеніе убѣждаетъ насъ, что на такую [безформенную] матерію и сдѣлано указаніе въ словахъ, которыя соотвѣтствуютъ читателямъ и слушателямъ наименѣе проникательнымъ въ духовной мудрости, — именно въ тѣхъ, которыми говорится: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и проч., до словъ *и рече Богъ*, составляющихъ переходъ къ послѣдовательному разсказу о порядкѣ образованія вещей.

ГЛАВА XV.

Матерія предшествуетъ формѣ по происхожденію, а не по времени.

[Такое указаніе сдѣлано] не потому, чтобы безформенная матерія по времени существовала раньше предметовъ, получившихъ форму, такъ какъ сотворено одновременно и то и другое, т. е., какъ то, что произошло, такъ и то, изъ чего оно произошло. Ибо какъ звукъ составляетъ матерію словъ, а слова указываютъ на сформированный уже

звукъ, и говорящій не безформенный сперва испускаетъ звукъ, а потомъ [снова] вбираетъ его и формируетъ въ слова: такъ и Творецъ Богъ не безформенную прежде создалъ матерію, а потомъ, какъ бы послѣ вторичнаго размышленія, оформилъ ее въ рядъ такихъ или иныхъ природъ, но создалъ матерію именно сформированную. Но поелику то, изъ чего что-нибудь происходитъ, если не по времени, такъ по нѣкоторому своему началу, существуетъ раньше того, что изъ него происходитъ: то Писаніе могло раздѣлить по времени повѣствованія то, чего Богъ не раздѣлялъ по времени творенія. Вѣдь если мы спросимъ, звуки-ли изъ словъ мы производимъ, или же слова изъ звуковъ, то едва ли найдемъ кого-либо настолько ведогадливаго, кто не отвѣтилъ бы, что скорѣе слова происходятъ изъ звуковъ; отсюда, хотя говорящій производитъ то и другое одновременно, тѣмъ не менѣе уже изъ простаго наблюденія достаточно ясно видно, что изъ чего онъ производитъ. По этой причинѣ, если Богъ сотворилъ одновременно и то и другое, т. е. и матерію, которую Онъ оформилъ, и вещи, въ которыя онъ облекъ ее, какъ въ формы, и если въ Писаніи надлежало говорить о томъ и о другомъ, но не одновременно о томъ и другомъ: то кто же будетъ сомнѣваться, что прежде надлежало сказать о томъ, изъ чего что-либо создано, а послѣ уже о томъ, что изъ него создано? Ибо, когда мы даже говоримъ о матеріи и формѣ, то хотя и разумѣемъ, что та и другая существуютъ одновременно, однакъ. не можемъ одновременно выразить той и другой. А какъ въ тотъ короткій моментъ времени, когда мы произносимъ эти два слова, мы произносимъ одно изъ нихъ раньше другаго; такъ точно и въ пространномъ разсказѣ необходимо было сказать объ одномъ изъ нихъ раньше другаго, хотя, какъ уже замѣчено, то и другое сотворено Богомъ одновременно; отсюда, то, что только по началу является въ твореніи первымъ, въ повѣствованіи яв-

ляется первымъ и по времени, ибо двухъ предметовъ, изъ коихъ ни одинъ не имѣеть первенства предъ другимъ ни въ какомъ отношеніи, нельзя выговорить одновременно, а тѣмъ болѣе нельзя вести повѣствованіе о нихъ одновременно. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что безформенная матерія есть ничто въ томъ собственно смыслѣ, что она явилась не иначе, какъ только отъ Бога и создана Имъ одновременно съ тѣми вещами, которыя сотворены изъ нея.

Но если можно сказать съ вѣроятностью, что [безформенная] матерія убазывается въ словахъ: *земля же бы невидима и неустроена, и тма верху бездны, и Духъ Божій пошашеся верху воды*; такъ что, за исключеніемъ сказаннаго здѣсь о Святомъ Духѣ, остальные слова суть названія хотя вещей и видимыхъ, но сказанныя, можно думать, съ тою цѣлію, чтобы дать понятіе о безформенной матеріи, насколько можно было сдѣлать это для людей менѣе понятливыхъ, потому что эти два элемента, т. е. земля и вода, для произведенія изъ нихъ чего-нибудь, легче другихъ поддаются рукамъ работающихъ, а потому именами ихъ удобнѣе дается понять о безформенности матеріи,—если, говорю, можно сказать такъ съ вѣроятностію, то [значить] не было какой-нибудь оформленной массы, освѣщая которую съ одной стороны, свѣтъ съ другой ея стороны производилъ бы тьму, отъ чего, по отступленіи дня, могла бы наступить ночь.

ГЛАВА XVI.

Другое основаніе для объясненія того, какъ происходили день и ночь, именно—чрезъ расширеніе и сокращеніе свѣта, отвергается.

Если же подъ днемъ и ночью мы захотѣли бы разумѣть расширеніе и сокраценіе свѣта, то не видимъ причины, почему бы могло быть такъ. Ибо тогда еще не было

животныхъ, для которыхъ бы подобныя смѣны [свѣта] были полезны и для которыхъ, появившихся позднѣе, эти смѣны, какъ мы знаемъ, начали производиться чрезъ круговращеніе солнца. Да и примѣра не представляется, которымъ мы могли бы оправдать мысль, что подобное расширеніе и сокращеніе свѣта могло бы производить смѣну дня и ночи. Въ самомъ дѣлѣ, истеченіе лучей изъ нашихъ глазъ представляетъ собою также истеченіе своего рода свѣта; оно можетъ и собираться, когда мы смотримъ на ближайшій къ нашимъ глазамъ воздухъ, и расширяться, когда мы устремляемъ взоръ въ одномъ и томъ же направленіи на предметы, вдали отъ насъ находящіеся. Нѣтъ сомнѣнія, что и тогда, когда происходитъ сокращеніе, оно не вовсе мѣшаетъ намъ видѣть отдаленные предметы, только, конечно, не такъ ясно, какъ тогда, когда глазъ нашъ упирается въ нихъ. А между тѣмъ, свѣтъ, который заключается въ органѣ видящаго, настолько, говорятъ, малъ, что, если бы не получалъ помощи отъ вѣшняго свѣта, мы не могли бы ничего видѣть, и такъ какъ отъ того свѣта онъ не можетъ быть отличаемою, то и трудно, какъ я уже сказалъ, подыскать примѣръ, которымъ бы можно было доказать, что расширеніе свѣта [служить причиною] дня, а сокращеніе—ночи.

ГЛАВА XVII.

Затрудненіе касательно духовнаго свѣта—какимъ образомъ въ этомъ свѣтѣ можетъ быть вечеръ и утро, а такъ же раздѣленіе отъ тѣмы?

Если же словами Бога: *да будетъ свѣтъ* былъ созданъ свѣтъ духовный, то подъ нимъ должно разумѣть не тотъ истинный совѣчный Отцу свѣтъ, которымъ создано все и который просвѣщаетъ всякаго человѣка, а тотъ, о которомъ

могло быть связано: *прежде всѣхъ создана премудрость* (Сирах. 1. 4). Ибо когда эта вѣчная и неизмѣнная, не созданная, а рожденная Премудрость переносится въ духовныя и разумныя твари, а такъ же и въ души преподобныхъ (Прем. VII, 27), чтобы онѣ, просвѣщаемыя [Ею], могли сіять, тогда въ нихъ отсрывается нѣкое свѣтлое настроеніе духа, которое и можно принять за созданіе того свѣта, когда Богъ изрекъ: *да будетъ свѣтъ*, если только уже была духовная тварь, которая обозначена именемъ неба въ словахъ Писанія: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, — небо не тѣлесное, а безтѣлесное небо тѣлеснаго неба, стоящее выше всякаго тѣла не пространственнымъ разстояніемъ, а возвышенностію природы. А какъ въ одно и тоже время эта тварь могла быть и тѣмъ, что просвѣщалось, и самымъ просвѣщеніемъ и какъ можно было говорить о ней въ различное время, объ этомъ сказали мы нѣсколько раньше, когда вели рѣчь о матеріи.

Но въ такомъ случаѣ какъ будемъ мы понимать наступившую за этимъ свѣтомъ ночь, такъ что былъ и вечеръ? И отъ какой тьмы могъ быть отдѣленъ такой свѣтъ, по словамъ Писанія: *и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою*? Развѣ не были ли уже тогда грѣшники и неразумные, отпадавшіе отъ свѣта истины, между которыми съ одной стороны и между остававшимися въ томъ свѣтѣ [съ другой] Богъ и произвелъ раздѣленіе, какъ между свѣтомъ и между тьмою, и, назвавъ свѣтъ днемъ, а тьму — ночью, показалъ тѣмъ, что Онъ не творецъ грѣшниковъ, а ихъ промыслитель (*ordinator*), распредѣляющій по заслугамъ? Или, быть можетъ, день тотъ есть названіе для всего времени и обнимаетъ собою весь свитокъ вѣковъ, а потому и названъ не *первымъ* днемъ, а днемъ *единымъ*: *и бысть*, говорить, *вечеръ, и бысть утро: день одинъ*; такъ что

словами: *бысть вечеръ* обозначенъ, по видимому, грѣхъ разумной твари, а словами: *бысть утро* — ея обновленіе?

Но это будетъ уже разсужденіе въ смыслѣ пророческой аллегоріи, которой мы не имѣли въ виду въ настоящемъ сочиненіи. Мы предположили себѣ говорить здѣсь о Писаніи по прямому смыслу совершавшихся событій, а не иносказательной таинственности. Итакъ, какимъ же образомъ съ точки зрѣнія сотворенныхъ природѣ найдемъ мы въ духовномъ свѣтѣ вечеръ и утро? Развѣ отдѣленіе свѣта отъ тьмы не означаетъ-ли различія предмета, получившаго уже форму, отъ предмета еще безформеннаго, а названіе дня и ночи — увязанія на равномѣрность, показывающую, что Богъ ничего не оставилъ не приведеннымъ въ порядокъ, что самая безформенность, выходя изъ которой вещи измѣняются путемъ извѣстнаго перехода изъ вида въ видъ, не беспорядочна, и что даже недостатки и совершенства твари, которыми все временное взаимно чередуется, служатъ дополненіемъ красоты вселенной? Ибо и ночь представляетъ собою упорядоченную тьму.

По этой причинѣ, когда былъ созданъ свѣтъ, сказано: *видѣ Богъ свѣтъ, яко добро*, хотя сказать это [авторъ] могъ бы послѣ уже всѣхъ [событій] этого дня, т. е. сказавъ сначала: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою. И нарече Богъ свѣтъ день и тьму нарече ночь*, онъ могъ бы сказать потомъ: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро*, и затѣмъ прибавить: *и бысть вечеръ и бысть утро*, какъ дѣлаетъ онъ это въ отношеніи къ другимъ дѣламъ [творенія], которымъ даетъ имена? Здѣсь же онъ не сдѣлалъ такъ по той причинѣ, что отъ предмета, уже получившаго форму, отличалась при этомъ безформенность, такъ что ей пока не полагалось конца, а оставалась еще она для образованія изъ нея другихъ, уже тѣлесныхъ, тварей. Итакъ если бы слова:

видѣ Богъ, яко добро сказаны были послѣ разграниченія [свѣта и тьмы] раздѣленіемъ и названіями, то мы должны были бы думать, что [этими словами] обозначаются тавія дѣйствія, къ которымъ въ своемъ родѣ ничего уже не должно быть прибавлено. Но поелику одинъ только свѣтъ являлся совершеннымъ, то *видѣ*, говоритъ, *Богъ свѣтъ, яко добро*, и разграничилъ его отъ тьмы отдѣленіемъ и названіемъ. А не сказалъ теперь [авторъ]: *видѣ Богъ, яко добро* потому, что при этомъ предполагалась безформенность, изъ которой еще должны были образоваться другія (творенія). Между тѣмъ, когда распредѣленіемъ свѣтила отдѣлялась отъ дня та ночь, которая намъ теперь извѣстна (ночь, производимая круговращеніемъ солнца надъ землею), послѣ этого раздѣленія дня и ночи говорится: *видѣ Богъ, яко добро*. Ибо эта ночь не есть какая-нибудь безформенная сущность, изъ которой бы должны были образоваться другія, а часть пространства, наполненная воздухомъ, но лишенная дневнаго свѣта; къ этой ночи нечего уже было прибавлять тавого, что имѣло бы болѣе опредѣленную и отличную отъ нея форму. Что же касается вечера и утра, то подъ вечеромъ во всѣ первые три дня, до сотворенія свѣтила, не будетъ, кажется, нелѣпнымъ разумѣть конецъ совершеннаго дѣйствія [творческаго], а подъ утромъ—обозначеніе будущаго, такъ сказать, дѣйствія.

ГЛАВА XVIII.

Какъ производитъ Богъ дѣйствіе.

Но прежде всего мы должны помнить,—о чемъ уже мы не разъ говорили,—что Богъ дѣйствуетъ при посредствѣ не временныхъ движеній, если такъ можно выразиться, своего духа или тѣла, какъ дѣйствуетъ человѣкъ или ангель, а вѣчныхъ и неизмѣнныхъ и постоянныхъ идей совѣчнаго

Своего Слова и нѣкоего, выразился бы я, согрѣванія Своего, также совѣчнаго Себѣ, Святаго Духа. Ибо сказанное на греческомъ и латинскомъ языкѣ о Духѣ Святомъ, что Онъ „носился надъ водами“, согласно съ значеніемъ близкаго къ еврейскому сирийскаго языка, надобно, утверждаютъ [говорять, это разъяснено однимъ ученымъ христіаниномъ — сирийцемъ], понимать не въ значеніи *носился вверху*, а въ значеніи *согрѣвалъ*. И согрѣвалъ не такъ, какъ согрѣваются опухоли или раны на тѣлѣ холодною или доведенною до соотвѣтственной теплоты водою, а такъ, какъ согрѣваются птицами яйца, когда теплота материнскаго тѣла при посредствѣ чувства любви своего рода содѣйствуетъ до нѣкоторой степени образованію птенцовъ. Итакъ, не слѣдуетъ понимать плотскимъ образомъ, какъ временныя, изреченія Божіи въ теченіе каждаго дня оныхъ Божественныхъ дѣйствій. Ибо сама Премудрость Божія, принявъ на Себя нашу немощность, явилась собрать подъ свои крылья чадъ Іерусалима, якоже ковошь собираетъ птенцы своя (Мѡ. XXIII, 37), не для того, чтобы мы оставались всегда младенцами, а чтобы, оставаясь дѣтьми на злое, перестали быть дѣтьми по уму (1 Корнѡ. XIV, 20).

Но при этомъ, въ области предметовъ таинственныхъ и весьма удаленныхъ отъ нашего взора,—если бы мы прочитали что нибудь написанное относительно такихъ предметовъ даже и Божественное, могущее въ силу одушевляющей насъ спасительной вѣры породить новыя и новыя мнѣнія,—мы не должны набрасываться ни на одно изъ нихъ съ такою твердостью, чтобы могли повалиться, если болѣе тщательное изслѣдованіе истины испровергнетъ его, ратуя [въ такомъ случаѣ] за свое собственное мнѣніе, а не за мнѣніе Божественныхъ писаній, и желая при этомъ, чтобы оно, будучи нашимъ мнѣніемъ, было мнѣніемъ Писанія, тогда какъ, наоборотъ, мы должны желать, чтобы мнѣніе Писанія было нашимъ мнѣніемъ.

ГЛАВА XIX.

Въ темныхъ мѣстахъ Писанія ничего не слѣдуетъ утверждать безъ разсужденія.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ себѣ, что въ словахъ Писанія: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* одинъ разумѣетъ сотвореніе тѣлеснаго свѣта, а другой духовнаго. Что есть духовный свѣтъ въ духовной твари, въ этомъ наша вѣра не сомнѣвается, а что есть тѣлесный свѣтъ небесный или даже вышенебесный или же прежденебесный, которому могла бы преемствовать ночь, это не противно вѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ опровергнуто несомнѣннѣйшею истиною. Если бы такъ случилось, значить—подобное мнѣніе не въ Божественномъ писаніи заключалось, а выдуманно человѣческимъ невѣжествомъ. Если же на основаніи вѣсомнѣннаго довода будетъ доказано, что это мнѣніе вѣрно, то будетъ еще неизвѣстнымъ, хотѣлъ-ли писатель въ приведенныхъ словахъ св. книгъ высказать это именно мнѣніе, или же какое-нибудь другое не менѣе истинное. Если остальной контекстъ рѣчи не подтвердитъ, что Онъ имѣлъ въ виду именно это мнѣніе, отъ того не будетъ ложнымъ другое, которое онъ дѣйствительно разумѣлъ самъ, а истиннымъ и полезнѣйшимъ для познанія. Если же контекстъ Писанія не отвергнетъ того, что писатель имѣлъ въ виду именно это мнѣніе, то останется еще мѣсто для вопроса, не могъ-ли онъ имѣть въ виду другаго какаго-нибудь мнѣнія? А если мы найдемъ, что онъ могъ имѣть въ виду и другое, то будетъ неизвѣстно, какое именно изъ этихъ двухъ мнѣній онъ хотѣлъ разумѣть; можно даже предположить, что онъ имѣлъ въ виду оба эти мнѣнія, если только извѣстные обстоятельства благоприятствуютъ тому и другому изъ нихъ.

Ибо весьма часто случается, что даже и не-христианинъ знаетъ кое-что о землѣ, небѣ и остальныхъ элементахъ видимаго міра, о движеніи и обращеніи, даже величинѣ и

разстояніяхъ звѣздъ, объ извѣстныхъ затменіяхъ солнца и луны, круговращеніи годовъ и временъ, о природѣ животныхъ, растений, камней и тому подобномъ,—знаетъ притомъ такъ, что защищаетъ это знаніе и очевиднѣйшими доводами и опытомъ. Между тѣмъ, крайне позорно, даже губительно и въ высшей степени опасно, что какой-нибудь невѣрный едва-едва удерживается отъ смѣха, слыша, какъ христіанинъ, говоря о подобныхъ предметахъ яко бы на основаніи христіанскихъ писаній, несетъ такой вздоръ, что, какъ говорится, блуждаетъ глазами по всему небу. И тяжело не то, что человѣкъ заблуждающійся подвергается осмѣянію, а то, что и наши писатели, по мнѣнію вѣнскихъ, имѣютъ такіе же понятія и къ великой погибели для тѣхъ, о спасеніи которыхъ мы заботимся, считаются людьми невежественными и презираются. Въ самомъ дѣлѣ, когда они замѣчаютъ, что кто-либо изъ числа христіанъ заблуждается относительно предмета, хорошо имъ извѣстнаго, и свое нелѣпое мнѣніе утверждаетъ на нашихъ писаніяхъ: то какъ же они будутъ вѣрить этимъ писаніямъ относительно воскресенія мертвыхъ, надежды на вѣчную жизнь, царства небеснаго, думая, что писанія эти сообщаютъ ложныя понятія даже и о такихъ предметахъ, которые сами они могли узнать путемъ опыта и при помощи несомнѣнныхъ цифръ? И дѣйствительно, не возможно достаточно всчислить, сколько горести и печали причиняютъ благоразумнымъ братьямъ эти дерзкіе невѣжды, когда они, застигнутые и уличенные въ нелѣпомъ и ложномъ мнѣніи со стороны тѣхъ, которые не признаютъ авторитета нашихъ писаній, въ защиту того, что сказали по легкомысленному безразсудству и съ очевиднѣйшею ложью, стараются ссылаться на эти свящ. книги, оправдывая ими свое мнѣніе, или же на память приводятъ изъ нихъ многія изреченія, которыя считаютъ свидѣтельствомъ въ свою пользу, не понимая ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ (I Тимоѣ. I, 7).

ГЛАВА XX.

Почему при изъясненіи книги Бытія приводятся разныя мнѣнія, и не утверждается какое-нибудь одно.

Во вниманіе къ такому рода явленіямъ и въ предохраненіе отъ нихъ я, насколько было возможно, многосторонне изъяснилъ книгу Бытія и относительно словъ, для упражненія нашей мысли поставленныхъ въ неясномъ значеніи, привелъ различныя мнѣнія, не утверждая безразсудно чего-нибудь одного съ предубѣжденіемъ къ другому, можетъ быть, лучшему объясненію, чтобы каждый по собственной мѣрѣ выбиралъ то, что можетъ взять, а тамъ, гдѣ понять не можетъ, пусть оставляетъ честь за Писаніемъ Божиимъ, а за собою страхъ. Но разъ слова Писанія, о которыхъ мы говоримъ, изъясняются съ столь многихъ сторонъ, пусть же умѣряютъ себя тѣ, которые, надмеаясь свѣтскими науками, на эти слова, предназначенныя для питанія всѣхъ благочестивыхъ сердець, смотрятъ какъ на нѣчто неискусное и грубое, — которые, не имѣя перьевъ, пресмыкаются по землѣ и, обладая полетомъ лягушекъ, смѣются надъ гнѣздами птицъ. Еще опаснѣе заблуждаются нѣкоторые нетвердые наши братья, которые, слыша, какъ эти нечестивцы тонко и пространно толкуютъ о числѣ небесныхъ тѣлъ и о какихъ угодно вопросахъ, касающихся элементовъ видимаго міра, превращаются въ нуль и, предпочитая ихъ со вздохомъ себѣ и находя великими, безглаголиво обращаются къ писаніямъ спасительнѣйшаго благочестія, и едва-едва касаются того, чѣмъ должны бы были питаться со сладостію, гнушаясь жесткости хлѣбнаго колоса (*segetis*) и вожделья цвѣтовъ шиповника. Они не имѣютъ досуга видѣть, *яко благъ Господь* (Псал. XXXIII, 9), и не принимаютъ пищи даже въ субботу: они слишкомъ лѣнны, чтобы срывать колосья уже

по полученіи дозволенія отъ Господа субботы, чтобы затѣмъ растирать ихъ руками, а растертыя очипцать, пока они не будутъ годными для употребленія въ пищу (Мѡ. XII, 1).

ГЛАВА XXI.

Какой результатъ такого изъясненія, при которомъ безъ разсужденія ничто не утверждается.

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: „какія-же зерна ты очистилъ этимъ толченіемъ своего разсужденія, какія провѣялъ? Почему едва не все у тебя оставлено только въ вопросахъ? Дай же какой-нибудь положительный отвѣтъ на то, что, какъ показываютъ твои разсужденія, можетъ быть понимаемо во многихъ значеніяхъ“. Такому я отвѣчу, что я съ удовольствіемъ достигъ того самаго хлѣба, отъ котораго научился не обращаться въ человѣку за отвѣтомъ согласно съ вѣрою о томъ, что отвѣчать людямъ, которые стремятся влететь на наши спасительныя писанія; такъ что все, что только могли бы они сказать о природѣ вещей на основаніи вѣрныхъ доводовъ, все это, какъ можемъ мы показать, не противно нашимъ писаніямъ,—съ другой стороны все, что изъ какихъ-либо своихъ книгъ они привели бы противнаго нашимъ писаніямъ, т. е. католической вѣрѣ, все это, какъ можемъ мы или показать съ нѣкоторою силою, или же съ несомнѣнностію вѣрить, совершенно ложво. При этомъ мы такъ преданы Ходатаю нашему, *въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колосс. II, 3), что не обольщаемся болтовнею ложной философіи и не пугаемся суевѣрій ложной религіи. А когда читаемъ Божественныя писанія, заключающія въ себѣ такое многообразіе истинныхъ значеній, которыя вытекаютъ изъ немногихъ словъ и подтверждаются святостію католической вѣры, мы избираемъ преимущественно то, что представляется не-

сомнѣнною мыслию того [писателя], котораго читаемъ; если же это остается неизвѣстнымъ, избираемъ то по крайней мѣрѣ, что не противорѣчитъ составу Писанія и согласно съ правою вѣрою, а если нельзя бываетъ разобрать и опредѣлить и состава Писанія, избираемъ то, что предписываетъ правая вѣра. Ибо иное дѣло не разпознать того, что именно разумѣлъ авторъ, и иное—ублониться отъ правила благочестія. Если то и другое избѣгается, читающій достигаетъ полнаго результата, если же нельзя избѣжать ни того, ни другаго, то хотя бы намѣреніе автора оставалось и неизвѣстнымъ, не бесполезно по крайней мѣрѣ отыскивать мнѣніе, согласное съ здоровою вѣрою.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

О КНИГѢ БЫТІЯ, БУКВАЛЬНО.

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ словъ: *И рече Богъ: да будетъ твердь* и проч. до стиха 19: *И бысть вечеръ*. Въ концѣ книги приводятся нѣкоторыя замѣчанія противъ звѣздочетовъ.

ГЛАВА I.

Что такое твердь, посреди воды. Нѣкоторые отрицаютъ, что выше звѣзднаго неба могутъ быть воды.

И рече Богъ: да будетъ твердь посреди воды и да будетъ разлучающа посреди воды и воды, и бысть тако. И сотвори Богъ твердь и разлучи Богъ между водою, яже бы подъ твердію, и между водою, яже бы надъ твердію. И видѣ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ и бысть утро, день второй.—О словѣ Божиємъ, которымъ изречено: *да будетъ твердь* и проч., о благоволеніи, по которому Богъ видѣ, яко добро, о вечерѣ и утрѣ нѣтъ надобности повторять здѣсь то, что сказано объ этомъ раньше (предупреждаю, что сколько бы разъ послѣ рѣчь ни возвращалась къ этимъ предметамъ, она должна быть понимаема сообразно съ вышеизложеннымъ изслѣдованіемъ). На очереди теперь у насъ вопросъ о томъ, небо-ли, которое возвышается надъ всѣми воздушными пространствами и надъ всею воздушною высотой, гдѣ въ четвертый день поставляются свѣтила и

звѣзды, создается теперь, или же твердію называется самый воздухъ?

Многіе утверждаютъ, что нашихъ водъ не можетъ быть выше звѣзднаго неба, потому что ихъ тяжесть имѣетъ такое свойство, что онѣ или разливаются по поверхности земли, или же въ видѣ паровъ носятся по близости отъ земли. И никто не долженъ въ опроверженіе ихъ говорить такъ, что по дѣйствию всемогущества Божія, для котораго все возможно, даже и такія тяжелыя воды, какими мы ихъ знаемъ и ощущаемъ, могли разливаться выше того небснаго тѣла, на которомъ находятся звѣзды. Ибо въ настоящемъ случаѣ нашему изслѣдованію подлежитъ вопросъ о томъ, какъ, по указанію Божественныхъ писаній, Богъ установилъ природы вещей, а не о томъ, что было угодно Ему произвести въ нихъ или чрезъ нихъ, какъ чудо Своего могущества. Въ самомъ дѣлѣ, если Богу не угодно было, чтобы масло когда-нибудь оставалось подъ водою, то оно такимъ и явилось, и однако природа его для насъ не неизвѣстна отъ того, что оно сотворено такъ, что, стремясь къ своему мѣсту, даже если бываетъ налито ниже воды, поднимается сквозь воду и помѣщается выше нея. И такъ, вопросъ теперь въ томъ, указалъ-ли Творецъ вещей, расположившій все мѣрою, числомъ и вѣсомъ (Прем. XI, 21), водамъ не одно, свойственное ихъ тяжести, мѣсто возлѣ земли, а и выше неба, которое распростерто и утверждено за предѣлами воздуха?

Тѣ, которые не допускаютъ этого, свои доказательства почерпаютъ изъ тяжести элементовъ, говоря, что небо ни въ какомъ случаѣ не утрамбовано сверху на подобіе мостовой, чтобы могло выдерживать тяжесть водъ, потому что такая плотность можетъ принадлежать только земаѣ и все, что есть плотнаго, будетъ уже не небо, а земля. Вѣдь элементы различаются не мѣстами только, но и особенными

свойствами, благодаря которымъ занимаютъ уже и свои мѣста. Такъ, вода помѣщается на поверхности земли; и если даже она стоитъ или течетъ подъ землею, какъ напр. въ гротахъ и пещерахъ, то все же поддерживается тою частию земли, которая находится не надъ нею, а подъ нею. И если какая-нибудь часть земли падаетъ сверху, то не остается на поверхности воды, а, разсѣвая воду, погружается въ нее и подвигается къ землѣ, достигши которой, останавливается какъ на своемъ мѣстѣ; такъ что вода остается вверху, а земля внизу. Отсюда ясно, что хотя эта часть земли и находилась поверхъ воды, но поддерживалась не самою водою, а связью съ землею, какъ держатся своды пещеръ.

Считаемъ нужнымъ здѣсь снова предостеречь противъ того заблужденія, противъ котораго мы предостерегали въ первой книгѣ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ, въ виду словъ псалма: *Основа землю на водахъ* (Пс. СXXXI⁷, 6), не вздумалъ ссылаться на это свидѣтельство Писаній въ опроверженіе людей, столь тонко разсуждающихъ о тяжести элементовъ: потому что не сдерживаемые авторитетомъ нашихъ Писаній и не зная, въ какомъ смыслѣ сказаны слова псалма, они скорѣе станутъ смѣяться надъ свящ. книгами, чѣмъ отвергнуть то, что или восприняли на несомнѣнныхъ основаніяхъ, или изслѣдовали путемъ очевиднѣйшихъ опытовъ. А между тѣмъ, приведенныя слова псалмовъ могутъ быть принимаемы или какъ прямо фигуральное изреченіе, показывающее, что такъ какъ въ церкви подъ именемъ неба и земли часто обозначаются духовные и плотскіе [люди], то небеса имѣютъ отношеніе къ чистому разумнѣю пестивы, какъ сказано: *Сотворилъ небеса разумомъ* (Пс. СXXXV⁷, 5), а земля—къ простой вѣрѣ простыхъ людей, основывающейся не на баснословныхъ мнѣніяхъ и влѣдствіе того негвердой и ошибочной, а на пророческой и евангельской проповѣди и влѣдствіе того весьма крѣпкой, получающей подтвержденіе

въ крещеніи, почему прибавлено: *Основа землю на водахъ*; или же если кто-нибудь побуждаетъ понимать это изреченіе буквально, то не будетъ натажной разумѣть въ такомъ случаѣ или возвышенныя казъ на материкахъ, такъ и на островахъ части земли, которыя выдаются надъ поверхностію воды, или только своды пещеръ, которые держатся высычею надъ водою массою. Отсюда даже и въ буквальномъ смыслѣ изреченіе: *Основа землю на водахъ* никто не можетъ понимать такъ, чтобы тяжесть воды считать какъ бы естественною поддержкою для тяжести земной.

ГЛАВА II.

Воздухъ выше воды.

А что воздухъ выше и воды, хотя, благодаря обширности своего объема, онъ покрываетъ и сушу, это видно изъ того, что ни одинъ сосудъ, погружаемый горлышкомъ въ воду, не можетъ быть наполненъ водою: ясно, что природа воздуха требуетъ себѣ болѣе высокаго мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, сосудъ кажется пустымъ, но что онъ полонъ воздуха, въ этомъ убѣдимся мы, когда будемъ погружать его въ воду горлышкомъ внизъ: въ такомъ случаѣ воздухъ, не находя себѣ выхода чрезъ верхнюю часть [сосуда], а съ другой стороны, по природѣ своей, не имѣя возможности выдти [изъ сосуда] сверху внизъ вслѣдствіе напора воды снизу, плотностію своею отталкиваетъ воду и не позволяетъ ей входить въ сосудъ. Когда же сосудъ помѣщается такъ, что горлышко его приходится не внизу, а на боку, то нижнею половиною горлышка въ сосудъ входитъ вода, между тѣмъ какъ верхнею выходитъ изъ него воздухъ. Равнымъ образомъ, когда сосудъ поставленъ горлышкомъ вверхъ, то какъ скоро ты вливаешь въ него воду, воздухъ поднимается снизу вверхъ тѣми частями [горлышка], которыя остаются свободными

при вливаніи воды. и даетъ мѣсто входить водѣ сверху внизъ. Если же сосудъ погружается въ воду съ большою силою, такъ что съ боку-ли или сверху вода вдругъ врывается въ него и окружаетъ его горлышко со всѣхъ сторонъ, то воздухъ, стремясь вверху, прорываетъ воду, чтобы дать ей мѣсто въ нижнихъ частяхъ; это-то прорываніе и производитъ бульканье сосудовъ, когда [воздухъ] выходитъ по частямъ, не имѣя возможности выйти разомъ весь по причинѣ узкости горлышка въ сосудѣ. Такимъ образомъ, если воздуху приходится выходить [изъ сосуда] поверхъ воды, то онъ приливающую [къ горлышку сосуда] воду прорываетъ; встрѣчая его сопротивленіе, вода отскакиваетъ приподнимающимися пузырьками и въ этихъ лопочущихся пузырькахъ выпускаетъ воздухъ, который, устремляясь вверху, даетъ въ свою очередь водѣ доступъ проникать на дно сосуда. Если же воздухъ заставляють выходить изъ сосуда подъ воду, желая, съ удаленіемъ его, наполнить сосудъ, погруженный горлышкомъ внизъ, то легче самъ сосудъ, перевернувшись, залется со всѣхъ сторонъ водою, чѣмъ чрезъ его горлышко попадетъ снизу хотя одна капля.

ГЛАВА III.

Огонь выше воздуха.

А кто не знаетъ, что огонь стремится стать выше даже и воздуха, потому что, если даже держать горящій факель верхнимъ концемъ внизъ, голова пламени все же будетъ поднята вверхъ? Но такъ какъ огонь скоро потомъ гаснетъ вслѣдствіе преодолѣвающей его плотности окружающаго сверху и со всѣхъ сторонъ воздуха и, поглощаемый этимъ избыткомъ воздуха, тотчасъ же претворяется и измѣняется въ его качество, то и не можетъ имѣть силы, чтобы проникнуть сквозь всю высоту его. — Итакъ, говорить, выше

воздуха находится чистый огонь, небо, изъ котораго, какъ полагають, созданы звѣзды и свѣтила, т. е. также природа этого огненного свѣта, только шарообразно размѣщенная и разчлененная въ тѣ формы, которыя мы видимъ на небѣ; но какъ воздухъ и вода уступаютъ тяжести земли, такъ что соприкасаются съ землею; такъ съ своей стороны воздухъ уступаетъ тяжести воды, такъ что соприкасается или съ землею, или съ водою. Отсюда, говорятъ, необходимо допустить, что воздухъ, если бы кто-нибудь захотѣлъ допустить какую-либо часть его въ возвышенныхъ небесныхъ пространствахъ, не можетъ, очевидно, держаться тамъ по своей тяжести, какъ скоро онъ соприкасается съ ниже лежащими воздушными пространствами. А отсюда дѣлають такое заключеніе, что для воды еще меньше можетъ быть мѣста выше этого огненного неба, если тамъ не можетъ оставаться и воздухъ, который гораздо легче воды.

ГЛАВА IV.

Воды надъ воздушнымъ небомъ, которое, какъ никто замѣтилъ, называется твердію. Что такое дожди.

Соглашаясь съ подобнаго рода соображеніями, нѣкто сдѣлалъ похвальную попытку доказать, что есть воды выше неба, подтверждая несомнѣнность словъ Писанія изъ самыхъ очевидныхъ и наглядныхъ предметовъ природы. И прежде всего, — что было весьма легко, — онъ ссылается на то, что и воздухъ называется небомъ не только въ обычномъ словоупотребленіи, согласно съ которымъ мы называемъ небо яснымъ или облачнымъ, но даже и въ выраженіяхъ самыхъ наипухъ Писаній, когда въ нихъ говорится о птицахъ небесныхъ (Мѡ. VI, 26), хотя очевидно, что птицы летаютъ въ этомъ воздухѣ; точно также и Господь, говоря объ облакахъ, сказалъ: *Лице небесе умъете разсуждати* (Мѡ. XVI, 3).

Между тѣмъ, облака мы часто видимъ скопляющимися въ ближайшемъ къ землѣ воздухѣ, когда они лежатъ по склонамъ холмовъ такъ, что за предѣлы ихъ весьма часто выходятъ вершины горъ. А довазавъ, что и воздухъ называется небомъ, онъ хотѣлъ тѣмъ дать понять, что небо названо твердо потому именно, что его промежутки служатъ раздѣленіемъ между нѣкоторыми водяными парами и тѣми водами, которыя въ болѣе сгущенномъ видѣ разливаются по землѣ. Ибо и облака, какъ это наблюдали тѣ, кому приходилось гулять среди нихъ по горамъ, получаютъ свою форму вслѣдствіе собранія и сгущенія мельчайшихъ капель; когда эти капли становятся болѣе плотными, такъ что многія маленькія капли соединяются въ одну большую, воздухъ не въ силахъ бываетъ держать такой капли въ себѣ, а даетъ ей тяжести мѣсто визу; отъ чего происходитъ дождь. Такимъ образомъ, изъ понятія о воздухѣ, который находится между влажными испареніями, образующими въ болѣе высокой средѣ облака, и разстилающимися по землѣ морями, онъ хотѣлъ показать, что небо находится между водою и водою. Съ своей стороны я считаю такое тщаніе и соображеніе его вполне достойными похвалы. Ибо высказанное имъ мнѣніе и вѣрѣ не противно, и легко можетъ быть довазано наглядными примѣрами.

[Такимъ это мнѣніе представляется намъ] не смотря на то, что [согласно съ нимъ] свойственная элементамъ тяжесть, по видимому, не препятствуетъ, чтобы даже и надъ высшимъ небомъ могли быть воды въ формѣ мельчайшихъ частицъ, въ видѣ которыхъ онѣ могутъ находиться выше воздушнаго пространства. Воздухъ тяжелѣе высшего неба и расположенъ ниже его, но онъ несомнѣнно легче воды; и однако упомянутымъ испареніямъ никакая тяжесть не препятствуетъ быть выше его. Точно такъ же еще болѣе тонкое испареніе влаги въ видѣ еще болѣе мел-

нихъ капель можетъ проникать и выше того неба, не вынуждаемое къ паденію вслѣдствіе своей тяжести. Вѣдь сами же они путемъ утонченнѣйшей аргументаціи доказываютъ, что нѣтъ ни одного настолько малаго тѣльца, въ которомъ обанчивалась бы дѣлимость, но все дѣлится до безконечности, такъ какъ часть каждаго тѣла въ свою очередь есть тѣло, а каждое тѣло необходимо имѣетъ половину своего количества. Отсюда, если вода, какъ мы видимъ, можетъ достигать такой дробноты капель, чтобы въ видѣ пара подниматься выше воздуха, по природѣ своей болѣе легкаго, чѣмъ вода; то почему же въ видѣ еще болѣе мелкихъ капель и болѣе легкихъ испареній не можетъ она быть и выше того легчайшаго неба?

ГЛАВА V.

Воды надъ звѣзднымъ небомъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ пытаются опровергнуть людей, отрицающихъ на основаніи тяжести элементовъ возможность бытія воды выше звѣзднаго неба, выходя при этомъ изъ понятія о свойствахъ и движеніи звѣздъ. Они именно утверждаютъ, что такъ называемая звѣзда Сатурна — самая холодная звѣзда, и что звѣздный свой путь она проходитъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, потому что движется по кругу болѣе высокому и вслѣдствіе того болѣе обширному ¹⁾. Ибо солнце проходитъ свой кругъ втеченіе года, а луна — втече-

1) По астрономическому воззрѣнію древнихъ, земля занимаетъ неподвижный центръ вселенной; около нея въ концентрическихъ, постепенно отъ нея удаляющихся и приближающихся къ небу, кругахъ движутся семь планетъ: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Всѣ и вокругъ вселенной занимаетъ мѣсто небо, которое въ свою очередь совершаетъ круговое движеніе, но противоположное движенію планетъ

не мѣсяца, т. е. настолько, говорятъ, скорѣе, насколько они находятся ниже, такъ что мѣсту ихъ въ пространствѣ соотвѣтствуетъ продолжительность времени [круговращенія ихъ]. Отъ чего же, спрашивается, звѣзда Сатурна такъ холодна, когда она должна бы быть тѣмъ болѣе горячею, чѣмъ въ болѣе высокомъ небѣ носится? Несомнѣнно, что, когда шарообразная масса совершаетъ круговое движеніе, то внутреннія его части движутся медленнѣе, а наружныя скорѣе, такъ что въ одномъ и томъ же круговомъ движеніи одновременно большія пространства встрѣчаются съ кратчайшими. Но что болѣе быстро, то, конечно, болѣе и горячо. Отсюда упомянутая звѣзда скорѣе должна бы быть горячею, чѣмъ холодною: потому что хотя вслѣдствіе своего движенія, описывающаго огромное пространство, она проходитъ полное свое круговращеніе втеченіе тридцати лѣтъ, однако, вращаемая движеніемъ неба въ противоположную сторону сильнѣе (что необходимо испытываетъ она ежедневно, такъ какъ, говорятъ, отдѣльныя вращенія неба соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ днямъ), она должна получать большій жаръ отъ быстрѣе вращающагося неба. Холодною эту звѣзду дѣлаетъ безъ сомнѣнія близость ея къ расположеннымъ поверхъ неба водамъ, которой однако не хотять допустить люди, разсуждающіе о движеніи неба и звѣздъ такъ же, какъ это мною вкратцѣ представлено.—Вотъ соображенія, какія нѣкоторыя изъ нашихъ приводятъ противъ тѣхъ, которые не хотять вѣрить въ бытіе воды выше неба, а между тѣмъ эту, вращающуюся около высшаго неба, звѣзду признаютъ холодною, и тѣмъ самымъ необходимо приводятся къ мысли, что природа воды находится тамъ уже не въ видѣ тонкихъ испареній, а въ формѣ плотнаго льда. Но въ какомъ бы видѣ и какія бы тамъ воды ни существовали, несомнѣнно, что онѣ тамъ существуютъ, потому что авторитетъ Писаній гораздо выше всякихъ широковѣщательныхъ человѣческихъ измышлений.

ГЛАВА VI.

О добавленныхъ словахъ: И сотвори Богъ и проч.: дѣлается-ли въ нихъ указаніе на Лице Сына Божія.

Но нѣкоторые дѣлають такое, по моему мнѣнію заслуживающее нашего вниманія, замѣчаніе, что, послѣ словъ Бога: *Да будетъ твердь посреди воды и да будетъ разлучающа посреди воды и воды*, [писателю] не даромъ—де показалось, что недостаточно будетъ прибавить: *И бысть тако*, если не сдѣлать еще добавленія: *И созда Богъ твердь, и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію и между водою, яже бѣ надъ твердію*. Они именно понимаютъ такъ, что въ словахъ: *И рече Богъ: да будетъ твердь посреди воды и да будетъ разлучающа посреди воды и воды, и бысть тако*, сдѣлано, говорятъ, указаніе на Лице Отца; затѣмъ, для указанія, что сказанное Отцемъ: *да будетъ* исполнилъ Сынъ, сдѣлано, думается имъ, добавленіе: *И сотвори Богъ твердь и раздѣли Богъ*, и проч.

Но когда мы выше читаемъ: *И бысть тако*, то кого должны мы разумѣть подъ тѣмъ, отъ Кого это *бысть*? Если—Сына: въ такомъ случаѣ не зачѣмъ уже было говорить: *И сотвори Богъ*, и т. д. Если же это *и бысть тако* мы признаемъ дѣломъ Отца: въ такомъ случаѣ говорить уже не Отецъ, и творить не Сынъ,—въ такомъ случаѣ Отецъ можетъ творить нѣчто безъ Сына, чтобы и Сынъ затѣмъ творилъ что-нибудь безъ Отца; что противно католической вѣрѣ. Если же то дѣйствіе, о которомъ говорится: *и бысть тако*, есть тоже самое дѣйствіе, о которомъ говорится и дальше въ словахъ: *И сотвори Богъ*, то что мѣшаетъ намъ подъ Творцемъ этого дѣйствія разумѣть Того же, Кто и сказалъ, чтобы дѣйствіе это совершилось? Или, быть можетъ, минуя слова: *и бысть тако*, Лице Отца и Сына хотять видѣть только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ

говорится: *И рече Богъ: да будетъ*, а затѣмъ: *И сотвори Богъ?*

Но при этомъ возможенъ такой вопросъ, не должны-ли мы въ словахъ: *И рече Богъ: да будетъ*, видѣть какъ бы призвазаніе Отца Сыну? Въ такомъ случаѣ почему же Писаніе не постаралось показать также и Лице Духа Святаго? Развѣ не разумѣется-ли Троица такимъ образомъ: *И рече Богъ: да будетъ, — И сотвори Богъ, — И видѣ Богъ яко добро?* Но съ единствомъ Троицы не согласно представленіе, что Сынъ творилъ какъ бы по приказанію, Духъ же Святый находилъ сотворенное добрымъ свободно и безъ всякаго призвазанія. Да и какими бы словами Отецъ сталъ приказывать Сыну творить, когда Сынъ есть первоначальное Слово Отца, чрезъ Которое создано все? Развѣ въ словахъ: *да будетъ твердь* самое изреченіе это не есть-ли Слово Отца, Его едиnorodный Сынъ, въ Которомъ имѣетъ бытіе все, что творится и даже раньше, чѣмъ оно творится, а все, что только имѣетъ въ Немъ бытіе, есть жизнь, такъ какъ все, что только Имъ сотворено, въ немъ Самомъ представляетъ собою жизнь и жизнь, пооченно, творческую, внѣ же Его (sub illo)—тварь? Поэтому иначе существуетъ въ Немъ то, что Имъ создано, потому что Онъ имъ управляетъ и содержитъ его, и иначе—то, что—Онъ Самъ. Ибо Самъ Онъ есть жизнь, которая въ Немъ существуетъ такимъ образомъ, что она—Самъ Онъ, потому что Онъ, какъ жизнь, есть свѣтъ чelовѣковъ (Іоан. 1, 3. 4). Вотъ почему Писаніе,— такъ какъ ничто не могло быть сотворено ни раньше времени, что не было бы совѣчно Творцу, ни въ началѣ или втеченіе времени, идея (ratio) о создании чего (если только здѣсь приложимо названіе идеи) не жила бы совѣчною совѣчному слову Отца жизнью,— раньше указанія на ту или другую тварь въ порядкѣ ихъ творенія, и обращаетъ взоръ свой въ Слово Бога, поставляя слова: *И рече Богъ да бу-*

детъ. Оно не находить никакаѣй другой причины къ создавію вещи, кромѣ той, что она должна быть сотворена въ Словѣ Бога.

Такимъ образомъ, Богъ не столько разъ изрекъ: „да будетъ та или другая тварь“, сколько разъ въ этой книгѣ повторяется: *и рече Богъ*. Ибо Онъ однажды родилъ Слово, въ которомъ изрекъ все, прежде чѣмъ все создано въ отдѣльности; но повѣствованіе пишущаго, приимѣняясь къ пониманію малыхъ, при указаніи каждаго рода тварей въ частности, вѣчную причину того или другаго рода тварей въ отдѣльности относить къ Слову Бога: самая причина эта не повторялась, хотя авторъ и повторяетъ: *и рече Богъ*. И въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ раньше всего хотѣлъ сказать: „была сотворена твердь среди водъ, чтобы служить раздѣленіемъ между водою и водою“, то въ случаѣ, если бы кто-нибудь спросилъ его, какъ она сотворена, онъ, конечно, отвѣтилъ бы такъ: *рече Богъ: да будетъ*, т. е. въ вѣчномъ Словѣ Божиѣмъ была причина того, чтобы твердь явилась. Отсюда, повѣствованіе свое о каждомъ видѣ творенія онъ начинаетъ съ того, что долженъ былъ бы, послѣ разсказа о сотвореніи, отвѣтить спрашивающему, какъ оно произошло, т. е. съ указанія причины.

Итакъ, когда мы слышимъ слова: *и рече Богъ: да будетъ*, то должны понимать ихъ такъ, что причина этого *да будетъ* заключалась въ Словѣ Бога. Когда же слышимъ: *и бысть тако*, должны разумѣть, что сотворенная тварь не выступила за предѣлы своего рода, предписанные ей въ Словѣ Бога. Когда, наконецъ, слышимъ: *и видѣ Богъ, яко добро*, должны разумѣть не такъ, что въ благоволеніи Его Духа угодно было подвергнуть [сотворенное] какъ бы испытыванію послѣ того, какъ оно было сотворено, а скорѣе такъ, что этой благодати, которой было угодно вызвать сотворенное въ бытію, угодно было, чтобы оно и продолжало существовать.

ГЛАВА VII.

О томъ же предметъ.

И все же остается еще поводъ спросить, почему послѣ словъ: *и бысть тако*, которыми уже указывается на совершеніе дѣйствія, [писатель] прибавилъ: *и сотвори Богъ*; такъ какъ уже и словами: *и рече Богъ: да будетъ...* и *бысть тако* дается понять, что Богъ изрекъ это въ Словѣ Своемъ и что оно сотворено Его Словомъ, и такимъ образомъ въ словахъ тѣхъ могло указываться не только Лице Отца, но и Лице Сына? Ибо если для указанія Лица Сына повторяется и говорится: *и сотвори Богъ*; то развѣ въ третій день собралъ Онъ воду, чтобы явилась суша, не чрезъ Сына, потому что тамъ не сказано: „и сотворилъ Богъ, что вода собралась“, или: „и собралъ Богъ воду“, хотя, впрочемъ, и тамъ, послѣ словъ: *и бысть тако*, повторяется: *и собрася вода, яже подѣ небесемъ?* Развѣ и свѣтъ созданъ также не чрезъ Сына, такъ какъ и тамъ не сдѣлано же такого повторенія? Писатель могъ и тамъ сказать: „и сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и было такъ; и создалъ Богъ свѣтъ, и видѣлъ, что онъ хорошъ“, или же, какъ и при собраніи водъ, не говоря: „и создалъ Богъ“, но крайней мѣрѣ повторить только: „и сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и было такъ; и былъ свѣтъ, и видѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ“. Но сказавъ: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ*, онъ не дѣлаетъ никакого прибавленія и не вноситъ ничего, кромѣ словъ: *и бысть свѣтъ*; и затѣмъ безъ всякаго повторенія говорить о благоугодности свѣта Богу, объ отдѣленіи его отъ тьмы и о нареченіи имъ имень.

ГЛАВА VIII.

Почему относительно свѣта не сдѣлано добавленія: И созда Богъ, какъ это дѣлается обыкновенно относительно другихъ твореній.

Что же значить это повтореніе относительно другихъ [твореній]? Развѣ не указывается-ли тѣмъ на то, что въ первый день, когда созданъ свѣтъ, названіемъ этого свѣта внушается намъ о созданіи духовной и разумной твари, въ природѣ которой разумѣются всѣ святыя Ангелы и Силы, и писатель, сказавши: *бысть свѣтъ*, не сдѣлалъ потомъ повторенія о его сотвореніи потому, что разумная тварь не познала сперва о своемъ образованіи, а потомъ уже образована, но имѣла познаніе о томъ въ самомъ образованіи своемъ, т. е. чрезъ просвѣщеніе Истины, стремясь въ которой получила свою форму; тогда какъ остальные низшія твари создаются такъ, что сначала являются въ познаніи разумной твари, а затѣмъ уже и въ своемъ родѣ? Откуда, созданіе свѣта сначала существуетъ въ Словѣ Бога — въ идеѣ (*secundum rationem*), по которой онъ потомъ созданъ, т. е. въ совѣчной Отцу Премудрости, а затѣмъ уже — въ самомъ созданіи въ той природѣ, въ которой онъ сотворенъ: тамъ онъ не созданъ, а рожденъ, здѣсь же онъ уже созданъ, потому что изъ безформенности получилъ форму; почему Богъ и сказалъ: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, дабы то, что тамъ было въ Словѣ, теперь явилось въ дѣйствиіи. Между тѣмъ, устройство неба сначала существовало въ Словѣ Бога сообразно съ рожденною Премудростію, затѣмъ устроилось въ духовной твари, т. е. въ познаніи ангеловъ, согласно съ сотворенною въ нихъ мудростію, и наконецъ создано самое небо, дабы явилось уже самое сотвореніе неба въ его собственномъ родѣ. Точно такъ же являлись и различеніе или виды воды и

земли, природа деревъ и травъ, свѣтила небесныя, живыя твари, произведенныя изъ воды и земли.

И въ самомъ дѣлѣ, ангелы видятъ чувственные предметы не тѣлесными только чувствами, какъ животныя: если даже они и пользуются какимъ-либо подобнымъ органомъ, то скорѣе познаютъ имъ то, что внутренно знаютъ уже гораздо лучше въ самомъ Словѣ Бога, которымъ просвѣщаются, чтобы жить мудро, такъ какъ они-то и суть тотъ свѣтъ, который созданъ прежде всего, если только подъ сотвореннымъ въ первый день свѣтомъ разумѣть свѣтъ духовный. Поэтому, какъ идея (ratio), по которой создается тварь, существуетъ въ Словѣ Бога раньше созданія самой твари: такъ точно сначала является познаніе этой идеи въ разумной твари, которая не помрачена грѣхомъ, а потомъ уже—созданіе и самой твари. Ибо ангелы не усовершенались, подобно намъ, въ приобрѣтеніи мудрости, постигая невидимое Божіе чрезъ разсмотрѣніе сотвореннаго (Римл. I, 20), а съ самаго сотворенія своего наслаждаются святою вѣчностію и благоговѣйнымъ созерцаніемъ Слова, и отселѣ, взирая на сотворенное съ точки зрѣнія того, что видятъ внутренно, они или одобряютъ дѣйствія справедливыя, или же осуждаютъ грѣхи.

И не удивительно, что своимъ святымъ Ангеламъ, получившимъ образованіе въ первомъ созданіи свѣта, Богъ показывалъ то, что намѣренъ былъ сотворить потомъ. Ибо они не знали бы разума Божія, если бы не открылъ имъ того Богъ. *Кто бо разумъ умъ Господень; или кто советникъ Ему бысть; или кто прежде даде Ему и воздастся ему; яко изъ того и тьма и въ немъ всяческая* (Римл. XI, 34—36). Поэтому ихъ наставлялъ Самъ Богъ, когда въ нихъ являлось познаніе о твари, которая должна была быть сотворена потомъ и которая наконецъ являлась въ своемъ родѣ.

Отсюда, когда, по созданіи свѣта, подѣ которымъ разумѣется получившая образованіе отъ вѣчнаго Свѣта разумная тварь, мы слышимъ о созданіи прочихъ тварей слова: *и рече Богъ: да будетъ*, то должны разумѣть подѣ симъ намѣреніе Писанія обратить нашъ взоръ къ вѣчности Слова Бога. А когда мы слышимъ слова: *и бысть тако*, то должны разумѣть подѣ симъ возникавшее въ разумной твари познаніе существующей въ Словѣ Бога идеи (*ratio*) о созданіи твари; такъ что эта послѣдняя нѣкоторымъ образомъ творится сначала въ той твари, которая вслѣдствіе нѣкотораго предварительнаго движенія въ самомъ Словѣ Бога первая узнавала о созданіи твари. Когда, затѣмъ, мы слышимъ повтореніе словъ: *сотвори Богъ*, то подѣ симъ должны разумѣть уже появленіе самой твари въ своемъ родѣ. Наконецъ, когда слышимъ слова: *и видѣ Богъ, яко добро*, должны разумѣть ихъ такъ, что Благости Божіей угодно сотворенное, — угодно, чтобы продолжало существовать по роду своему то, что угодно Ей было вызвать къ бытію, когда Духъ Божій носился вверху воды.

ГЛАВА ІХ.

О фигурѣ неба.

Спрашиваютъ, обыкновенно, и о томъ, какою по нашимъ Писаніямъ форму надобно приписывать небу. — Многіе входятъ въ длинныя разсужденія о подобныхъ предметахъ, которые нашими авторами съ гораздо большимъ благоразуміемъ опущены, какъ бесполезныя для блаженной жизни и, — что еще хуже, — теряютъ при этомъ драгоценное время, которое должно быть посвящаемо спасительнымъ предметамъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, мѣсто дѣло, со всѣхъ-ли сторонъ небо, какъ шаръ, окружаетъ землю, занимающую центральное мѣсто въ системѣ міра, или же покрываетъ ее съ одной верхней стороны, какъ кругъ? Но такъ какъ дѣло тутъ

касается достовѣрности Писаній, то чтобы кто-нибудь (какъ я не разъ уже на это указывалъ), не разумѣя божественныхъ словесъ, но или встрѣчая въ нашихъ книгахъ, или же слыша изъ нихъ о подобныхъ предметахъ что-нибудь такое, что, по видимому, противорѣчитъ сложившимся у него воззрѣніямъ, не сталъ считать совершенно бесполезнымъ и все остальное въ ихъ увѣщаніяхъ, или повѣствованіяхъ, или пророчествахъ, надобно сказать вообще, что авторы наши имѣли правильное познаніе о фигурѣ неба, но Духу Божію, который говорилъ чрезъ нихъ, не угодно было, чтобы они учили людей о подобныхъ, бесполезныхъ для спасенія, предметахъ.

Но, скажутъ, какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не будетъ воззрѣнію людей, приписывающихъ небу фигуру шара, противорѣчіемъ написанное въ нашихъ книгахъ: *простирай небо яко кожу* (псал. 103, 2)? Пусть и будетъ противорѣчіемъ, если то, что говорятъ они, ложно, ибо изреченное божественнымъ авторитетомъ—скорѣе истинно, чѣмъ догадки, которыя строить человѣческая немощность. Но если бы неожиданно это свое воззрѣніе они оказались въ состояніи оправдать такими объясненіями, которыя бы на его счетъ не оставляли уже никакого сомнѣнія, въ такомъ случаѣ мы должны показать, что наше изреченіе о кожѣ ихъ воззрѣнію не противорѣчитъ, иначе оно станетъ въ противорѣчіе съ самыми же нашими Писаніями, которыя въ другомъ мѣстѣ говорятъ, что небо простерто какъ шатерь (Иса. XL, 22). И въ самомъ дѣлѣ, что въ такой степени несходно и одно другому противоположно, какъ плоско протянутая кожа и дугообразно-закругленный шатерь? Но разъ эти два [мѣста], какъ тому и слѣдуетъ быть, необходимо понимать такъ, чтобы они одно съ другимъ были согласны и одно другому не противорѣчили: въ такомъ случаѣ и каждое изъ нихъ не должно быть въ противорѣчій съ упомянутыми воззрѣніями (если бы неожиданно они оказались вѣрными, опираясь на

несомнѣнное основаніе), по которымъ небо является со всѣхъ сторонъ закругленнымъ на подобіе шара, если только, впрочемъ, можно доказать это.

И дѣйствительно, наше сравненіе [неба] съ шатромъ, принимаемое даже и буквально, не представляетъ затрудненія для тѣхъ, которые называютъ небо шаромъ. Весьма вѣроятно, что о фигурѣ неба Писаніе говоритъ сообразно съ тою его стороною, которая находится надъ нами. Отсюда, если небо не шаръ, то оно—шатеръ съ одной только стороны, которою покрываетъ землю, а если—шаръ, то—шатеръ со всѣхъ сторонъ. Но о кожѣ связанное примирить не только съ шаромъ, что, можетъ быть, составляетъ только человѣческое измышленіе, но даже и съ нашимъ шатромъ, труднѣе. Какъ настоящее изреченіе я понимаю аллегорически, это содержится въ тринадцатой книгѣ моей *Исповѣди* ¹⁾. Такъ-ли, какъ я тамъ изъяснилъ, или какъ-нибудь иначе надобно понимать небо простертое, какъ кожа, — въ настоящемъ случаѣ, въ виду строгихъ и крайнихъ почитателей буквальнаго изъясненія, я говорю о томъ, что, полагаю, доступно чувствамъ всякаго: можетъ быть, можно понимать то и другое, т. е. и кожу и шатеръ, и иносказательно, но вопросъ въ томъ, какъ можно понимать то и другое буквально. Но если шатеръ называется правильно не только изогнутымъ [по своей поверхности], а и плоскимъ, то въ свою очередь и кожа бываетъ простерта не только ровною поверхностью, но и закругленнымъ изгибомъ. Ибо и мѣхъ, и пузырь суть тоже кожа.

ГЛАВА X.

О движеніи неба.

Нѣкоторые изъ братій предлагаютъ вопросъ даже о движеніи неба, допытываясь, стоитъ-ли оно неподвижно, или

¹⁾ Lib. XIII, cap. 13.

движется. Если, говорятъ, оно движется, то какъ будетъ твердію? А если стоитъ неподвижно, то какимъ образомъ звѣзды, на немъ, какъ думаютъ, утвержденныя, совершаютъ круговое движеніе съ востока на западъ, при чемъ септентріоны ¹⁾ описываютъ вратчайшіе круги около полюса; такъ что небо, если существуетъ другой, скрытый отъ насъ по другую его сторону, полюсъ, вращается, очевидно, на подобіе шара, а если нѣтъ другого полюса, на подобіе круга?—На это я отвѣчу, что для правильнаго пониманія, такъ-ли все это, или не такъ, произведено множество изслѣдованій людьми трудолюбивыми и съ тонкимъ умомъ; входитъ въ разсмотрѣніе подобныхъ вопросовъ у меня теперь нѣтъ времени, да не должно его быть и у тѣхъ, которыхъ мы хотимъ наставить въ видахъ собственнаго ихъ спасенія и потребной пользы нашей святой церкви. Пусть только знаютъ они, что какъ названіе тверди не ведетъ насъ необходимо къ мысли, что небо стоитъ неподвижно (ибо твердь называется твердію, можно думать, не по причинѣ неподвижности, а по причинѣ твердости, въ виду-ли своей собственной твердости или же потому, что служить предѣломъ, разграничивающимъ высшія воды отъ низшихъ), такъ, съ другой стороны, и движеніе свѣтилъ не мѣшаетъ намъ признать неподвижность неба, если только истина убѣдитъ насъ, что оно стоитъ неподвижно. Ибо и тѣ сами, которые весьма тщательно и безраздѣльно занимались изслѣдованіемъ этого вопроса, пришли къ заключенію, что если бы даже небо оставалось неподвижнымъ, а вращались одни только свѣтила, то и тогда могло бы происходить все, что наблюдается и отърывается въ обращеніи свѣтилъ.

1) Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы, расположенныя, по астрономическимъ представленіямъ древнихъ, на небѣ у сѣвернаго полюса.

ГЛАВА ХІ.

О 9 и 10 стихахъ Бытія.

И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино и да явится суша: и бысть тако. И собрался вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и явися суша. И нарече Богъ сушу землю и собранія водъ нарече моря. И видѣтъ Богъ, яко добро.—Объ этомъ дѣйствии Божіемъ, по поводу, впрочемъ, изслѣдованія другого предмета, мы достаточно сказали въ первой книгѣ ¹⁾. Поэтому здѣсь замѣтимъ только вкратцѣ, что кого не занимаетъ вопросъ, когда именно сотворенъ самый видъ воды и земли, тотъ пусть думаетъ такъ, что въ этотъ день произведено только раздѣленіе этихъ двухъ низшихъ стихій. Кого же занимаютъ вопросы, почему свѣтъ и небо сотворены во дни, тогда какъ земля и вода созданы внѣ и раньше всякихъ дней, и почему первые по слову Божію: *да будетъ* сотворены, а послѣднія, по слову Божію, только раздѣлены, а не сотворены, тотъ пусть при помощи здравой вѣры разумѣетъ то, что Писаніе говоритъ еще до начала дней: *земля же бѣ невидима и неустроена*, внушая тѣмъ, какого рода сотворена была Богомъ земля, о которой раньше сказано: *въ началѣ Богъ сотвори небо и землю*. Это именно безобразіе тѣлесной матеріи Писаніе и имѣетъ въ виду обозначить вышеприведенными словами, давая ему [теперь], вмѣсто болѣе темнаго, болѣе употребительнаго названіе. Пусть, однако, человѣкъ несообразительный не подумаетъ, что Писаніе, раздѣляя матерію и форму словами, раздѣляетъ ихъ и по времени, какъ бы такъ, что раньше сотворена матерія, а потомъ уже, чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, придана ей форма. Ту и другую Богъ сотворилъ одновременно и произвелъ матерію уже сформированную, и только безобразіе этой матеріи, какъ я сказалъ, Писаніе обозначаетъ [теперь] употре-

¹⁾ См. выше, кн. I, гл. XII и XIII.

бительнымъ названіемъ земли или воды. Ибо земля и вода даже и съ своими свойствами, какъ мы ихъ наблюдаемъ, гораздо ближе, по своей повреждаемости, къ безобразію, чѣмъ небесныя тѣла. И такъ какъ все, что въ матеріи имѣло форму, исчисленіемъ дней отчисляется отъ безобразнаго и изъ этой [отчисленной] тѣлесной матеріи, какъ сказано выше [бытописателемъ], сотворено небо, видъ котораго сильно отличенъ отъ земнаго: то остававшееся, послѣ того, въ матеріи для образованія въ низшей области вещей [Писаніе] не захотѣло уже включать въ порядокъ сотворенныхъ вещей словами: *да будетъ*, потому что, при оставшемся безобразіи, оно не могло уже получить такого вида, какой получило небо, а низшій, непрочный и близкій къ безобразію. Отсюда, при произнесеніи словъ: *да соберется вода...* и *да явится суша*, эти двѣ стихіи получили свои, намъ хорошо извѣстные и наблюдаемые нами, виды, вода—подвижный, а земля—неподвижный; поэтому и сказано о первой *да соберется*, а о послѣдней *да явится*, такъ какъ вода—быстро текущая, а земля—твердо неподвижная стихія.

ГЛАВА XII.

Объ 11, 12 и 13 стихахъ Бытія.

И рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное, стьющее стмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же стмя его въ немъ по роду на земли: и бысть тако. И изнесе земля быліе травное стьющее стмя по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же стмя его въ немъ по роду на земли. И видъ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ и бысть утро день третій.—Здѣсь примѣчанія заслуживаетъ это ограниченіе бытописателя: травы и деревья суть творенія отличныя отъ вида воды и земли, такъ что не могли уже считаться въ этихъ стихіяхъ, поэтому о нихъ особо изречено Богомъ, чтобы они вышли изъ земли, и особо же сказано о нихъ обычное: *и бысть тако*,—повторено потомъ, что

они таѣ и произошли, и особо сдѣлано о нихъ указаніе, что *видѣ Богъ, яко добро*; однако, бытописатель отвесъ и ихъ къ тому же дню, потому что своими корнями они соединены и связаны съ землею.

ГЛАВА XIII.

О 14 и 15 стихахъ Бытія.—Почему свѣтила сотворены въ четвертый день.

И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесный освѣщати землю, въ начало дня и ночи, и разлучати между днемъ и между ночью и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лета. И да будутъ въ просвѣщеніе на тверди небесный, яко свѣтити по земли: и бысть тако. И сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ начала дне и свѣтило меньшее въ начала ночи, и звѣзды. И положи я Богъ на тверди небесный, яко свѣтити на землю и владѣти днемъ и ночью и разлучати между свѣтомъ и между тьмою: и видѣ Богъ, яко добро. И бысть вечеръ и бысть утро день четвертый.— Въ этомъ четвертомъ днѣ изслѣдованія заслуживаетъ вопросъ, почему избранъ такой распорядокъ, что земля и вода сотворены и раздѣлены между собою, а земля произрастила быліе травное раньше, чѣмъ явились на небѣ свѣтила. Не можемъ сказать, чтобы [свѣтила] въ этомъ случаѣ избраны были, какъ нѣчто такое, чѣмъ вносилось бы въ рядъ дней такое разнообразіе, чтобы конецъ и середина ихъ являлись въ наибольшей красотѣ (а въ семи дняхъ четвертый день—средній),—не можемъ потому, что въ седьмой день не создано никакой твари. Развѣ, можетъ быть, покою седьмаго дня всего болѣе соотвѣтствуетъ свѣтъ перваго, таѣ что, при соотвѣтствіи крайнихъ предѣловъ, и получается упомянутая гармонія, когда въ срединѣ выступаютъ небесныя свѣтила? Но если первый день соотвѣтствуетъ седьмому, въ такомъ случаѣ второй долженъ соотвѣтствовать шестому. А что же сходнаго твердь небесная имѣетъ съ человѣкомъ, созданнымъ по образу Божію? Развѣ то, что небо занимаетъ всю выс-

шую часть міра, а человѣку предоставлена власть господствовать надъ всею низшею? Но что же сказать о животныхъ и звѣряхъ, которыхъ, въ нѣкоторомъ родѣ, произвела земля въ шестой день, — какое у нихъ возможно сходство съ небомъ?

А можетъ быть, [тутъ возможно скорѣе такое объясненіе:] такъ какъ подъ именемъ свѣта разумѣется впервые сотворенное образованіе духовной твари, то слѣдовало, чтобы создана была и тѣлесная тварь, т. е. нашъ видимый міръ, который и сотворенъ въ два [слѣдующіе] дня по причинѣ двухъ наибольшихъ половинъ, изъ коихъ состоитъ вселенная (почему и сама духовная и тѣлесная тварь, вмѣстѣ взятая, часто называется небомъ и землею); такъ что область воздуха своимъ наиболѣе бурнымъ слоемъ относится къ земной половинѣ, потому что вслѣдствіе влажныхъ испареній воздухъ здѣсь становится плотнымъ тѣломъ, тогда какъ болѣе спокойнымъ слоемъ, гдѣ не можетъ быть уже движеній вѣтровъ и бурь, онъ принадлежитъ небесной половинѣ. А разъ образована была такая совокупность тѣлесной массы, вся находящаяся въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ помещенъ міръ, слѣдовало, чтобы внутри она наполнилась частями, которыя бы свойственными каждой движеніями перемѣщались съ одного мѣста на другое. Къ этому порядку не могутъ относиться травы и деревья, потому что своими корнями они прикрѣплены къ землѣ, и хотя при своемъ ростѣ испытываютъ движеніе соковъ, однако сами не обладаютъ способностью передвиженія съ мѣста на мѣсто, а гдѣ прикрѣплены, тамъ и питаются и вырастаютъ, вслѣдствіе чего принадлежать больше къ самой землѣ, чѣмъ къ разряду существъ, которыя движутся въ водѣ и на землѣ. А такъ какъ образованію видимаго міра, т. е. неба и земли, посвящены два [первые] дня, то для тѣхъ движущихся и видимыхъ частей, которыя, потомъ, творятся внутри міра, отведены остальные три дня. И такъ какъ, при этомъ, небо

и сотворено раньше, и раньше украшено этого рода частями, то въ четвертый день и являются свѣтила, которыя бы, сіяя надъ землею, вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщали и низшую область, чтобы ея обитатели не оставались въ темнотѣ. Отсюда, въ виду того, что слабыя тѣла обитателей низшей области возстаноятся смѣняющимъ движеніе покоемъ, и устроено такъ, чтобы, при круговращеніяхъ солнца, они пользовались смѣною дня и ночи, въ видахъ смѣны бодрствованія сномъ, и чтобы, при этомъ, и самая ночь не оставалась безъ украшенія, а свѣтомъ луны и звѣздъ поддерживала бодрость въ людяхъ, которымъ весьма часто приходится работать ночью, и служила къ благобытію нѣкоторыхъ животныхъ, которыя не выносятъ солнечнаго свѣта.

ГЛАВА XIV.

Какимъ образомъ свѣтила служатъ въ знаменія, и во времена, и во дни и въ лѣта.

Что касается словъ: *и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни и въ лѣта*, то для бога не очевидно, какъ темно для пониманія, что время началось съ четвертаго дня, какъ будто три предыдущіе дня могли проходить безъ времени? Кто въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ проходили эти три дня раньше, чѣмъ наступило время, которое, какъ говорится здѣсь, началось съ четвертаго дня, да и проходили-ли? Развѣ не прилагается-ли въ этомъ случаѣ названіе дня къ виду сотворенной вещи, а названіе ночи — къ отсутствію вида; такъ что ночью названа еще не получившая образованія и вида матерія, изъ которой должны были получить образованіе дальнѣйшіе предметы, какъ дѣйствительно и можно въ вещахъ, получившихъ образованіе, усматривать безобразіе матеріи въ самой ихъ измѣняемости, ибо матерія не можетъ различаться ни по пространству, какъ нѣчто болѣе отдаленное, ни по времени, какъ нѣчто предшествующее? А можетъ быть, ночью названа самая измѣняемость въ самыхъ уже предметахъ сотворенныхъ и по-

лучившихъ образованіе, т. е., какъ выразился бы я, возможность измѣняться, такъ какъ сотвореннымъ предметамъ свойственно измѣняться, хотя бы они и не измѣнялись? Вечеръ же и утро [названы такъ] не въ смыслѣ прошедшаго и наступающаго времени, а въ смыслѣ предѣла, которымъ указывается, до коихъ поръ простираются свойственныя тагой или иной природѣ границы и откуда начинаются границы другой слѣдующей природы; а можетъ быть, надобно искать какого-нибудь другаго еще смысла этихъ словъ.

Кто опять проникнетъ въ смыслъ словъ: *и да будутъ въ знаменія*, и пойметъ, какія тутъ разумѣются знаменія? Во всякомъ случаѣ, рѣчь здѣсь не о тѣхъ знаменіяхъ, наблюдать которыя—дѣло пустое, а, безъ сомнѣнія, о знаменіяхъ, которыя полезны и необходимы въ бытѣ настоящей жизни,—которыя наблюдаются или морями при кораблеплаваніи, или же всѣми вообще людьми съ цѣлю предугадать состояніе температуры весною и зимою, лѣтомъ и осенью. Съ другой стороны, и подъ временами, которыя тутъ представляются въ зависимости отъ звѣздъ, разумѣется не продолжительность времени, а перемѣна состояній температуры. Ибо если и раньше созданія свѣтилъ существовало какое-нибудь тѣлесное-ли или духовное движеніе, такъ что изъ области ожидаемаго будущаго нѣчто чрезъ настоящее переходило въ прошедшее, движеніе это не могло быть безъ времени. А кто можетъ отрицать, что подобное движеніе началось только съ появленіемъ свѣтилъ? Но часы, дни и годы въ томъ опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ, получили свое начало отъ движенія свѣтилъ. Отсюда, если времена мы будемъ понимать въ этомъ именно смыслѣ, т. е. какъ извѣстные моменты [времени], опредѣляемые нами по часамъ, или же хорошо намъ извѣстные по небу, когда солнце поднимается съ востока до полуденнаго зенита, а отсюда спускается, потомъ, къ западу, чтобы вслѣдъ за закатомъ солнца могла съ востока же взойти или луна или

какая-нибудь другая планета, которая, достигая срединной высоты неба, указывает средину ночи, а когда, съ восходомъ солнца, готова закатиться, наступаетъ утро: то днями будутъ полныя круговращенія солнца съ востока на востокъ, а годами — или обыкновенныя круговращенія солнца, которыя оно совершаетъ возвращаясь не на востокъ, что оно дѣлаетъ ежедневно, а къ тѣмъ же самымъ мѣстамъ созвѣздій¹⁾, что совершается только по истеченіи трехъ сотъ шестидесяти пяти дней и шести часовъ (т. е. четверти полнаго дня; эта часть, взятая четыре раза, поставляетъ въ необходимость [черезъ три года къ четвертому] прибавлять полный день, что у римлянъ называется *bissextum*²⁾, или же болѣе продолжительныя и болѣе скрытыя отъ насъ годы, такъ какъ отъ круговращенія другихъ планетъ являются, говорятъ, болѣе продолжительныя годы. Итакъ, если времена, дни и годы понимать такимъ именно образомъ, то всякій, безъ сомнѣнія, согласится, что они опредѣляются планетами и свѣтилами. Ибо слова: *да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни и въ лѣта* поставлены такъ, что неизвѣстно, ко всѣмъ-ли планетамъ они относятся, или же знаменія и времена относятся къ другимъ планетамъ, а дни и годы — только къ одному солнцу.

ГЛАВА XV.

Какою сотворена луна.

Многіе входятъ въ пространныя словопренія и о томъ, какою сотворена луна; и если бы только оставались при этихъ словопреніяхъ, а не стремились учить! Луна, говорятъ, сотворена полною, потому что не прилично было Богу создать что-нибудь въ звѣздахъ несовершеннымъ въ тотъ день,

1) Разумѣются знаки зодіака, которые у древнихъ назывались *домами* планетъ. См. I. Дамаскина «Точное изложеніе православныя вѣры». Москва, 1844, стр. 74.

2) По-греч. *βισσεξτος*, у насъ *високость*.

въ который, какъ написано, были сотворены звѣзды. Но если такъ, возражаютъ другіе, стало быть—луна создана въ фазѣ перваго, а не четырнадцатаго дня, потому что кто же начинаетъ считать подобнымъ образомъ?—Я, съ своей стороны, стою на срединѣ, не утверждая ни того, ни другого, и прямо говорю, что въ начальной-ли фазѣ, или же полною сотворена Богомъ луна, она сотворена Имъ совершенною. Богъ есть творецъ и зиждитель природъ. А все, что только каждая природа, въ силу естественнаго развитія, въ соотвѣтственное время изъ себя производитъ и выявляетъ, все это въ скрытомъ видѣ она содержитъ въ себѣ и раньше, конечно, не по фигурѣ и массѣ, а по идеѣ природы. Развѣ назовемъ мы дерево, не имѣющее яблоковъ и обнаженное отъ листьевъ зимою, несовершеннымъ, или развѣ несовершенна была его природа въ то свое раннее время, когда еще не приносила плодовъ? Тоже самое надобно сказать не только о деревѣ, но и о сѣмени, которое въ скрытомъ видѣ заключаетъ въ себѣ все, что съ теченіемъ времени производитъ. Да если бы даже и сказать, что Богъ сотворилъ нѣчто несовершеннымъ и, потомъ, усовершенствовалъ, какого порицанія заслуживаетъ подобное мнѣніе? Справедливаго порицанія заслуживало бы только такое мнѣніе, если бы сказать, что начатое Богомъ приведено въ совершенство другимъ.

Зачѣмъ же люди забываютъ себѣ голову темными вопросами на счетъ луны, не допытываясь, однако, какою создалъ Богъ землю, когда въ началѣ сотворилъ небо и землю, хотя земля была невидима и не устроена и только въ третій день получила свой видъ и устройство? Или, если сказанное о землѣ они понимаютъ за сказанное не въ смыслѣ преемственности времени, такъ какъ Богъ матерію сотворилъ одновременно съ вещами, а въ смыслѣ преемственности повѣствованія, то почему же здѣсь, хотя этотъ предметъ мы можемъ видѣть своими глазами, они опускаютъ изъ виду, что луна имѣетъ цѣльное и совершенно круглое тѣло даже и тогда, когда, или только-что начиная, или

переставая свѣтитъ для земли, оно свѣтится въ видѣ роговъ? Если же свѣтъ ея возрастаетъ, достигаетъ-ли полноты или умаляется, то измѣняется не само свѣтило, а то, что отъ него возжигается; съ другой стороны, если луна свѣтитъ всегда одною стороною своего сфероида, но, поворачивая эту сторону къ землѣ, пока не обратитъ ея всей (что происходитъ съ перваго по четырнадцатое число), по видимому возрастаетъ, то она—полная всегда, но для обитателей земли не всегда кажется такою. Тоже самое происходитъ съ нею, если она освѣщается и лучами солнца. Именно, когда луна находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ солнца, она является только въ видѣ роговъ, такъ какъ остальная ея часть, освѣщаемая въ видѣ полнаго круга, можетъ быть видна для земли только тогда, когда луна стоитъ противъ солнца, т. е. такъ, чтобы для земли видно было все, что въ ней освѣщается.

Есть, впрочемъ, и такіе, которые говорятъ, что, по ихъ мнѣнію, луна сотворена четырнадцатидневною не потому, что должна быть названа полною при сотвореніи, но потому, что въ божественномъ Писаніи мы читаемъ: луну [Богъ] сотворилъ *въ начала ночи*, а въ началѣ ночи луна бываетъ видна тогда, когда бываетъ полною; въ другое же время—до полнолунія она начинаетъ быть видна даже и днемъ, а въ теченіе ночи—тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ болѣе умаляется. Но тотъ, кто подъ началомъ ночи разумѣетъ начальствованіе (на такое значеніе скорѣе указываетъ и греческое слово *ἀρχή*, а въ псалмахъ и еще яснѣе сказано: *солнце во область дне, луну и звѣзды во область ночи*, пс. 135, 8. 9), не имѣетъ надобности считать съ четырнадцатаго числа и думать, что луна сотворена не въ начальной фазѣ.

ГЛАВА XVI.

Одинаковымъ-ли свѣтомъ свѣтятъ свѣтила.

Допытываются, обыкновенно, и на счетъ того, одинаковымъ-ли свѣтомъ свѣтятъ видимыя нами небесныя свѣтила, т. е. солнце, луна и звѣзды, или же въ нашихъ гла-

захъ являются болѣе или менѣе съ различною степенью свѣта, потому что находятся въ различныхъ отъ земли разстояніяхъ? И притомъ на счетъ луны эти совопросники не сомнѣваются, что она свѣтитъ меньшимъ свѣтомъ, чѣмъ солнце, которымъ, какъ они утверждаютъ, она и освѣщается. О звѣздахъ же отваживаются говорить такъ, что многія изъ нихъ или равны солнцу, или даже больше него, хотя, находясь дальше солнца, онѣ кажутся меньше него.—Что касается насъ, то намъ, можетъ быть, можно ограничиться тѣмъ, что, какъ бы тамъ ни было дѣло, свѣтила созданы Художникомъ - Богомъ, хотя, впрочемъ, мы должны держаться сказаннаго апостольскимъ авторитетомъ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Корин. XV, 41). Но такъ какъ, не прекословя Апостолу, намъ могутъ сказать на это, что звѣзды, дѣйствительно, различаются между собою въ славу, но только для глазъ жителей земли, или что такъ какъ Апостоль эти слова сказалъ для сравненія съ воскресшими, которые, безъ сомнѣнія, не будутъ для глазъ иными и иными сами въ себѣ, а звѣзды хотя и различаются между собою въ славу, но при этомъ нѣкоторыя изъ нихъ еще и больше солнца: то пусть смотрятъ сами, какимъ образомъ приписываютъ они солнцу такое огромное преимущество, что своими лучами оно, по ихъ словамъ, привлекаетъ и отталиваетъ нѣкоторыя звѣзды, и притомъ звѣзды главныя, которымъ они поклоняются предпочтительно предъ остальными? Неправдоподобно, чтобы сила его лучей могла преодолѣвать звѣзды большія и даже равныя. Или если, какъ они утверждаютъ, существуютъ звѣзды выше знаковъ [зодіака] и больше септентріоновъ, — такія звѣзды, которыя не испытываютъ уже подобнаго вліянія со стороны солнца, то почему же большее почитаніе они воздаютъ звѣздамъ, проходящимъ черезъ эти знаки? Почему называютъ ихъ господами знаковъ?

И хотя каждый изъ нихъ увѣряетъ, что упомянутыя отступленія или, пожалуй, замедленія звѣздъ зависятъ не отъ солнца, а отъ другихъ болѣе скрытыхъ причинъ, однако изъ ихъ книгъ съ несомнѣнною видно, что въ своихъ бѣснованіяхъ, которымъ совратившіеся съ пути истины приписываютъ силу судьбъ, они отводятъ солнцу преимущественное значеніе.

Но пусть говорятъ о небѣ, что хотятъ, отчуждившіеся отъ Отца, иже есть на небесѣхъ, — намъ пускаться въ утонченныя изслѣдованія о разстояніяхъ и величинѣ звѣздъ и тратить на подобныя изысканія время, необходимое на болѣе важныя и лучшіе предметы, и бесполезно и непристойно. Лучше будемъ думать такъ, что есть свѣтила бѣльшія остальныхъ, о которыхъ говоритъ свѣщ. Писаніе въ словахъ: *и сотвори Богъ два свѣтила великая*, но которыя, впрочемъ, не равны между собою, такъ какъ, поставивъ ихъ выше остальныхъ, Писаніе говоритъ затѣмъ, что они между собою различаются: *свѣтило большее*, говоритъ оно, *въ начала дне*, *и свѣтило меньшее въ начала ночи*. Да и для собственныхъ нашихъ глазъ очевидно, что они свѣтятъ сильнѣе остальныхъ свѣтилъ, такъ что какъ день бываетъ свѣтлымъ только отъ солнца, такъ и ночь, хотя бы украшена была звѣздами, безъ луны не бываетъ такою свѣтлою, какою бываетъ она, когда освѣщается луною.

ГЛАВА XVII.

О звѣздочетахъ.

Что касается ихъ всевозможныхъ разглагольствій о вліяніи звѣздъ и ихъ мнимыхъ опытовъ астрологической науки, которые у нихъ называются *ἀποτελέσματα*, то мы всецѣло должны охранять отъ нихъ чистоту своей вѣры: подобными словопреніями они стараются устранить въ насъ побужденіе

молиться, и въ худыхъ, заслуживающихъ справедливейшаго порицанія, дѣлахъ съ нечестивою извращенностью располагаютъ обвинять скорѣе Бога, творца звѣздъ, чѣмъ человека - преступника. Но пусть послушаютъ они своихъ философовъ, что наши души, по своей природѣ, не только не подчинены небеснымъ тѣламъ, а въ томъ отношеніи, въ какомъ они говорятъ о нихъ, не могущественнѣе земныхъ тѣлъ, или же пусть сами узнаютъ, что хотя многоразличныя тѣла животныхъ-ли или травъ и растеній зачинаются въ одно и то же время и въ одно и то же время въ безчисленномъ множествѣ рождаются не только въ различныхъ, но даже въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, однако въ своемъ развитіи, дѣйствіяхъ и страданіяхъ представляютъ столько разнообразія, что у нихъ по истинѣ не хватило бы (какъ говорится) звѣздъ, если бы они обратили на это явленіе свое вниманіе.

А что можетъ быть нелѣпнѣе и бессмысленнѣе, если, убѣдившись этими примѣрами, они намъ скажутъ, что роковое значеніе звѣздъ имѣетъ отношеніе къ судьбѣ однихъ только людей? Да въ этомъ они и сами убѣдятся на примѣрѣ близнецовъ, которые весьма часто [при рожденіи] получаютъ одни и тѣ же созвѣздія, однако живутъ различно, различно бываютъ счастливы или несчастны и различно умираютъ. Ибо хотя уже при самомъ появленіи изъ утробы матери между ними существуетъ нѣкоторое различіе, однако различіе [по дальнѣйшей жизни] между ними изъ нихъ бываетъ настолько велико, что не можетъ быть выведено изъ астрологическихъ вычисленій. Рука младшаго Іакова, при рожденіи, обазалась держащею за пяту старшаго, такъ что они родились какъ бы одинъ, на-двое простершійся, младенецъ. Такъ называемыя созвѣздія ихъ не могли быть, конечно, различными. Что же можетъ быть нелѣпнѣе мысли, будто астрологъ (mathematicus), рассматривая эти созвѣздія,

могъ бы по одному и тому же гороскопу, по одной и той же лувѣ сказать, что одинъ изъ нихъ будетъ любимъ, а другой не любимъ матерью? Ибо если бы онъ сказалъ что-нибудь иное, то сказалъ бы очевидно ложь, а если бы сказалъ именно это, то хотя сказалъ бы правду, но не согласно съ нелѣпыми предсказаніями (*santiuncula*) своихъ книгъ. Если же этой исторіи они не захотятъ повѣрить, въ виду того, что она заимствуется изъ нашихъ книгъ, то развѣ могутъ они вычеркнуть и самую природу вещей? А такъ какъ они говорятъ, что нисколько не ошибаются, если только находятъ часъ зачатія, то пусть по крайней мѣрѣ какъ люди [ошибающіеся] не сочтутъ для себя дѣломъ недостойнымъ обратить вниманіе на зачатіе близнецовъ.

Надобно сознаться, что иногда они говорятъ и нѣчто истинное, но говорятъ по нѣкоему современнѣйшему внушенію, которое испытываетъ несвѣдущій умъ человѣческій. Такъ какъ это служитъ къ уловленію людей, то оно бываетъ дѣйствіемъ совратившихся духовъ, которымъ попускается знать кое-что истинное изъ области временныхъ предметовъ отчасти потому, что они обладаютъ болѣе тонкимъ чувствомъ, или болѣе тонкими тѣлами, или болѣе богатымъ, благодаря своей продолжительной жизни, опытомъ, отчасти потому, что святые ангелы, по повелѣнію Божию, отгрываютъ имъ то, о чемъ узнаютъ отъ всемогущаго Бога, распредѣляющаго человѣческаго заслуги по Своему великопріятному современнѣйшему правосудію. Иногда эти презрѣнные духи въ видѣ своего рода пророчествъ предсказываютъ и о томъ, что они намѣрены дѣлать. Поэтому истинный христіанинъ долженъ остерегаться какъ астрологовъ, такъ и всякихъ прорицателей, особенно тѣхъ, которые говорятъ правду, чтобы, уловивъ при содѣйствіи демоновъ его душу, они не запутали его въ свое сообщество.

ГЛАВА XVIII.

*Затрудненіе касательно того, управляются-ли и одушев-
ляются-ли звѣзды духами.*

Спрашиваютъ еще и о томъ, суть-ли видимыя нами небесныя свѣтила только тѣла, или же имѣютъ какихъ-нибудь духовъ—правителей, и если имѣютъ, то одушевляются-ли ими жизненнымъ образомъ, подобно тому, какъ животныя одушевляются душами, или же однимъ только присутствіемъ, безъ всякаго соединенія съ ними.—Въ настоящемъ случаѣ намъ трудно понять это, но, при дальнѣйшемъ изъясненіи Писаній, полагаю, намъ могутъ встрѣтиться мѣста болѣе удобныя, при посредствѣ которыхъ, согласно съ правилами священнаго авторитета, можно будетъ если не высказать что-нибудь несомнѣнное, то думать вѣроятное относительно этого предмета. А пока, соблюдая всегдашнюю умѣренность благоговѣйнаго тона, мы ничего не должны говорить необдуманно касательно этого темнаго предмета изъ опасенія, чтобы, по своей любви къ заблужденію, не оказать какого-нибудь пренебреженія къ тому, что въ послѣдствіи откроетъ намъ истина и что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть противнымъ какъ ветхозавѣтнымъ, такъ и новозавѣтнымъ священнымъ книгамъ. Теперь же перейдемъ къ третьей книгѣ нашего труда.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Со стиха 20: и рече Богъ: да изведуть воды... и пр. до конца первой главы.

ГЛАВА I.

О происхожденіи животныхъ изъ воды говорится раньше, чѣмъ о происхожденіи ихъ изъ земли потому, что вода ближе къ воздуху, а воздухъ—къ небу.

И рече Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй: и бысть тако. И сотвори Богъ киты великія и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды по родомъ ихъ, и всяку птицу пернату по роду: и видѣтъ Богъ, яко добра. И благослови я Богъ, глаголя: раститесь, и множитесь, и наполните воды, яже въ моряхъ: и птицы да умножатся на земли. И бысть вечеръ и бысть утро, день пятый.—Теперь являются твари, движимыя духомъ жизни, и въ низшей области міра и, прежде всего, въ водахъ, потому что вода—элементъ ближайшій къ качеству воздуха, а воздухъ настолько сопредѣленъ съ небомъ, на которомъ находятся свѣтила, что и самъ называется небомъ; не знаю только, можно-ли назвать его и твердью. Между тѣмъ, одинъ и тотъ же предметъ, который мы называемъ небомъ въ единственномъ числѣ, называется и во множественномъ—небесами. Ибо хотя въ настоящей книгѣ о небѣ, раздѣляющемъ верхнія и нижнія воды, говорится въ единственномъ числѣ, однако въ псалмѣ сказано: *и вода, яже превыше небесъ, да восхвалятъ имя Господне* (пс. 148, 4). А если подъ небесами небесъ правильно разумѣть звѣздныя и какъ бы верхнія небеса небесъ воздушныхъ и какъ бы нижнихъ, то въ томъ же самомъ псалмѣ мы встрѣчаемъ и такія небеса, въ

словахъ: *хвалите Его небеса небесъ*. Отсюда достаточно видно, что воздухъ называется не только небомъ, но и небесами; подобно тому, какъ мы говоримъ „земли“, обозначая не что иное, какъ тотъ самый предметъ, который называется землею въ единственномъ числѣ, когда [земной шаръ] называемъ „шаромъ земель“ и „шаромъ земли“.

ГЛАВА II.

Погибель небесъ отъ потопа означаетъ, что воздухъ перешелъ въ природу водъ.

Воздушныя небеса, какъ читаемъ мы въ одномъ изъ тѣхъ посланій, которыя называются каноническими, вѣкогда погибли отъ потопа (2 Петр., III, 6). Конечно, жидкая стихія, которая настолько тогда увеличилась, что поднялась на пятьдесятъ локтей выше самыхъ высокихъ горъ, не могла достигнуть звѣздъ. Но такъ какъ она наполнила все или почти все пространство воздуха, въ которомъ летаютъ птицы, то въ упомянутомъ посланіи и пишется, что тогдашнія небеса погибли. Не знаю, какъ можно понимать это иначе, если не такъ, что качество болѣе плотнаго воздуха превратилось въ природу водъ; въ противномъ случаѣ, небеса тогда не погибли, а только поднялись выше, когда вода заняла ихъ мѣсто. Лучше, поэтому, согласно съ авторитетомъ упомянутаго посланія, думать, что тогдашнія небеса погибли и вмѣсто нихъ, съ умаленіемъ испареній, поставлены, какъ тамъ пишется, новыя, чѣмъ такъ, что они поднялись выше и что имъ уступила свое мѣсто природа верхняго неба.

Итакъ, при созданіи обитателей низшей части міра, которая обозначается общимъ именемъ земли, необходимо было явиться животнымъ сперва изъ воды, а потомъ изъ земли, потому что вода настолько подобна воздуху, что отъ нея испареній, какъ доказано, воздухъ становится плотнымъ, производитъ духъ бурень, т. е. вѣтеръ, сгущаетъ облака и

можетъ поддерживать полетъ птицъ. Поэтому, хотя нѣкто изъ свѣтскихъ поэтовъ ¹⁾ сказалъ и правильно, что Олимпъ выходитъ за облака и „на вершинѣ его царствуетъ тишина“ (такъ какъ утверждаютъ, что на вершинѣ Олимпа воздухъ до такой степени тонкій, что его ни облака не омрачаютъ, ни вѣтеръ не волнуется, что онъ не можетъ поддерживать птицъ и поддерживать случайно поднимающихся туда людей движеніемъ того болѣе плотнаго вѣтра, къ которому они привыкли въ обыкновенномъ воздухѣ), однако есть и тамъ воздухъ, изъ котораго изливается сродная съ нимъ по своему качеству вода и потому, можно думать, во время потопа онъ превратился въ эту жидкую стихію. Ибо никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы было какое-нибудь пространство выше звѣзднаго неба, когда воды поднимались выше самыхъ высокихъ горъ.

ГЛАВА III.

Мнѣнія о превращеніи элементовъ. Воздухъ въ исторіи книги Бытія не пропущенъ.

Впрочемъ, превращеніе элементовъ служить открытымъ вопросомъ даже и между людьми, которые посвящали свой досугъ весьма тщательному изслѣдованію этого предмета. Именно—одни говорятъ, что всякій элементъ можетъ измѣняться и превращаться во всякій другой; другіе утверждаютъ, что каждому элементу принадлежитъ нѣчто особенное, что никоимъ образомъ не превращается въ качество другого элемента.—Въ своемъ мѣстѣ, можетъ быть, мы войдемъ, если Господь благоволитъ, въ болѣе обстоятельное разсмотрѣніе этого предмета; теперь же, по ходу настоящей рѣчи, достаточно, полагаю, коснуться его настолько, чтобы понятенъ былъ удержанный бытописателемъ порядокъ, по кото-

¹⁾ Lucanus, lib. II.

рому о твореніи животныхъ водныхъ надобно было сказать раньше, чѣмъ о животныхъ земныхъ.

Не слѣдуетъ думать ни въ какомъ случаѣ, что въ настоящемъ Писаніи опущена какая-либо стихія міра, состоящаго изъ четырехъ извѣстнѣйшихъ элементовъ,—не слѣдуетъ по той причинѣ, что, по видимому, небо, вода и земля здѣсь упомянуты, а о воздухѣ умолчано. Нашимъ Писаніямъ обычно или называютъ міръ именемъ неба и земли, или прибавляютъ еще море. Поэтому воздухъ въ нихъ относится или къ небу, если только въ высшихъ пространствахъ существуютъ слои спокойнѣйшіе и совершенно тихіе, или къ землѣ, въ виду того бурнаго и туманнаго слоя, который вслѣдствіе влажныхъ испареній становится плотнымъ, хотя и самъ чаще называется небомъ; поэтому и не сказано: „да произведутъ воды душъ живыхъ, а воздухъ пернатыхъ, летающихъ надъ землею“, а говорится, что тотъ и другой родъ животныхъ произведенъ изъ воды. Такимъ образомъ, все, что только въ водахъ есть ползуче ли волнующагося и тебучаго, или парообразно-разрѣженнаго и висащаго [въ воздухѣ], такъ что первое является распредѣленнымъ между гадами душъ живыхъ, а послѣднее — между летающими, — то и другое отнесено [бытописателемъ] къ влажной стихіи.

ГЛАВА IV.

Пять чувствъ имѣютъ отношеніе къ четыремъ стихіямъ.

Есть и такіе, которые пять извѣстнѣйшихъ тѣлесныхъ чувствъ приурочиваютъ къ принятымъ четыремъ элементамъ съ такимъ весьма тонкимъ расчетомъ, что глаза, говорятъ, имѣютъ отношеніе къ огню, а уши къ воздуху; обоняніе и вкусъ приписываютъ влажной стихіи, причемъ обоняніе относятъ къ влажнымъ испареніямъ, которыми насыщается то пространство, гдѣ летаютъ птицы, а вкусъ — къ текучимъ и плотнымъ жидкостямъ. Ибо все, что только мы ощу-

щаемъ во рту, для того, чтобы получилось вкусовое ощущеніе, должно соединиться съ влагою рта, хотя и казалось сухимъ, когда мы его принимали. Впрочемъ, огонь проникаетъ всюду, обуславливая во всемъ движеніе. Съ потерю теплоты, и жидкость замерзаетъ, и между тѣмъ какъ остальные элементы могутъ дѣлаться горячими, огонь не можетъ охлаждаться: онъ скорѣе потухаетъ совѣмъ, чѣмъ становится холоднымъ или менѣе горячимъ отъ соприкосновенія съ чѣмъ-либо холоднымъ. Наконецъ, пятое чувство, осязаніе, соотвѣтствуетъ всего болѣе земной стихіи; поэтому, чувство осязанія въ живомъ существѣ принадлежитъ всему тѣлу, которое состоитъ главнымъ образомъ изъ земли. Говорятъ даже, что нельзя ни видѣть безъ огня, ни имѣть осязанія безъ земли; отсюда, всѣ элементы взаимно присущи одинъ другому, но каждый получилъ свое названіе отъ того, чего содержитъ въ себѣ больше. Вотъ почему съ потерю теплоты, когда тѣло охлаждается, притупляется и чувство, такъ какъ присущее тѣлу вслѣдствіе теплоты движеніе становится медленнымъ въ то время, какъ огонь дѣйствуетъ на воздухъ, воздухъ на влажную [стихію], а влага на все земное, т. е. элементы болѣе тонкіе проникаютъ болѣе грубые.

ГЛАВА V.

Какъ сила ощущенія въ пяти чувствахъ обнаруживается по отношенію къ четыремъ элементамъ различно.

А чѣмъ что-либо въ тѣлесной природѣ тоньше, тѣмъ оно ближе къ духовной природѣ, хотя между тою и другою природами существуетъ огромное разстояніе, потому что первая—тѣло, а послѣдняя не тѣло. Отсюда, такъ какъ способность ощущенія принадлежитъ не тѣлу, а чрезъ тѣло душѣ, то не смотря на остроумныя соображенія, приурочивающія тѣлесныя чувства къ различнымъ тѣлеснымъ элементамъ, сила ощущенія возбуждается чрезъ болѣе тонкое

тѣло душою, которой и принадлежитъ сила ощущенія, хотя сама душа безтѣлесна. Такимъ образомъ, движеніе душа начинаетъ во всѣхъ чувствахъ съ тонкаго [элемента] огня, но не во всѣхъ въ нихъ достигаетъ одного и того же. Табъ, въ зрѣніи, при сжатой теплотѣ, она достигаетъ ея свѣта. Въ слухъ отъ теплоты огня она спускается до прозрачнѣйшаго воздуха. Въ обонянїи она переступаетъ слой чистаго воздуха и достигаетъ среды влажныхъ испареній, изъ коихъ состоитъ настоящій, болѣе грубый, воздухъ. Во вкусѣ она переходитъ и эту среду и достигаетъ области болѣе плотной влаги, а проиивши я переступивъ п эту среду, когда достигаетъ уже земной массы, возбуждаетъ послѣднее чувство осязанія.

ГЛАВА VI.

Элементъ воздуха писателемъ Бытія не пропущенъ.

Итабъ, природа и порядокъ элементовъ не были неизвѣстны тому, кто, повѣствуя о твореніи видимыхъ [предметовъ], по своей природѣ обладающихъ внутри міра способностью движенія въ элементахъ, говоритъ сначала о небесныхъ тѣлахъ, затѣмъ о водныхъ и, наконецъ, о земныхъ животныхъ,—говоритъ табъ не потому, что воздухъ имъ опущенъ, а потому, что если только существуетъ слой чистѣйшаго и совершенно спокойнаго воздуха, гдѣ, какъ говорятъ; не могутъ летать птицы, то слой этотъ примыкаетъ къ высшему небу и подъ именемъ неба въ Писаніи относится къ высшей части міра, подобно тому какъ именемъ земли обозначается вообще все то, изъ чего въ нисходящей постепенности берутъ свое начало огонь, градъ, снѣгъ, туманъ, бурный вѣтеръ и всѣ бездны ¹⁾, пока [эта постепенность] достигаетъ суши, которая называется уже землею въ соб-

1) Псал. 148, 8.

ственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, верхній воздухъ, съ одной стороны, не опущенъ, разъ названо небо, съ другой, при твореніи животныхъ, не упомянуть или потому, что относится къ небесной части міра, или потому, что не имѣеть обитателей, о коихъ теперь идетъ рѣчь у бытописателя; нижній же воздухъ, который поглощаетъ поднимающіяся съ моря и земли испаренія и становится плотнымъ настолько, что выдерживаетъ [тяжесть] птицъ, получаетъ живыя существа не иначе, какъ изъ воды. Ибо тѣла птицъ носятъ на себѣ имѣющаяся въ воздухѣ влага, въ которой птицы при летаніи держатся на крыльяхъ такъ-же, какъ рыбы держатся на своего рода крыльяхъ при плаваніи.

ГЛАВА VII.

Летающія не безъ основанія названы сотворенными изъ воды.

Поэтому Духъ Божій, который былъ присущъ писателю, какъ бы съ намѣреніемъ говорить, что летающія произведены изъ воды. Ихъ природа занимаетъ мѣсто въ двухъ областяхъ, именно—низшее въ зыбучей волнѣ, а высшее—въ твердомъ слоѣ вѣтровъ. Первое усвоено плавающимъ, а второе—летающимъ. Такъ мы и видимъ, что животнымъ даны два соотвѣтствующихъ этому элементу чувства—обоняніе для ощущенія паровъ и вкусъ для ощущенія жидкостей. И если воды и вѣтры мы ощущаемъ еще и при посредствѣ осязанія, то это означаетъ, что плотное [начало] земли входитъ въ составъ всѣхъ элементовъ, но въ водѣ и вѣтрахъ его присутствіе чувствуется ощущительнѣе, такъ что они могутъ быть доступны и нашему осязанію. Вотъ почему въ двухъ частяхъ міра вода и вѣтры по большей части подразумѣваются подъ общимъ именемъ земли, какъ это показываетъ вышеприведенный псаломъ, перечисляя все высшее съ одного начала: *Хвалите Господа съ небесъ, а все низшее съ другого: хвалите Его отъ земли, при чемъ*

упоминаются и духъ бурень, и воѣ бездны, и огонь, который жжетъ прикасающагося къ нему, таѣ какъ огонь въ такой степени состоитъ изъ земныхъ и влажныхъ движеній, что тотчасъ же разрѣшается въ другой элементъ. И хотя по свойству своей природы онъ стремится вверху, однако не можетъ подняться до тишины и безвѣтрія высшей небесной области, потому что, преодолеваемый воздухомъ и въ него разрѣшаясь, онъ потухаетъ; въ нашей же, болѣе подверженной порчѣ и болѣе косной, области предметовъ онъ раздувается движеніями вѣтра для смягченія стужи, а также для пользы и утрашенія смертныхъ.

А таѣ какъ теченіе и волнъ и вѣтровъ можетъ быть ощущаемо и посредствомъ осязанія, которое относится собственно къ землѣ, то тѣла водныхъ животныхъ, въ особенности же птицы, питаются земнымъ, на землѣ отдыхаютъ и плодятся, потому что та часть влаги, которая поднимается въ видѣ паровъ, разстилается надъ землею. Поэтому, Писаніе, сказавъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ и птицы летающія по земли*, прибавляетъ: *по тверди небесной*, изъ чего можно представлять себѣ вѣсколько явѣ то, что раньше казалось темнымъ. Ибо Писаніе не говоритъ: „на тверди небесной“, какъ говоритъ оно о свѣтилахъ, но: *летающія по земли, по тверди небесной*, т. е. вблизи небесной тверди, таѣ какъ та темная и влажная среда, гдѣ летаютъ птицы, сопредѣльна съ тою средою, въ которой птицы летать не могутъ и которая по причинѣ спокойствія и тишины относится уже къ небу. Итаѣ, птицы летаютъ въ небѣ, но въ томъ небѣ, которое вышеприведенный псаломъ включаетъ въ понятіе земли (почему птицы во многихъ мѣстахъ и называются небесными), однако не въ тверди, а по тверди.

ГЛАВА VIII.

Почему рыбы названы гадами душъ живыхъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что пресмыкающіяся названы не живою душою, а „гадами душъ живыхъ“ за тупость своего

чувства.—Но если бы они были такъ названы именно по этой причинѣ, то птицамъ дано было бы имя живой души. Между тѣмъ, подобно пресмыкающимся, поименованы и летающія, такъ что выраженіе „душъ живыхъ“ подразумѣвается въ приложеніи и къ нимъ; поэтому, думается мнѣ, надобно признать, что слова *гады душъ живыхъ* употреблены въ томъ же смыслѣ, какъ если бы было сказано, что въ числѣ живыхъ душъ есть и пресмыкающіяся и летающія, подобно тому, какъ можно сказать и о людяхъ, что среди нихъ есть незнатные, разумѣя подъ симъ всякаго, кто только между людьми незнатенъ. Ибо хотя и есть такия земныя животныя, которыя пресмыкаются по землѣ, однако гораздо большее число земныхъ животныхъ движется при помощи ногъ, и пресмыкающихся по землѣ, можетъ быть, табъ-же мало, какъ мало ходящихъ въ водѣ.

Нѣкоторые же полагали, что не живою душею, а гадами душъ живыхъ названы собственно рыбы, потому что у нихъ нѣтъ ни памяти, ни какой-либо жизни, такъ сказать, сродной разуму.—Но такихъ ввела въ заблужденіе ихъ малая опытность. Напротивъ, многіе писатели сообщаютъ намъ, какія удивительныя вещи наблюдали они въ рыбныхъ садкахъ. Допустимъ, что они сдѣлали ложное сообщеніе; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что рыбы памятью обладаютъ. Это я самъ испыталъ, да можетъ испытать и всякій, кто захочетъ. Одинъ большой ключъ изъ числа Булленскихъ царскихъ ключей полонъ рыбъ. Люди, смотря на нихъ сверху, бросаютъ обыкновенно имъ что-нибудь, а онѣ или хватаютъ подачку, подплывая къ ней гучами, или рвутъ на части, вступая между собою въ борьбу. Привывши къ этому корму, рыбы во время прогулки людей по берегу ключа, гучами плаваютъ вслѣдъ за ними въ надеждѣ, не бросятъ-ли имъ оттуда что-нибудь тѣ, присутствіе которыхъ онѣ чувствуютъ. Такимъ образомъ, какъ водныя животныя пресмыкающимися, такъ и птицы летающими названы, мнѣ думается, не напрасно:

если бы отсутствіе-ли памяти, или тупость чувства лишали рыбъ права на имя живой души, то этого права, безъ сомвѣнія, нельзя было бы отнять у летающихъ, жизнь которыхъ, какъ это мы видимъ, говоритъ намъ и о памяти, и о нѣни, и о большемъ искусствѣ въ устройствѣ гнѣздъ и воспитаніи дѣтенышей.

ГЛАВА IX.

О томъ, что нѣкоторые философы каждому элементу приписывали своихъ животныхъ.

Не безызвѣстно мнѣ и то, что нѣкоторые философы каждому элементу приписывали своихъ животныхъ, называя земными не только тѣхъ животныхъ, которыя пресмыкаются или ходятъ по землѣ, но и птицъ, за то, что онѣ, уставши летать, отдыхаютъ на землѣ; затѣмъ, воздушными—демоновъ и, наконецъ, небесными—боговъ (небесными существами, впрочемъ, и мы называемъ отчасти свѣтила, отчасти Ангеловъ).—Но тѣ же самые философы, чтобы ни одного элемента не оставить безъ своихъ животныхъ, водамъ приписываютъ рыбъ и своего рода звѣрей, какъ будто подъ водою нѣтъ земли, или какъ будто можно доказать, что рыбы отдыхаютъ и запасаются силами для плаванія, какъ птицы—для летанія, не на землѣ (если только онѣ не дѣлаютъ этого рѣже потому, что волна болѣе, чѣмъ вѣтеръ, пригодна для ношенія тѣлъ, такъ что по ней плаваютъ даже земноводныя животныя, которыя научаются тому или при посредствѣ практики, какъ люди, или при посредствѣ инстинкта, какъ четвероногія и змѣи)! А если они такъ не думаютъ собственно потому, что рыбы не имѣютъ ногъ, то, стало быть, нѣтъ ни тюленей въ водѣ, ни ужей и улитокъ на землѣ, такъ какъ первые имѣютъ ноги, а послѣдніе, не имѣя ногъ, не скажу, отдыхаютъ на землѣ, а почти или совсѣмъ никогда съ нея не сходятъ. Драконы же, какъ утверждаютъ, не имѣя ногъ, и отдыхаютъ въ пещерахъ и поднимаются на воздухъ; хотя не легко знать о нихъ, однако сочиненія не

только нашихъ, но и языческихъ писателей отнюдь не обходятъ молчаніемъ этого рода животныхъ.

ГЛАВА X.

Съ допущенія мысли, что демоны суть существа воздушныя, нисколько не страдаетъ ученіе Писанія, что летающія произведены изъ воды. — Вѣтры. — Громы. — Облака. — Дождь. — Градъ. — Ясная погода.

Вотъ почему, если даже демоны и суть существа воздушныя, такъ какъ живутъ и дѣйствуютъ въ природѣ воздушныхъ тѣлъ и не разрушаются смертію потому, что ниже ихъ находятся два элемента, вода и земля, а выше одинъ, именно — звѣздный огонь, вслѣдствіе чего преобладающимъ элементомъ въ нихъ является элементъ способный болѣе въ дѣйствию, чѣмъ въ страданію, такъ какъ два первые элемента, земля и вода, приписываются страданію, а другіе два, огонь и воздухъ, дѣйствию: однако, если это и такъ, подобное различіе [элементовъ] нисколько не опасно для нашего Писанія, которое производитъ летающихъ не изъ воздуха, а изъ воды, — не опасно потому, что средою для нихъ оно назначаетъ влагу, правда, тонкую, испаряющуюся въ воздухъ и въ немъ расширяющуюся, но все же влагу. Воздухъ наполняетъ собою пространство отъ свѣтозарнаго неба до предѣловъ жидкой воды и сухой земли. Между тѣмъ, влажныя испаренія застилаютъ не все это пространство, а доходятъ до того только предѣла, откуда воздухъ начинаетъ называться землею, согласно съ словами вышешприведеннаго псалма: *хвалите Господа отъ земли* (148, 7). Верхній же слой воздуха, по причинѣ совершеннаго безвѣтрія, соединяется, по царствующей здѣсь тишинѣ, съ небомъ, съ которымъ онъ сопредѣленъ и именемъ котораго называется. Если, раньше своего грѣхопаденія, падшіе ангелы находились съ своимъ княземъ, теперь діаволомъ, а тогда архангеломъ, въ этой области (нѣкоторые изъ нашихъ полагаютъ, что они не были небесными или пренебесными ангелами), то

нѣтъ ничего удивительнаго, что, послѣ своего паденія, они низринуты въ ту туманную среду, гдѣ воздухъ насыщенъ парами, которые, по повелѣнію и дѣйствию Бога, всѣмъ сотвореннымъ отъ высшаго до низшаго управляющаго, производятъ вѣтры, когда приходятъ въ движеніе, — молнію (ignes) и громъ, когда приводятся въ сильнѣйшее движеніе, — облака, когда сгущаются, — дождь, когда плотнѣе сгущаются, — снѣгъ, когда облака замерзаютъ, — градъ, когда при вѣтрѣ замерзаютъ болѣе плотныя облака и, наконецъ, ясную погоду, когда пары разрѣжены. Отсюда, вышеприведенный псаломъ, перечисливъ огонь, градъ, снѣгъ, туманъ, бурный вѣтеръ, дальше, дабы не подумалъ кто, что всѣ эти явленія происходятъ помимо божественнаго промысленія, прибавляетъ: *творящая слово Его.*

Если же падшіе ангелы, прежде своего паденія, облечены были небесными тѣлами, то и съ этой стороны нѣтъ ничего удивительнаго, если тѣла ихъ въ наказаніе получили воздушное свойство, чтобы могли претерпѣвать нѣкоторое страданіе отъ огня, т. е. элемента высшей природы; по крайней мѣрѣ, имъ дозволено занимать не верхній слой воздуха, а слой туманный, который служитъ для нихъ какъ бы нѣкоторою своего рода темницей, до самаго времени суда. И если что-нибудь относительно падшихъ ангеловъ подлежитъ еще болѣе тщательному изслѣдованію, то это будетъ уже другое, болѣе собразное съ Писаніемъ, для нихъ мѣсто. Поэтому (чего пока достаточно), если эта туманная и бурная область, благодаря природѣ воздуха, простирающейся до самыхъ волнъ и сухой земли, можетъ выдерживать воздушныя тѣла, то можетъ она выдерживать и произведенныя изъ воды тѣла птицъ, благодаря тонкимъ испареніямъ, которыя поднимаются въ тотъ же, разлитый надъ волнами и землей и, потому, относимый въ низшей земной области, воздухъ и наполняютъ его парами; эти послѣдніе, становясь отъ ночныхъ холодовъ тяжелѣе, осаждаются въ видѣ свѣтлой росы, а если холодъ сильнѣе, въ видѣ бѣлаго инея (gelu).

ГЛАВА XI.

Объясняются 23 и 24 стихи. О различныхъ родахъ животныхъ, сотворенныхъ изъ земли.

И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая, и гады, и зѣри земли по роду, и скоты по роду: и бысть тако. И сотвори Богъ зѣри земли по роду, и вся гады земли по роду: и видѣ Богъ, яко добра.— Теперь уже благовременно было украсить своими животными и другую половину той низшей области, которая вся, со всѣми пропастями и туманнымъ воздухомъ, обозначается иногда въ Писаніи общимъ именемъ земли,—ту именно половину, которая называется землею въ собственномъ смыслѣ. Роды животныхъ, которыхъ по слову Божию произвела земля, извѣстны. Но такъ какъ подъ именемъ скотовъ или звѣрей часто разумѣются всѣ вообще животныя, лишеныя разума, то справедливо спросить, о какихъ именно звѣряхъ [бытописатель] говоритъ теперь и о какихъ скотахъ. И въ самомъ дѣлѣ, подъ пресмыкающимися или гадами земли онъ несомнѣнно разумѣетъ и всѣхъ змѣй; между тѣмъ, хотя змѣи и могутъ быть названы звѣрями, но имя скотовъ по отношенію къ нимъ неупотребительно. Названіе звѣрей употребительно по отношенію къ лвамъ, барсамъ, тиграмъ, волкамъ, лисицамъ, даже собакамъ, обезьянамъ и другимъ того же рода животнымъ. Имя же скотовъ, обыкновенно, прилагается къ тѣмъ животнымъ, которыя находятся въ употребленіи человѣка или для работъ, какъ напр. волы, лошади и т. под., или для шерсти, либо для пищи, какъ напр. овцы и свиньи.

А что такое четвероногія? Хотя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ змѣй, всѣ животныя ходятъ на четырехъ ногахъ, однако, если бы [бытописатель] подъ этимъ именемъ не хотѣлъ разумѣть нѣкоторыхъ [животныхъ] въ собственномъ смыслѣ, то, конечно, не поименовалъ бы при этомъ и четвероногихъ (хотя, впрочемъ, въ повтореніи о четвероногихъ онъ умал-

чивается). Развѣ не названы-ли четвероногими въ собственномъ смыслѣ олени, лани, дивіе ослы и кабаны (такъ какъ они не принадлежатъ къ тѣмъ животнымъ, къ числу коихъ относятся львы, а подобны указаннымъ выше скотамъ, но только находятся въ попеченія человѣка); тогда какъ, остальнымъ животнымъ хотя это общее названіе, ради числа ногъ, вмѣстѣ съ другими и приписывается, но приписывается въ [нѣкоторомъ] особенномъ значеніи? Или, можетъ быть, употребивъ три раза выраженіе *по роду*, бытописатель тѣмъ самымъ обращаетъ наше вниманіе на три извѣстные рода животныхъ. Прежде всего, выраженіе *по роду* [прилагается у него] къ четвероногимъ и гадамъ, чѣмъ, думается мнѣ, сдѣлано указаніе, какого рода четвероногія здѣсь названы, именно—четвероногія, принадлежащія къ классу гадовъ, какъ напр. ящерицы, гардуны и т. под. Отъ того въ повтореніи имя четвероногихъ здѣсь и опущено, что оно, можетъ быть, подразумѣвается уже подъ названіемъ гадовъ; поэтому, бытописатель говоритъ здѣсь не просто: *гады*, но съ прибавленіемъ: *вся гады земли*, — „земли“, потому что есть гады и водные, а „вся“—съ тою цѣлью, чтобы здѣсь разумѣлись и тѣ гады, которые ползаютъ на четырехъ ногахъ и которые выше обозначены собственно именемъ четвероногихъ. Что касается затѣмъ, звѣрей, о которыхъ во второй разъ сказано *по роду*, то въ этомъ случаѣ разумѣются всѣ тѣ животныя, которыя, за исключеніемъ змѣй, обнаруживаютъ свою свирѣлость зубами (оге), или когтями. Наконецъ, что касается скотовъ, о коихъ въ третій разъ сказано *по роду*, то [подъ ними разумѣются животныя], которыя наносятъ поражение ни тою, ни другою силою, а или рогами, или чѣмъ-либо другимъ.—Выше я сказала, что имя четвероногихъ, взятое въ широкомъ смыслѣ, само собою указываетъ уже числомъ ногъ, и что подъ именемъ скотовъ или звѣрей иногда разумѣется всякое неразумное животное. Но на латинскомъ языкѣ такое же значеніе имѣетъ и слово *fera*: не лишне было, поэтому,

сдѣлать разъясненіе, какимъ образомъ эти, въ настоящемъ мѣстѣ Писаній не даромъ поставленныя, названія могутъ, какъ это легко можно видѣть и изъ обыденной рѣчи, разграничиваться между собою по своему особенному значенію.

ГЛАВА XII.

Что значитъ выраженіе „по роду“, употребленное о нѣкоторыхъ теореніяхъ, но не употребленное о человѣкѣ.

Не напрасно занимаетъ читателя вопросъ и о томъ, мимоходомъ-ли и какъ бы случайно поставлено выраженіе *по роду*, или же съ извѣстною цѣлю, какъ бы такъ, что [вещи, къ коимъ это выраженіе прилагается] существовали раньше, хотя въ повѣствованіи онѣ представляются только-что сотворенными, или же подъ *родомъ* ихъ надобно разумѣть тѣ высшія, и, конечно, духовныя, идеи (*rationes*), сообразно съ которыми онѣ потомъ сотворены? Но если бы было такъ, то тоже сказано было бы и о свѣтѣ, небѣ и землѣ и, наконецъ, свѣтилахъ. Ибо что между ними есть такого, вѣчная и неизмѣнная идея чего не обитала бы въ самой Премудрости Божіей, которая *досягаетъ отъ конца даже до конца крѣпко и управляетъ вся благо* (Прем. VIII, 1)? Между тѣмъ, выраженіе *по роду* прилагается начиная съ травъ и деревъ и оканчивая земными животными. Даже о тѣхъ животныхъ, которыя сотворены изъ воды, хотя въ первомъ перечисленіи ихъ выраженіе это не употребляется, въ повтореніи сказано: *и сотвори Богъ киты великія и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды по родомъ ихъ, и всяку птицу пернату по роду.*

А можетъ быть, не потому-ли о животныхъ сказано *по роду*, что они явились для того, дабы отъ нихъ рождались и преемственно удерживали первоначальную форму другія, т. е.—для размноженія потомства, для сохраненія котораго они и созданы? Но почему же о травахъ и деревьяхъ

сказано не только *по роду*, но и *по подобію*, хотя и животныя какъ земныя, такъ и водныя рождаются по своему подобію? Развѣ, быть можетъ, [бытописатель] не захотѣлъ повторять о подобіи потому, что оно уже связано съ родомъ? Вѣдь не вездѣ онъ повторяетъ и о сѣмени, хотя сѣмя при- сущее какъ травамъ и деревьямъ, такъ и животнымъ, впрочемъ, не всѣмъ. Ибо наблюденіемъ дознано, что нѣкоторыя изъ нихъ рождаются изъ воды и земли такъ, что у нихъ нѣтъ пола, а потому сѣмя ихъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ стихіяхъ, изъ коихъ они происходятъ. Отсюда, *по роду* будетъ то, въ чемъ мыслятся и сила сѣмянъ и подобіе преемниковъ предшественникамъ, такъ какъ ничто не сотворено такимъ образомъ, чтобы существовало за одинъ разъ или какъ имѣющее продолжаться, или какъ имѣющее исчезнуть, не оставивъ послѣ себя потомства.

Почему же не сказано и о человѣкѣ: „сотворимъ чело- вѣка по образу нашему и по подобію, *по роду*“, хотя раз- множеніе и человѣка — фактъ очевидный? Развѣ — не потому-ли, что Богъ создалъ человѣка такъ, чтобы онъ, есля-бъ захо- тѣлъ соблюсти заповѣдь, не умиралъ, вслѣдствіе чего и не было надобности въ преемникѣ предшественнику; но послѣ грѣха онъ приложился скотамъ несмысленнымъ и уподобился имъ, такъ что сыны вѣка сего уже и рождаются и рождаетъ, вслѣдствіе чего родъ человѣчскій и можетъ существовать, сохраняясь путемъ преемства? Но что же, въ такомъ случаѣ, означаетъ данное по сотвореніи человѣка благословеніе: *рас- титесь и множитесь и наполните землю*, — что можетъ быть достигаемо, конечно, только путемъ рожденія? Но, можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ не слѣдуетъ говорить ничего необдуманно, пока мы не дойдемъ до того мѣста Писаній, гдѣ эти вопросы должны быть изслѣдованы и разсмотрѣны съ большею подробностью? Теперь же, быть можетъ, до- статочно замѣтить только, что о человѣкѣ не сказано *по роду* потому, что онъ созданъ былъ сначала одинъ, и уже

отъ него сотворена потомъ жена. Ибо родовъ людей не много, какъ [родовъ] травъ, деревьевъ, рыбъ, птицъ, змѣй, скотовъ, звѣрей, чтобы [въ приложеніи къ человѣку] выраженіе *по роду* разумѣть такъ, какъ бы оно сказано о цѣлыхъ клас-сахъ, для различенія [существъ] сходныхъ между собою и принадлежащихъ къ одному началу сѣмени отъ остальныхъ.

ГЛАВА XIII.

Почему благословеніе дано, подобно человѣку, однимъ только воднымъ животнымъ. Обязанность рождать.

Спрашивается также, почему только одни животныя водныя заслужили, подобно человѣку, благословеніе. Ибо благословилъ Богъ и ихъ, говоря: *раститесь и множитесь и наполните воды, яже въ моряхъ, и птицы да умножатся на земли.* Развѣ [благословеніе это] достаточно было изречь объ одномъ лишь классѣ тварей, чтобы оно, потомъ, разумѣлось уже и объ остальныхъ, которые размножаются путемъ рожденій? Поэтому въ первый разъ оно и изрекается о томъ, что, какъ такое, сотворено раньше всего, т. е. о травахъ и деревьяхъ. Или, можетъ быть, то, что не заключается въ себѣ никакого стремленія (*affectus*) къ размноженію потомства и рождаетъ безъ всякаго ощущенія (*sensus*), Богъ почелъ недостойнымъ словъ благословенія: *раститесь и множитесь*; гдѣ же такое стремленіе заключается, о томъ они сказаны были впервые, чтобы, не будучи и сказаны, разумѣлись и относительно земныхъ животныхъ? Но относительно человѣка необходимо было повторить ихъ, дабы не сказалъ кто-нибудь, что въ обязанности дѣторожденія заключается какой-либо грѣхъ, какъ заключается онъ въ похоти блудодѣянія или злоупотрежденія самымъ брачнымъ союзомъ.

ГЛАВА XIV.

О сотвореніи насекомыхъ.

Возникаетъ вопросъ и относительно нѣкоторыхъ само-
малѣйшихъ животныхъ, созданы ли они при первоначальномъ
твореніи, или при послѣдовавшемъ затѣмъ поврежденіи смерт-
ныхъ вещей? Ибо весьма многія изъ нихъ являются или отъ
поврежденія живыхъ тѣлъ, или отъ нечистоты, испареній и
разрушенія труповъ, иныя—отъ гніенія деревъ, а другія—
отъ порчи плодовъ; о всѣхъ о нихъ нельзя сказать, чтобы
творцемъ ихъ не былъ Богъ. Всѣмъ имъ присуща нѣкоторая
своего рода естественная красота, чтобы возбуждалось больше
удивленія въ созерцающемъ ихъ [человѣкѣ] и воздавалось
больше славы ихъ всемогущему, вся премудростію сотворив-
шему, Художнику. А эта премудрость Его, *досязая отъ
конца даже до конца крѣпко и управляя вся благо*, не
оставляетъ безформенными даже и самыя послѣднія изъ ве-
щей, которыя разрушаются сообразно съ порядкомъ своего
рода и разрушеніе которыхъ ужасаетъ насъ по винѣ нашей
смертности, но творить животныхъ съ крохотнымъ тѣломъ
и острымъ чувствомъ, дабы мы съ большимъ изумленіемъ
смотрѣли на быстроту летающей мухи, чѣмъ на величину
ходящаго въючнаго животнаго, и удивлялись больше работѣ
муравья, чѣмъ тяжелой ношѣ верблюда.

Но вопросъ въ томъ, при первоначальномъ-ли, какъ
я сказалъ, созданіи вещей, о постепенномъ твореніи коихъ
въ теченіе шести дней повѣствуетъ бытописатель, получили
начало эти крохотныя твари, или же при послѣдовавшемъ
разрушеніи подверженныхъ поврежденію тѣлъ?—Можно ска-
зать, что самомаляйшія [твари], возникающія изъ воды и
земли, сотворены вначалѣ; въ числѣ ихъ не будетъ несо-
образностью подразумѣвать и существа, рождающіяся уже
отъ тѣхъ, которыя произошли, когда земля начала пускать
ростки, съ одной стороны потому, что они предшествовали

созданію не только животныхъ, но и свѣтилъ, а съ другой потому, что принадлежать скорѣе къ дополненію обитаемой среды, чѣмъ къ числу самыхъ обитателей. Но сказать, что тогда же сотворены и остальные, которыя рождаются изъ тѣлъ животныхъ и преимущественно тѣлъ мертвыхъ, крайне нелѣпо, развѣ при этомъ будемъ имѣть въ виду, что всѣмъ одушевленнымъ тѣламъ была уже присуща нѣкоторая естественная сила и какъ бы напередъ вложенныя въ нихъ и, такъ сказать, основныя начала, которыя имѣли возникнуть отъ поврежденія упомянутыхъ тѣлъ, соотвѣтственно роду и различіямъ каждаго, по непреложной волѣ Творца, дающаго всему движеніе Своимъ неизреченнымъ управленіемъ.

ГЛАВА XV.

О твореніи ядовитыхъ животныхъ.

Спрашиваютъ, обыкновенно, и относительно нѣкоторыхъ ядовитыхъ и зловредныхъ животныхъ, сотворены-ли они послѣ грѣхопаденія человѣка для его каранія, или же скорѣе сотворены безвредными и только впослѣдствіи начали причинять вредъ грѣшникамъ.—Если бы даже дѣло было и такъ, ничего нѣтъ въ томъ удивительнаго, съ одной стороны потому, что въ настоящей многотрудной и бѣдственной жизни никто еще настолько не праведенъ, чтобы осмѣлился назвать себя совершеннымъ, по справедливому свидѣтельству и слову Апостола: *не зане уже достигохъ, или уже совершихся* (Филип. III, 12), а съ другой и потому, что для упражненія нашей немощности и усовершенствованія добродѣтели потребны испытанія и тѣлесныя бѣдствія, по свидѣтельству того же Апостола, который говоритъ, что ему, дабы не превозносился онъ величіемъ откровеній, данъ пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да пакости дѣветъ, а когда онъ трижды просилъ Господа, чтобы [этотъ пакостникъ] отступилъ отъ него, Господь отвѣтилъ ему: *долготѣ ти*

благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9). Впрочемъ, святой Данилъ, который въ своей молитвѣ въ Богу, конечно, не обманно исповѣдуетъ не только грѣхи народа, но и свои собственные, остался и среди львовъ живъ и невредимъ (Дан. VI, 22); точно также смертоносная эхидна, повиснувъ на рукѣ Апостола, не причинила ему никакого вреда (Дѣян. XXVIII, 5). Такимъ образомъ, будучи даже и сотворены, они могли не причинять никакого вреда, если бы для этого не существовало причины, въ цѣляхъ или устрашенія и наказанія пороковъ, или испытанія и укрѣпленія добродѣтели, потому что и примѣры терпѣнія необходимы для совершенствованія другихъ, и самъ человѣкъ въ испытаніяхъ познаетъ себя вѣрнѣе, да, наконецъ, и вѣчное блаженство (*salus*), которое постыдно утрачено чрезъ удовольствіе, прочно достигается только путемъ скорби.

ГЛАВА XVI.

Для чего сотворены звѣри, причиняющіе вредъ другъ другу.

Почему же, возражаятъ, причиняютъ вредъ другъ другу звѣри, которые и грѣховъ не имѣютъ, чтобы терпѣть за нихъ вару, и добродѣтели не достигаютъ путемъ подобнаго испытанія?—Безъ сомнѣнія потому, что одни изъ нихъ служатъ пищей для другихъ. И мы не можемъ сказать, чтобы одни изъ нихъ не питались другими. Ибо все, пока существуетъ, имѣетъ свою величину, свои части и свои разряды; взятое въ своей совокупности, оно вызываетъ въ насъ чувство справедливой похвалы и даже при переходѣ изъ одного въ другое не измѣняется безъ сокрытаго для насъ, соотвѣтственно своему роду, соразмѣренія (*moderatio*) тѣлесной красоты. Для глупыхъ это не понятно, но для людей, стремящихся къ совершенству, оно до нѣкоторой степени доступно, а для совершенныхъ ясно. И нѣтъ сомнѣнія, что всѣми подобными движеніями въ низшей твари человѣку дѣлаются

спасительные уроки, дабы онъ видѣлъ, какъ много онъ долженъ дѣлать для духовнаго и вѣчнаго спасенія (salus), которое превосходить всѣхъ неразумныхъ животныхъ, замѣчая, что они, отъ величайшихъ слоновъ до самыхъ маленькихъ червяковъ, обороняясь или остерегаясь дѣлаютъ все, что только могутъ, для своего тѣлеснаго и временнаго благополучія, даннаго имъ въ удѣлъ, сообразно съ ихъ низшимъ назначеніемъ; что мы и видимъ, когда одни изъ нихъ ищутъ востановленія своего тѣла тѣлами другихъ, а другія защищаютъ себя или силами сопротивленія, или при помощи бѣгства, или укрываясь въ безопасное мѣсто. Да и самая тѣлесная боль въ томъ или другомъ животномъ является могущественною и удивительною душевною силою, которая непостижимыми нитями связываетъ ихъ въ живой союзъ и приводитъ въ нѣкоторое своего рода единство, не безучастно, а, какъ выразился бы я, съ негодованіемъ допуская его разстроить или уничтожить.

ГЛАВА XVII.

Недоразумѣніе относительно мертвыхъ тѣлъ.

А можетъ быть, кого-нибудь интересуетъ и такой вопросъ: если нападенія вредныхъ животныхъ на живыхъ людей служатъ для послѣднихъ или наказаніемъ, или спасительнымъ упражненіемъ, или полезнымъ испытаніемъ, или же бессознательнымъ наученіемъ, то почему эти животныя пожираютъ тѣла и умершихъ людей?—Какъ будто для нашей пользы не все равно, какими путями наша, уже бездушная, плоть отходить въ глубокіе тайники природы, откуда въ возстановленномъ видѣ она извлечена будетъ дивнымъ всемогуществомъ Творца! Впрочемъ, благоразумные люди пусть и отсюда почерпаютъ для себя урокъ—полагаться на непреодолимую волю Творца, по таинственному мановенію всѣмъ, великимъ и малымъ, управляющаго, предъ Которымъ и наши

власи главніи изочтены (Лук. XII, 7),—полагаться въ такой степени, чтобы не страшиться такого или иного рода смерти, а съ благочестивымъ мужествомъ безъ колебанія быть готовыми бо всевозможнымъ ея родамъ.

ГЛАВА XVIII.

Для чего и когда сотворены тернія и волчцы и безплодныя дерева.

Даже о терніяхъ и волчцахъ и о нѣкоторыхъ безплодныхъ деревьяхъ поднимають, обыкновенно, подобный же вопросъ, для чего или когда сотворены они, такъ какъ Богъ сказалъ: *да прораститъ земля быліе травное, стьющее стья...*, и *дерево плодовитое, творящее плодъ*.—Но тѣ, которые задаются подобными вопросами, не знакомы съ употребительными терминами человѣческаго права, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что такое *ususfructus*. Этою формулою обозначается извѣстнаго рода польза отъ того, что приноситъ прибыль своими плодами. А какая явная или скрытая польза бываетъ отъ всего того, что съ корнями питаетъ собою производительная земля, объ этомъ кое-что они пусть узнають сами путемъ наблюденія, а объ остальномъ пусть спросять людей свѣдущихъ.

Относительно же терній и волчцовъ возможенъ болѣе простой отвѣтъ, потому что слова: *тернія и волчцы возраститъ тебѣ* изречены человѣку о землѣ послѣ грѣхопаденія. Однако, трудно сказать, чтобы они тогда только и начали появляться изъ земли. Такъ какъ въ самыхъ уже сѣменахъ ихъ заключается многообразная польза, то возможно, что они могли существовать и независимо отъ наказанія человѣка. Но что они начали произростать именно на поляхъ, трудъ воздѣлыванія которыхъ поставленъ человѣку въ наказаніе, это, можно думать, имѣло значеніе, какъ увеличеніе этого наказанія, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ они

могли произростать или для питанія птицъ и скотовъ, или для бакихъ-нибудь нуждъ самого же человѣка. Впрочемъ, не неумѣстно и такое пониманіе словъ: *тернія и волчцы возраститъ тебѣ*, что земля и раньше рождала волчцы и тервія, но не для труда человѣка, а для соотвѣтственной пищи такимъ или инымъ животнымъ, такъ какъ есть животныя, которыя съ удобствомъ и не безъ удовольствія питаются этого рода растеніями; для человѣка же, въ тягостный трудъ ему, она начала рождать ихъ съ того времени, какъ послѣ грѣха онъ сталъ обрабатывать землю. И притомъ, раньше они рождались не на другихъ мѣстахъ, а послѣ на поляхъ, которыя человѣкъ долженъ сталъ обрабатывать для собиранія съ нихъ плодовъ, но какъ прежде, такъ и послѣ — на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, только прежде рождались они не для человѣка, а послѣ уже для человѣка, что и обозначается прибавленіемъ слова *тебѣ*, такъ какъ сказано: *тернія и волчцы возраститъ*, но: *возраститъ тебѣ*, т. е. — для тебя, для твоего труда [отселѣ] начнетъ рождаться то, что прежде рождалось только для питанія животныхъ.

ГЛАВА XIX.

О стихахъ 26, 27 и дал. Почему при твореніи одного только человека сказано: сотворимъ, и проч.

И рече Богъ: сотворимъ человека по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли. И сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ глаголя: раститесь и множитесь и наполните землю, и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными и всѣми скотами и всею землею и всѣми гадами пресмыкающимися по земли. И рече Богъ: се дахъ вамъ всякую

траву съменную съющую стѣмя, еже есть верху земли
 всяя, и всякое древо, еже иматъ въ себѣ плодъ стѣмене
 стѣменнаго, вамъ будетъ въ спѣдь: и вѣсмъ зѣремъ земнымъ,
 и вѣсмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкаю-
 щемуся по земли, иже иматъ въ себѣ душу живота, и
 всяку траву зеленую въ спѣдь: и бысть тако И видѣ
 Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло. И бысть ве-
 черъ и бысть утро, день шестый.—Ниже мы будемъ имѣть
 не одинъ случай подвергнуть разсмотрѣнію и изслѣдованію
 вопросъ о природѣ человѣка съ большею подробностью. Теперь
 же, въ заключеніе своего обозрѣнія шестидневнаго творенія,
 сдѣлаемъ общее замѣчаніе, что не слѣдуетъ смотрѣть, какъ
 на дѣло безразличное, на то, что о другихъ дѣлахъ [творенія]
 говорится: *рече Богъ: да будетъ*, а теперь: *рече Богъ: со-
 творимъ челоѣка по образу нашему и по подобію*. Этими
 словами внушается намъ мысль, какъ выразился бы я, о
 множественности лицъ, ради Отца, Сына и Святаго Духа.
 Но вслѣдъ затѣмъ [бытописатель] внушаетъ намъ мысль и
 о единствѣ Божества, говоря: *и сотвори Богъ челоѣка по
 образу Божію*. Слова эти имѣютъ не тотъ смыслъ, будто
 бы Отецъ [сотворилъ челоѣка] по образу Сына, или Сынъ—
 по образу Отца (въ такомъ случаѣ изреченіе *по образу на-
 шему* было бы не вѣрно, если бы челоѣкъ сотворенъ былъ
 по образу одного только Отца, или одного Сына), а будто
 бы, вмѣсто словъ: *сотвори Богъ по образу Божію*, сказано
 было: *по образу своему*. А разъ теперь говорится: *по образу
 Божію*, между тѣмъ какъ выше было сказано: *по образу
 нашему*, этимъ означаетъ, что упомянутая множественность
 лицъ должна быть представляема не такъ, чтобы мы или
 называли, или вѣрою содержали, или разумѣли многихъ
 боговъ, а такъ, чтобы Отца, Сына и Святаго Духа, ради
 каковой Троицы сказано: *по образу нашему*, мы принимали
 за одного Бога, для чего и сказано: *по образу Божію*.

ГЛАВА XX.

Въ какомъ отношеніи человекъ сотворенъ по образу Божию и почему о сотвореніи человека не сказано: и бысть тако.

Не слѣдуетъ обходить здѣсь вниманіемъ и того, что, сказавъ: *по образу нашему*, [бытописатель] вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: *и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными*, и остальными, лишенными разума, животными, давая тѣмъ понять, что образъ Божій, по которому человекъ сотворенъ, заключается въ томъ, чѣмъ человекъ превосходитъ неразумныхъ животныхъ. А это называется разумомъ, или умомъ, или пониманіемъ, или другимъ какимъ-либо болѣе подходящимъ именемъ. Отсюда, Апостоль говоритъ: *обновлятися духомъ ума вашего* (Еф. IV, 23) и: *облечися въ новаго человека, обновляемаго въ разумъ, по образу создавшаго его* (Кол. III, 10), достаточно показывая своими словами, въ какомъ отношеніи человекъ сотворенъ по образу Божию, такъ какъ [образъ Божій онъ полагаетъ] не въ тѣлесныхъ чертахъ, а въ нѣкоторой, доступной нашимъ чувствамъ, формѣ просвѣщеннаго ума.

Вотъ почему, какъ о первоначальномъ свѣтѣ, если только правильно разумѣть подъ нимъ сотворенный разумный свѣтъ, причастный вѣчной и непреложной Премудрости Божіей, не сказано: *и бысть тако*, а также не сдѣлано, потому, повторенія: *и сотвори Богъ*, потому что (какъ объ этомъ, сколько могли, мы уже сказали) въ первомъ твореніи еще не имѣло мѣста какое-либо познаніе Слова Бога, чтобы, послѣ этого познанія, постепенно творилось то, что создавалось въ этомъ Словѣ, но самъ тотъ свѣтъ сотворенъ былъ первымъ, въ чемъ должно было явиться познаніе Слова Бога, которымъ совершалось твореніе, а познаніе это было обращеніемъ свѣта отъ своей безобразности къ образующему Богу, т. е. и твореніемъ и образованіемъ; между тѣмъ, объ остальныхъ тваряхъ говорится: *и бысть тако*, чѣмъ указывается

на познаніе Слова, отражавшееся въ свѣтѣ, т. е. въ разумной, первоначально созданной, твари, а когда, затѣмъ, говорится: *и сотвори Богъ*, обозначается происхожденіе самаго уже того рода твари, который нарекался въ бытію въ Словѣ Бога: такъ видимъ мы тоже самое и при сотвореніи человѣка. Богъ сказалъ: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію* и проч. Но затѣмъ не говорится: *и бысть тако*, а прибавляется: *и сотвори Богъ человека по образу Божію*, потому что человѣкъ, по самой природѣ своей, разуменъ, какъ и тотъ свѣтъ, а потому быть сотвореннымъ для чего значило тоже, что познавать Слово Бога, которымъ онъ созданъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы сказано было: *и бысть тако*, а послѣ того прибавлено: *и сотвори Богъ*, въ такомъ случаѣ можно бы было подумать, что человѣкъ сначала сотворенъ въ познаніи разумной твари, а потомъ [явился] какою-то неразумною тварію; но такъ какъ онъ самъ—разумная тварь, то и образованъ (*perfecta*) въ разумномъ познаніи. Ибо какъ послѣ грѣха человѣкъ обновляется въ познаніи Бога по образу создавшаго его, такъ въ познаніи онъ и сотворенъ былъ, прежде чѣмъ началъ вслѣдствіе грѣха ветшать, почему и долженъ сталъ въ своемъ познаніи обновляться. Что же касается всего того, что не творилось въ познаніи, будучи творимо или какъ тѣла, или какъ неразумныя души, то сначала творилось о немъ познаніе въ разумной твари Словомъ, которымъ оно нарекалось въ бытію, въ виду какаго познанія и говорится: *и бысть тако*, дабы слова эти служили указаніемъ на познаніе, творимое въ той природѣ, которая могла имѣть объ этомъ познаніе въ Словѣ Бога, а потомъ являлись уже и самыя тѣлесныя и неразумныя твари, въ виду чего, наконецъ, прибавляется: *и сотвори Богъ*.

ГЛАВА ХХІ.

Затрудненіе относительно безсмертія человека, вытекающее изъ предоставленія ему пищи.

А какимъ образомъ человекъ сотворенъ безсмертнымъ и въ то же время, наравнѣ съ другими животными, въ питаніе получилъ быліе травное, сѣющее сѣмя, и древо плодовитое и всякую зеленую траву,—объяснить это не легко. Въ самомъ дѣлѣ, если смертнымъ человекъ сдѣлался послѣ грѣха, то раньше грѣха въ подобной пищѣ, конечно, онъ не нуждался. Да и самое тогдашнее тѣло его могло не подвергаться поврежденію отъ голода. Ибо хотя сказаннаго: *раститесь и множитесь и наполните землю*, по видимому, и нельзя выполнить иначе, какъ путемъ соитія мужчины и женщины, въ чемъ лежитъ уже признакъ смертныхъ тѣлъ; однако, можно сказать, что въ безсмертныхъ тѣлахъ могъ быть другой способъ, чтобы дѣти рождались отъ одного дѣйствія благочестивой любви, помимо всякой поврежденной похоти, не преемствуя умирающимъ родителямъ, и сами не умирая; и этотъ способъ дѣторожденія могъ продолжаться дотолѣ, пока земля наполнилась бы безсмертными тѣлами, а отсюда праведнымъ и святымъ народомъ, какого мы вѣрою чаемъ послѣ воскресенія мертвыхъ. Но хотя сказать это и можно (а какъ сказать, это уже другое дѣло); однако, никто не осмѣлится прибавить къ тому, что нужда въ пищѣ, какою бы они себя возстановляли, возможна только для смертныхъ тѣлъ.

ГЛАВА ХХІІ.

Мнѣніе нѣкоторыхъ, что словами: и сотвори Богъ, и проч. обозначается сотвореніе души, а словами: и созда Богъ, и проч. сотвореніе тѣла.

А нѣкоторое высказываютъ и такое предположеніе, что теперь сотворенъ внутренній человекъ, тѣло же человека

создано позднѣе, когда Писаніе говоритъ: *и созда Богъ чело-
вѣка, персть вземъ отъ земли*; такъ что слово *сотвори*
имѣеть отношеніе къ духу, а слово *созда*—къ тѣлу. Но
при этомъ они не принимаютъ во вниманіе, что чело-
вѣкъ могъ явиться только по тѣлу мужчиной и женщиной. Ибо
хотя и высказывается весьма утонченное соображеніе, что
самый уже умъ, въ разсужденіи котораго чело-
вѣкъ по образу Божію, т. е. нѣкая разумная жизнь, приу-
рочивается, съ одной стороны, къ истинѣ вѣчнаго созерцанія,
а съ другой—къ управленію временными предметами и, такимъ
образомъ, чело-
вѣкъ является какъ бы мужчиной и женщиной,
потому что въ первомъ отношеніи умъ является силою совѣща-
тельною (*consulente*), а въ послѣднемъ—исполнительною (*ob-
temperante*): однако, и при этомъ разграниченіи, образомъ Божи-
имъ называется, строго говоря, та только сторона ума, которая
имѣеть отношеніе къ созерцанію непреложной истины. Съ точки
зрѣнія этого образа Апостоль Павелъ называетъ образомъ и
славою Божію одного только мужа: *жена же, говоритъ онъ,
есть слава мужа* (I Кор. XI, 7). Итакъ, хотя внѣшнимъ
образомъ, по тѣлу, двумя лицами (*hominibus*) разнаго пола
изображается то, что внутренно разумѣется объ одномъ умѣ
человѣка, однако и женщина, будучи женщиной по тѣлу,
обновляется также въ духѣ ума своего въ познаніе Бога, по
образу создавшаго ее; въ чемъ нѣтъ ни мужескаго, ни жен-
скаго пола. А какъ отъ благодати обновленія и восстановле-
нія образа Божія не устраняются и женщины, хотя ихъ
подомъ изображается нѣчто иное, почему образомъ и славою
Божію называется одинъ только мужчина; такъ точно и
при сотвореніи чело-
вѣка, въ виду того, что и женщина со-
творена чело-
вѣкомъ же, она, конечно, имѣла тотъ же самый
разумный умъ, со стороны котораго сотворена и она по
образу Божію. Но въ виду единства союза *Богъ*, говоритъ
[бытописатель], *сотвори чело-
вѣка по образу Божію*.

А чтобы кто-нибудь не подумалъ, что сотворенъ одинъ только духъ человѣка, хотя [бытописатель] созданъ по образу Божію только по духу, [бытописатель] говоритъ дальше: *мужа и жену сотвори ихъ*, давая понять, что при этомъ сотворено и тѣло. А чтобы, съ другой стороны, кто-нибудь не подумалъ, что въ единично-сотворенномъ человѣкѣ заключались оба пола, подобно тому, какъ рождаются гермафродиты (*andro-gynos*), [бытописатель] показываетъ, что единственное число онъ поставилъ ради единства союза; а такъ какъ жена произошла отъ мужа (какъ передаетъ объ этомъ бытописатель ниже, когда подробнѣе рассказываетъ о томъ, о чемъ говорить теперь вкратцѣ), то дальше ставитъ множественное число, говоря: *сотвори ихъ... и благослови ихъ*.—Но, какъ уже сказалъ я, этотъ предметъ подробнѣе мы изслѣдуемъ при дальнѣйшемъ повѣствованіи Писанія о сотвореніи человѣка.

ГЛАВА XXIII.

Къ чему относится выраженіе 30 стиха: и бысть тако.

Теперь надобно намъ обратить вниманіе на то, что, сказавъ: *и бысть тако*, [бытописатель] вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло*. Въ этомъ случаѣ разумѣются власть и данная человѣческой природѣ способность брать для пищи полевую траву и древесные плоды. Слова: *и бысть тако* онъ ставитъ въ связь съ тѣмъ, рѣчь о чемъ начата имъ съ того пункта, откуда онъ говоритъ: *и рече Богъ: се дахъ вамъ всякую траву стѣнную*, и проч. Ибо если слова: *и бысть тако* мы отнесемъ ко всему, сказанному выше, въ такомъ случаѣ должны будемъ признать, что [люди] возросли и, умножившись, наполнили землю въ самый же шестой день; между тѣмъ, по свидѣтельству Писанія, это совершилось по истеченіи многихъ лѣтъ. Вотъ почему слова: *и бысть тако* говорятся тогда, когда дана была человѣку способность къ яденію и человѣкъ, по слову Божію, узналъ объ этомъ, и

говорятся, очевидно, о томъ, о чемъ узналъ человѣкъ отъ Бога. Ибо если бы онъ тогда же началъ и ѣсть, т. е. сталъ принимать въ пищу то, что ему давалось для питанія, Писаніе сохранило бы [и въ этомъ случаѣ] обычный свой способъ слововыраженія, т. е. употребивъ слова: *и бысть тако*, имѣющія значеніе предувѣдомленія, присоединило бы, затѣмъ, и самое дѣйствіе, сказавъ: „и они взяли и ѣли“. А такъ могло быть сказано, при чемъ имя Бога могло быть и не поставлено. Подобнымъ образомъ послѣ словъ: *да соберется вода, яже подѣ небесемъ, въ собраніе едино и да явится суша*, прибавляется: *и бысть тако*, а затѣмъ не говорится: *и сотвори Богъ...*, а только повторяется: *и собрася воды въ собранія своя*, и проч.

ГЛАВА XXIV.

Почему о человѣкѣ не сказано особо, какъ объ остальныхъ животныхъ: видѣ Богъ, яко добро.

Изслѣдованія заслуживаетъ и то, что о твореніи человѣка [бытописатель] не говоритъ особо, какъ объ остальномъ и видѣ *Богъ, яко добро*, а сказавъ о его сотвореніи и дарованіи ему власти или господствовать или вкушать въ пищу, онъ прибавляетъ обо всемъ вообще: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло*. Въ самомъ дѣлѣ, можно вѣдь было сначала сказать отдѣльно и о человѣкѣ то же, что порознь говорилось обо всемъ, созданномъ раньше, а потомъ уже сказать обо всемъ, что сотворилъ Богъ, въ связи съ сотвореннымъ въ шестой день: *се добра зѣло*. Почему же о скотахъ, звѣрахъ и гадахъ земныхъ сказано то, что принадлежитъ шестому дню? Неужели—потому, что все это заслуживало названія добрымъ и каждое порознь, въ своемъ родѣ, и вмѣстѣ съ остальнымъ, а человѣкъ, сотворенный по образу Божию, заслужилъ это названіе только вмѣстѣ съ остальнымъ? Или, можетъ быть,—потому, что онъ еще былъ

несовершенъ, такъ какъ еще не былъ помѣщенъ въ рай, какъ если бы пропущенное здѣсь сказано было послѣ, когда онъ былъ помѣщенъ въ рай?

Что же сказать намъ? Развѣ не потому-ли Богъ захотѣлъ назвать человѣка не особо, а вмѣстѣ съ остальными [тварями], добрымъ, что предвидѣлъ, что человѣкъ согрѣшитъ и не устоитъ въ совершенствѣ образа Божія, т. е. какъ бы внушая, чѣмъ онъ будетъ? Ибо когда сотворенное остается такимъ, какимъ оно сотворено, какъ напр. то, что или не подвергалось грѣху или не можетъ грѣшнить, оно въ отдѣльности хорошо, а въ общемъ весьма хорошо. Вѣдь не напрасно же прибавлено: *зѣло*. И члены тѣла, хотя они въ отдѣльности хороши, однако въ цѣломъ составѣ гораздо лучше. Если бы напр. красивый глазъ мы увидали отдѣленнымъ отъ тѣла, то, конечно, не нашли бы его уже такимъ красивымъ, какимъ находили его въ составѣ членовъ, когда онъ занималъ свое мѣсто въ тѣлесномъ организмѣ. Впрочемъ, и то, что вслѣдствіе грѣха теряетъ свою красоту, ни въ какомъ случаѣ не доходитъ до того, чтобы даже и при помощи промысла не быть добрымъ въ связи съ цѣлымъ и въ общемъ составѣ. Человѣкъ до грѣха былъ, безъ сомнѣнія, добрымъ, но Писаніе объ этомъ умалчиваетъ, а говоритъ напротивъ о томъ, что будетъ, нѣчто предугадываетъ. И такъ сказано о немъ вѣрно. Ибо разъ онъ хорошъ въ отдѣльности, то, конечно, еще болѣе хорошъ и въ общемъ (*sum omnibus*). А разъ не хорошъ въ общемъ, надобно, чтобы хорошъ былъ и въ отдѣльности. Такимъ образомъ, сохраняется равномѣрность—говорится то, что уже въ настоящемъ вѣрно, и служитъ предугаданіемъ будущаго. Богъ есть преблагій создатель всѣхъ природъ и правосуднѣйшій промыслитель грѣшниковъ; такъ что хотя что-нибудь въ отдѣльности, вслѣдствіе грѣха, и становится безобразнымъ, однако вселенная прекрасна и съ нимъ. Но о дальнѣйшемъ поведемъ рѣчь уже въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объясняется начало второй главы Бытія, и, послѣ нѣ-
которыхъ [замѣчаній] о совершенствѣ шестеричнаго числа,
снова возбуждается вопросъ о 5 стихѣ 1 главы,—вопросъ
именно о томъ, какъ, съ сотвореніемъ свѣта, происходили
вечеръ и утро и, такимъ образомъ, исчислялись дни до ше-
стаго и седмаго.

ГЛАВА I.

Какъ должны быть понимаемы шесть дней.

*И совершишася небо и земля, и все украшеніе ихъ.
И соверши Богъ въ день шестойъ дѣла своя, яже сотвори:
и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже со-
твори. И благослови Богъ день седмый, и освяти его: яко
въ той почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ Богъ
творити.*—Надобно много усиленнаго напряженія, чтобы по-
стигнуть съ ясностію значеніе, какое писатель придавалъ
шести этимъ днямъ—прошли-ли они и, съ прибавленіемъ
къ нимъ седмаго, повторяются въ круговращеніи временъ не
самымъ дѣломъ, а только по имени, ибо во времени, взятомъ
въ своей совокупности, бываетъ много дней, похожихъ на
минувшіе, но одинъ и тотъ же никогда не повторяется,—
итакъ трудно дознать, прошли-ли тѣ дни, или же, между
тѣмъ какъ въ порядкѣ временъ наши дни, къ которымъ мы
прилагаемъ названіе и число тѣхъ дней, ежедневно минуютъ,
тѣ дни продолжаютъ оставаться [доселѣ] въ самыхъ осно-
вахъ (conditionibus) вещей; такъ что не только въ первыхъ
трехъ дняхъ, до появленія свѣтила, но и въ остальныхъ
трехъ подъ именемъ дня разумѣются виды (species) твори-
мой вещи, а подъ ночью—отсутствіе вида или недостатокъ
его, или буде другимъ какимъ-либо словомъ можно лучше

обозначить [моментъ], когда что-нибудь, при переходѣ отъ формы въ безформенности, лишается вида (а такой переходъ или присущъ въ возможности всей твари, хотя въ дѣйствительности его [иногда] и не бываетъ, какъ напр. въ высшихъ небесныхъ тваряхъ, или же, въ цѣляхъ восполненія временной красоты въ низшихъ предметахъ, совершается чрезъ чередующіяся смѣны всего преходящаго путемъ исчезанія стараго и замѣны его новымъ, какъ это мы видимъ въ области земныхъ и смертныхъ предметовъ); затѣмъ, вечеръ—это какъ бы окончаніе совершившагося творенія, а утро—начало вновь начинающагося, ибо всякая сотворенная природа имѣетъ свое опредѣленное начало и свой конецъ. Но первое-ли, или второе, или какое-нибудь третье болѣе вѣроятное (которое, можетъ быть, представится намъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи) мы примемъ объясненіе того, какъ въ тѣхъ дняхъ понимать ночь, вечеръ и утро.— это не мѣшаетъ намъ войти въ разсмотрѣніе совершенства шестеричнаго числа съ точки зрѣнія самой внутренней природы числа, умственно созерцая которую мы исчисляемъ и выражаемъ въ числахъ все, что подлежитъ нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ.

ГЛАВА II.

О совершенствѣ шестеричнаго числа.

Итакъ, въ шестеричномъ числѣ мы встрѣчаемъ первое совершенное число,—совершенное въ томъ отношеніи, что оно составляется изъ своихъ частей. Въ другихъ отношеніяхъ бываютъ и другія совершенныя числа. Шестеричное же число, какъ мы замѣтили, совершенно въ томъ отношеніи, что составляется изъ своихъ частей, но только такихъ частей, которыя, будучи сложены, въ своей суммѣ могутъ дать то именно число, частями коего онѣ служатъ. О такой части можно сказать, багая (*quanta*) она часть [даннаго] числа.

Можно и число три назвать частью не только шестеричнаго числа, котораго оно составляет половину, но и всѣхъ большихъ, чѣмъ оно само, числъ. Такъ, три составляютъ большую часть четырехъ и пяти: четыре можно раздѣлить на три и одинъ, а пять на три и два. Три составляютъ часть и семи, восьми, девяти и т. д., но часть уже не большую или половинную, а меньшую. Такъ, семь можно раздѣлить на три и четыре, восемь на три и пять, девять на три и шесть. Но ни объ одномъ изъ этихъ числъ нельзя сказать, какою часть каждаго изъ нихъ составляетъ число три, за исключеніемъ только числа девять, котораго оно служить третью частью, какъ—половиной шести. Такимъ образомъ, ни одно изъ всѣхъ, приведенныхъ нами, числъ не составляется изъ нѣсколькихъ трехъ, за исключеніемъ только шести и девяти: первое состоитъ изъ двухъ, а послѣднее изъ трехъ третичныхъ числъ.

Итакъ, число шесть, какъ уже сказалъ я, составляется изъ своихъ, сложенныхъ вмѣстѣ и взятыхъ въ суммѣ, частей. Есть числа, части которыхъ, вмѣстѣ сложенные, составляютъ меньшую, а другія—большую сумму. Но въ извѣстныхъ между ними промежуткахъ встрѣчаются очень немногія числа, состоящія изъ такихъ частей, сумма которыхъ ни ниже, ни выше, а равна тому числу, частями коего онѣ служатъ. Первое изъ нихъ шестеричное число. Такъ, единица не имѣетъ никакихъ частей. Въ порядкѣ числъ, при помощи которыхъ мы ведемъ счисленіе, единицей мы называемъ такое число, которое не имѣетъ половины или какой-либо части, а есть настоящая, голая и простая единица. Частью двухъ служитъ единица, и притомъ—частью половинной; другой части это число не имѣетъ. Но число три имѣетъ двѣ части—одну, о которой можно сказать, какая она часть этого числа, т. е. единицу, ибо это будетъ третья его часть, и другую большую, о которой уже нельзя сказать, какая

она его часть, т. е. два: очевидно, части эти не могутъ быть названы частями, которыя мы имѣемъ въ виду, т. е. такими, о которыхъ можно сказать, какія онѣ части числа трехъ. Затѣмъ, число четыре имѣетъ такъ же двѣ части, именно—единицу, четвертую часть, и два, половину; но обѣ эти части, т. е. единица и два, въ суммѣ составляютъ три, а не четыре; слѣд., не составляютъ числа четыре, потому что въ сложности даютъ меньшую сумму. Число пять имѣетъ одну только часть, т. е. единицу, которая составляетъ пятую его часть, ибо хотя два—часть меньшая, а три—большая въ сравненіи съ пятью, однако ни о той, ни о другой изъ нихъ нельзя сказать, какая она часть пяти. Но шестеричное число имѣетъ уже подобныя части—шестую, третью и половину: шестая его часть—единица, третья—два, половинная—три. А эти части, т. е. одинъ, два и три, сложенные въ сумму, составляютъ число шесть.

Число семь имѣетъ уже одну только подобную часть, единицу. Восемь—три: восьмую, четвертую и половинную, т. е. единицу, два и четыре, но, сложенные вмѣстѣ, онѣ въ суммѣ даютъ семь; слѣд., восьми не составляютъ. Число девять имѣетъ двѣ части: девятую, т. е. единицу, и третью, т. е. три, но сложенные въ сумму, онѣ составляютъ число гораздо меньшее девяти, именно—четыре. Число десять имѣетъ три части: десятую—единицу, пятую—два и половинную—пять, которыя, будучи сложены вмѣстѣ, равняются восьми, а не десяти. Число одиннадцать имѣетъ одну только часть—одиннадцатую, какъ семь—седьмую, пять—пятую и три—третью. Но число двѣнадцать, если сложить подобныя его части въ одну сумму, не остается тѣмъ же числомъ, а возрастаетъ: части его въ своей суммѣ составляютъ число большее двѣнадцати, достигая до шестнадцати. Именно—число двѣнадцать имѣетъ пять частей: двѣнадцатую, шестую, четвертую, третью и половинную; двѣнадцатая его часть—, единица, шестая—два, четвертая—три, третья—четыре и

половинная—шесть, а одинъ, два, три, четыре и шесть въ суммѣ составляютъ шестнадцать.

Словомъ сказать, въ безконечномъ ряду числъ встрѣчается много такихъ, которыя имѣютъ или одну только подобную часть, какъ напр. три, пять и т. п., или много, но притомъ такъ, что эти части, будучи сложены въ одну сумму, составляютъ число меньшее, какъ напр. восемь, девять и многія др., или большее, какъ напр. двѣнадцать, восемнадцать и многія др. И такихъ числъ встрѣчается гораздо больше въ сравненіи съ тѣми, которыя называются совершенными въ виду того, что они состоятся изъ своихъ, сложенныхъ въ одну сумму, частей. Такъ, послѣ шести, мы встрѣчаемъ еще число двадцать восемь, которое состоитъ изъ подобныхъ же частей; именно—оно имѣетъ пять частей: двадцать-восьмую, четырнадцатую, седмую, четвертую и половинную, т. е. единицу, два, четыре, семь и четырнадцать, которыя, сложенные въ сумму, даютъ двадцать восемь. И чѣмъ дальше впередъ идетъ порядокъ числъ, тѣмъ чрезъ большіе промежутки встрѣчаются числа, которыя, если сложить ихъ части въ одну сумму, равны самимъ себѣ и называются совершенными. Тѣ же числа, части которыхъ, сложенные въ сумму, не даютъ того числа, частями коего онѣ служатъ, называются несовершенными, а числа, части которыхъ превышаютъ [свое число], называются болѣе, чѣмъ совершенными.

Такимъ образомъ, Богъ произвелъ дѣла творенія въ совершенное число дней, т. е. шестеричное: *и соверши*, написано, *Богъ въ день шестой дѣла своя, яже сотвори* (Быт. II, 2). Но это число заслуживаетъ большаго нашего вниманія, если мы всмотримся въ порядокъ самыхъ этихъ дѣлъ. Именно, какъ это число по своимъ частямъ возростаетъ постепенно въ трехчленное (in trigonum), ибо числа—одинъ, два и три слѣдуютъ одно за другимъ такъ, что между ними нельзя вставить никакого другого, и представляютъ каждое

части шестеричнаго числа, изъ коихъ состоитъ оно, одинъ—шестую, два—третью и три—половинную: такъ въ одинъ день сотворенъ свѣтъ, а въ слѣдующіе два—нашъ настоящій міръ, въ одинъ день—высшая его часть, т. е. твердь, а въ другой—низшая, земля и море; но высшую часть [Богъ] не наполнилъ никакими родами тѣлесной пищи, такъ какъ Онъ не намѣренъ былъ тамъ помѣщать тѣла, нуждающіяся въ подобнаго рода возстановленіи, низшую же часть, которую Онъ намѣренъ былъ украсить соответствующими ей животными, напередъ богато снабдилъ необходимыми для нихъ родами пищи. Въ остальные три дня созданы тѣ видимыя [твари], которыя внутри міра, т. е. внутри видимой, устроенной изъ всѣхъ элементовъ, вселенной обладаютъ соответствующими имъ движеніями, именно—сначала свѣтила на тверди, такъ какъ твердь сотворена раньше, а затѣмъ въ низшей области—животныя, какъ требовалъ того ихъ порядокъ, т. е. въ одинъ день—водныя, а въ другой—земныя. Впрочемъ, никто не будетъ настолько безуменъ, чтобы осмѣлиться сказать, будто Богъ не могъ создать, если бы захотѣлъ, все и въ одинъ день, или, если бы захотѣлъ, въ два дня—въ одинъ духовную тварь, а въ другой тѣлесную, или—въ одинъ день небо со всѣмъ, что принадлежитъ ему, а въ другой—землю со всѣмъ, что на ней находится, да и вообще—когда бы захотѣлъ, во сколько бы времени захотѣлъ и какимъ бы образомъ захотѣлъ: кто скажетъ, что Его воля могло что-нибудь противодѣйствовать?

ГЛАВА III.

О написанномъ въ XI, 21 Премудрости: вся мѣрою, и числомъ, и проч.

По этой причинѣ, когда мы читаемъ, что Богъ совершилъ все въ шесть дней и, входя въ разсмотрѣніе шестеричнаго числа, находимъ, что оно—число совершенное и что

твари получаютъ свое бытіе въ такомъ порядкѣ, который является какъ бы постепеннымъ разчлененіемъ самыхъ тѣхъ частей, изъ коихъ это число состоитъ,—на память намъ можетъ прити сказанное въ другомъ мѣстѣ Писаній: *вся мѣрою, и числомъ, и вѣсомъ расположилъ еси* (Премудр. XI, 21), и умъ мыслящій, призвавъ на помощь Бога, дающего и вдохновляющаго его силы, можетъ спросить, существовали-ли мѣра, число и вѣсъ, по которымъ Богъ, какъ написано, расположилъ все, гдѣ-нибудь раньше, чѣмъ сотворены всѣ твари, или же сотворены и сами, и если существовали раньше, то гдѣ существовали?—Раньше тварей ничего не было, кромѣ Творца; слѣд., въ Немъ существовали и они. Но какъ же существовали, когда и то, что сотворено, существуетъ, какъ читаемъ (Рим. IX, 36), въ Немъ же? Развѣ, можетъ быть, мѣра, число и вѣсъ существовали, какъ Онъ Самъ, а все сотворенное существуетъ въ Немъ, какъ въ Томъ, Кто всѣмъ управляетъ? Но какимъ образомъ тѣ [существовали], какъ Онъ? Богъ вѣдь не есть ни мѣра, ни число, ни вѣсъ, ни все подобное. Развѣ, можетъ быть, съ той точки зрѣнія, какъ знаемъ мы мѣру, число и вѣсъ въ вещахъ, которыя измѣряемъ, исчисляемъ и взвѣшиваемъ, они не Богъ; съ той же точки зрѣнія, что мѣра сообщаетъ всякой вещи опредѣленность (*modum*), число—форму (*speciem*), а вѣсъ—покой и устойчивость, они въ своемъ первоначальномъ, истинномъ и единственномъ видѣ суть Онъ,—Тотъ, Кто всему даетъ опредѣленность, форму и порядокъ; отсюда, изреченіе: *вся мѣрою, и числомъ, и вѣсомъ расположилъ еси* (какъ только оно и могло быть выражено для человѣческаго сердца и на человѣческомъ языкѣ) имѣетъ не другой какой-нибудь смыслъ, какъ тотъ, что „все расположилъ Ты въ Себѣ“.

ГЛАВА ІV.

О томъ, что Богъ есть мѣра безъ мѣры, число безъ числа, вѣсь безъ вѣса.—Троица.

Дѣло великое и для немногихъ посильное—надъ вѣмъ, что можетъ быть измѣряемо, исчисляемо и взвѣшиваемо, подняться настолько, чтобы видѣть Мѣру безъ мѣры, Число безъ числа и Вѣсь безъ вѣса. Ибо мѣру, число и вѣсь можно видѣть и мыслить не въ однихъ только камняхъ, деревьяхъ и подобнаго рода тѣлесныхъ массахъ, какія бы онѣ ни были, небесныя-ли, или земныя. Есть еще мѣра для дѣйствованія, чтобы оно не переходило въ безостановочное и неумѣренное движеніе впередъ; есть число для состояній и силъ духа, которымъ онъ опредѣляется, переходя отъ безобразія глупости къ формѣ и красотѣ мудрости; есть вѣсь для воли и любви, который служитъ показателемъ, насколько и что именно взвѣшивается нами, когда мы чего-либо желаемъ или избѣгаемъ, что-нибудь предполагаемъ или отмѣняемъ. Но эта духовно-мысленная мѣра содержится въ другой мѣрѣ; это духовно-мысленное число образуется другимъ числомъ; этотъ духовно-мысленный вѣсь отвлекается отъ другаго вѣса. Между тѣмъ, есть Мѣра безъ мѣры, съ которою сообразуется то, что отъ Нея [происходитъ], Сама же Она не происходитъ ниоткуда; есть Число безъ числа, по которому все образуется, Само же Оно не образуется; есть Вѣсь безъ вѣса, къ Которому, дабы обрѣсти успокоеніе, тяготѣть все, покой чего состоитъ въ чистой радости, Самъ же Онъ ни къ чему другому уже не тяготѣеть.

Но кто знаетъ имена мѣры, числа и вѣса въ ихъ только вѣшнемъ значеніи (*visibliter*), тотъ знаетъ ихъ неизменнымъ образомъ (*serviliter*). Пусть же поднимается онъ выше всего того, что знаетъ подобнымъ образомъ, или, если [этого сдѣлать] еще не можетъ, пусть не пристращается

къ именамъ, о которыхъ можно мыслить только низменно. Ибо тѣмъ они для каждаго дороже въ приложеніи къ высшимъ предметамъ, чѣмъ меньше самъ онъ—плоть въ области низшихъ. Если же кто-нибудь этихъ названій, которыми привыкъ обозначать низменные предметы, не хочетъ относить къ высшимъ предметамъ, для созерцанія которыхъ старается очистить свой умъ, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ заставлять его это и дѣлать. Ибо какъ скоро имѣется понятіе о томъ, что [подъ этими именами] разумѣть должно, не слѣдуетъ особенно стараться о томъ, какъ оно называется. Впрочемъ, необходимо знать, какое существуетъ сходство низшаго съ высшимъ: въ такомъ только случаѣ разумъ движется и направляется правильно отъ низшаго къ высшему.

Если и теперь еще кто-нибудь скажетъ, что мѣра, число и вѣсъ, по которымъ Богъ, по свидѣтельству Писанія, расположилъ все, сотворены, въ такомъ случаѣ [мы спросимъ его]: если Богъ расположилъ по нимъ все, гдѣ же расположилъ ихъ самихъ? если въ [чемъ-либо] другомъ, какимъ образомъ будетъ въ нихъ все, когда сами они въ другомъ? Несомнѣнно, такимъ образомъ, что мѣра, число и вѣсъ, по которымъ Богъ расположилъ все, существуютъ внѣ того, что по нимъ расположено.

ГЛАВА V.

Идея мѣры, числа и вѣса, по которымъ расположено все, существуетъ въ Самомъ Богѣ.

Развѣ, можетъ быть, мы сдѣлаемъ предположеніе, что изреченіе: *вся мѣрою, и числомъ и вѣсомъ расположилъ еси* имѣетъ такой же смыслъ, какъ если бы было сказано: „все Ты расположилъ такъ, чтобы оно имѣло мѣру, число и вѣсъ?“ Въ самомъ дѣлѣ, если бы было сказано: „всѣ тѣла Ты расположилъ по цвѣтамъ“ (*in coloribus*), еще конечно не слѣдовало бы отсюда, что сама Премудрость Божія, ко-

торую сотворено все, раньше имѣла въ Себѣ цвѣта, по которымъ потомъ сотворены тѣла; но выраженіе: „всѣ тѣла Ты расположилъ по цвѣтамъ“ было бы нами понято такъ, какъ если бы было сказано: „всѣ тѣла Ты расположилъ такъ, чтобы они имѣли цвѣта“. — Какъ будто, если бы было сказано, что Творецъ-Богъ расположилъ тѣла по цвѣтамъ, т. е. такъ, чтобы они имѣли цвѣта, возможно это понимать иначе, а не такъ, что въ самой Премудрости Располагающаго существовала нѣкоторая идея (ratio) цвѣтовъ, которые должны были потомъ распредѣлиться соотвѣтственно каждому роду тѣлъ, хотя бы самаго названія цвѣта въ этомъ случаѣ мы и не встрѣчали! Ибо, какъ уже сказалъ я, разъ мы вещь знаемъ, о названіяхъ ея заботиться нѣтъ надобности.

ГЛАВА VI.

Гдѣ созерцалъ Богъ, располагая все.

Итакъ, допустимъ, что изреченіе: *вся мѣроу, и числомъ и въсомъ расположилъ еси* имѣетъ таковой же смыслъ, какъ если бы было сказано: „все расположено такъ, чтобы имѣло свою собственную мѣру, свое собственное число и свой собственный вѣсъ“ и, согласно съ даннымъ ему отъ Бога расположеніемъ, измѣнялось, являясь крупнѣе и мельче, больше и меньше, легче и тяжелѣе, сообразно съ измѣняемостью своего рода. Неужели, подобно тому, какъ измѣняется все, мы назовемъ измѣняемымъ и самый совѣтъ Божій, по которому расположено все? Избави, Боже, отъ такого безумія!

Итакъ, если все располагалось такъ, чтобы оно имѣло свои мѣры, свои числа и свой вѣсъ, гдѣ [спрашивается] созерцалъ все самъ Располагающій? Безъ сомнѣнія, не въ Самомъ Себѣ, подобно тому, какъ мы глазами созерцаемъ тѣла: всего этого еще не было, какъ скоро оно располагалось въ бытію. Не созерцалъ Онъ того и внутри Самого Себя, подобно тому, какъ мысленно (animo) мы созерцаемъ тѣлес-

ные образы, которые не взорамъ нашимъ предстоятъ, а мы мыслимъ ихъ, представляя [въ своемъ умѣ] то, что видимъ или на основаніи того, что видимъ. Какъ же созерцалъ Онъ все это? А какъ иначе, нежели какъ одинъ только Онъ можетъ?

ГЛАВА VII.

Какъ созерцаемъ мы совершенство шестеричнаго числа.

Впрочемъ, даже и мы, существа смертныя и грѣховныя, въ которыхъ тѣло тѣнное отягощаетъ душу и земное житіе обременяетъ умъ многопечителенъ (Прем. IX, 15), — даже и мы, хотя намъ и неизвѣстна божественная сущность, какъ [извѣстна] она самой себѣ (если бы даже мы обладали чистѣйшимъ сердцемъ и совершеннѣйшимъ умомъ и были уже подобны святымъ Ангеламъ), вышеуказанное совершенство шестеричнаго числа созерцаемъ не внѣ самихъ себя, какъ — тѣла глазами, и не внутри себя, какъ — тѣлесные образы и формы видимыхъ предметовъ, а другимъ, совершенно особеннымъ, образомъ. Правда, когда мы мыслимъ составъ, или порядокъ, или дѣлимость шестеричнаго числа, предъ нашимъ умственнымъ взоромъ предносятся какъ бы нѣкоторыя подобія телець (corpusciclogum); однако, умъ болѣе сильный и мощный не останавливается на нихъ, а созерцаетъ внутреннѣйшую сущность числа и, съ этой точки зрѣнія, говоритъ съ увѣренностію (какъ говорится это о единицѣ), что оно не можетъ быть дѣлимо ни на какія части, тогда какъ всѣ тѣла дѣлятся на безчисленныя части; и что скорѣе мнвуютъ небо и земля, которыя устроены по шестеричному числу, чѣмъ можетъ случиться, чтобы шестеричное число не составлялось изъ своихъ частей. Такимъ образомъ, умъ человѣческій долженъ благодарить Создателя, которымъ сотворенъ онъ такъ, что можетъ видѣть то, чего [не могутъ видѣть] ни одна птица, ни одно животное, хотя, впрочемъ, вмѣстѣ съ нами они видятъ и небо, и землю, и свѣтила, и море, и сушу и все, что на нихъ находится.

По этой причинѣ мы можемъ сказать, что не потому шестеричное число совершенно, что Богъ создалъ всё дѣла Свои въ шесть дней, а потому Онъ и создалъ Свои дѣла въ шесть дней, что шестеричное число совершенно. Отсюда, хотя бы они и не были совершенны, оно было бы совершенно; а если бы не было совершенно оно, вслѣдъ за нимъ не были бы совершенны и они.

ГЛАВА VIII.

Какъ понимать покой Божій въ седмой день.

Пытаясь теперь, насколько при помощи Божіей для насъ возможно, понять написанное, что Богъ почилъ въ седмой день отъ всёхъ дѣлъ Своихъ, которыя сотворилъ, благословилъ его и освятилъ, потому что въ этотъ день почилъ, мы прежде должны очистить свой умъ отъ плотскихъ человѣческихъ на этотъ предметъ возрѣвій. Прилично-ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить или думать, что Богъ, при твореніи всего вышенаписаннаго, трудился, когда говорилъ и [слово Его] исполнялось? Мы не назвали бы и человѣка трудящимся, если бы онъ сказалъ, чтобы что-нибудь сдѣлалось, и его слово тотчасъ же исполнилось. Правда, человѣческое слово, выражающееся въ звукахъ, произносится такъ, что продолжительная рѣчь бываетъ утомительна; однако, если эти слова настолько же братки, настолько кратки и слова, которыя, какъ мы читаемъ, Богъ изрекалъ, когда говорилъ: *да будетъ свѣтъ! да будетъ твердь!* и другія до самаго конца дѣла, которыя Онъ завершилъ въ седмой день, то было бы крайнею нецѣпостью считать ихъ трудомъ не только для Бога, но даже и для человѣка.

ГЛАВА IX.

Въ какомъ смыслѣ говорится, что Богъ поживаетъ.— Скорбь заслуживающая похвалы.

Развѣ, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что Богъ трудился не тогда, какъ изрекалъ слово, дабы явилось бѣ

бытію то, что потомъ сотворено, а тогда, когда мыслилъ, что должно явиться къ бытію, и освободившись, по сотвореніи вещей, отъ этой заботы, Онъ справедливо захотѣлъ благословить и освятить день, въ который впервые сталъ свободнымъ отъ этого напряженія духа? Но разсуждать подобнымъ образомъ значить рѣшительно безумствовать (ибо Богъ обладаетъ какъ способностью, такъ и неизреченною и ни съ чѣмъ не сравнимою легкостью къ созданію вещей); поэтому, намъ ничего не остается, какъ думать, что для разумной твари, въ ряду которой сотворенъ и человѣкъ, Богъ, послѣ ея сотворенія, указалъ покой въ Самомъ Себѣ, даровавъ намъ Духа Святаго, которымъ изливается любовь въ сердца наши, дабы мы стремились туда, куда достигши, обрѣтали бы покой, т. е. ничего уже больше не искали. Ибо какъ правильно сказать, что все, что только мы, по дѣйствию Божію, дѣлаемъ, дѣлаетъ Богъ, такъ правильно же будетъ сказать, что когда мы по дару Божію обрѣтаемъ покой, успокоивается Богъ.

И такое пониманіе будетъ правильно, такъ какъ справедливо и большаго напряженія не требуется видѣть, что, когда мы говоримъ о Богѣ, что Онъ успокоивается, дѣлая насъ покойными, говоримъ такъ же, какъ и то, что Богъ познаетъ, дѣлая насъ познающими. Богъ, конечно, не познаетъ временнымъ образомъ ничего такого, чего не зналъ раньше; и однако, въ Аврааму Онъ обращается съ словами: *нынѣ познахъ, яко боишися Бога* (Быт. XXII, 12), которыя означаютъ не что иное, какъ слѣдующее: „нынѣ Я сдѣлалъ такъ, чтобы узнано было“ [что ты боишься Бога]. Подобными слововыраженіями, когда о чемъ-либо, не принадлежащемъ Богу, мы говоримъ какъ бы о принадлежащемъ Ему, мы обозначаемъ, что Богъ обращаетъ это въ принадлежащее намъ; но только то, что похвально и насколько оно допускается Писаніемъ. Ибо о Богѣ мы не должны говорить необдуманно ничего такого, чего не читаемъ въ Его Писаніяхъ.

Къ числу такихъ слововыраженій принадлежитъ, по моему мнѣнію, и изреченіе Апостола: *не оскорбляйте Духа Святаго Божія, имже знаменистесь въ день избавленія* (Еф. IV, 30). По самой субстанціи Своей, поскольку существуетъ самъ въ Себѣ, Духъ Святой не можетъ оскорбляться: Онъ обладаетъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ блаженствомъ и есть даже само вѣчное и неизмѣнное блаженство. Но такъ какъ Онъ обитаетъ въ святыхъ, исполняя ихъ любовію, по которой они, какъ люди, смотря по обстоятельствамъ, необходимо радуются преуспѣванію и добрымъ дѣламъ вѣрныхъ, и столь же необходимо скорбитъ о паденіяхъ или грѣхахъ тѣхъ, чьей вѣрѣ и благочестію радовались (а такая скорбь заслуживаетъ похвалы, потому что она проистекаетъ отъ любви, изливаемой въ нихъ Духомъ Святымъ): то и говорится, что самъ Духъ Святой оскорбляется тѣми, которые живутъ такъ, что ихъ дѣлами оскорбляются святые,—оскорбляются не почему-либо иному, какъ потому, что имѣютъ Духа Святаго и, по дару Его, настолько добры, что злые печалятъ ихъ, особенно же тѣ, которыхъ они или знали, или считали добрыми. Само собою понятно, что подобная скорбь не только не заслуживаетъ порицанія, но достойна похвалы и славы.

Такимъ же слововыраженіемъ пользуется удивительнымъ образомъ тотъ же Апостоль и въ другой разъ, говоря: *нынѣ же познавше Бога, паче же познани бывше отъ Бога* (Гал. IV, 9). Богъ, безъ сомнѣнія, не теперь только позналъ тѣхъ, которыхъ зналъ отъ сложенія міра (I Петр. I, 10); но такъ какъ теперь сами они познали Бога по дару Его, а не по своимъ заслугамъ или способностямъ, то [Апостоль] предпочелъ лучше употребить переносный способъ слововыраженія, называя ихъ познанными отъ Бога тогда, когда уже Онъ самъ являлъ имъ Себя для познанія, и внести въ свои слова поправку, какъ будто сказанное имъ сначала

въ собственномъ смыслѣ не столь вѣрно, чѣмъ попустить, чтобы они усвоили себѣ то, что даровалъ имъ Богъ.

ГЛАВА X.

Вопросъ, могутъ ли Богъ почитать въ собственномъ смыслѣ.

Для нѣкоторыхъ, можетъ быть, будетъ и достаточнымъ — изреченіе, что Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя сотворилъ *добри зла*, разумѣть въ томъ смыслѣ, что Онъ даруетъ покой намъ, если мы будемъ творить добрыя дѣла. Но, продолжая разсмотрѣніе этого изреченія Писанія, спросимъ, какимъ образомъ могутъ почитать самъ Богъ, хотя бы Своимъ покоемъ и внушалъ намъ надежду на будущій покой нашъ въ Себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, небо и землю со всѣмъ, что на нихъ находится, Богъ сотворилъ одинъ, закончивъ все это въ седьмой день, и нельзя связать, чтобы при этомъ, по Его дару, сотворили что-нибудь и мы и чтобы изреченіе: *и сотвори Богъ въ день седьмый дѣла Своя, яже сотвори*, сказано было въ томъ смыслѣ, что по Его дару они совершены нами. Такъ точно и изреченіе: *и почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ* мы должны понимать не въ смыслѣ, очевидно, собственнаго нашего покоя, который, по соизволенію Божию, мы получимъ, а прежде всего — въ смыслѣ покоя самого Бога, какимъ, по совершеніи Своихъ дѣлъ, Онъ почилъ въ седьмой день; такъ что этимъ изреченіемъ сначала указывается на всѣ описанныя выше дѣла, а потомъ уже, если нужно, внушается намъ мысль, что дѣла эти собою и нѣчто обозначаютъ. Ибо правильно будетъ сказать, что какъ Богъ, послѣ Своихъ добрыхъ дѣлъ, почилъ, такъ послѣ своихъ добрыхъ дѣлъ почиемъ и мы. Но отсюда столь же правильно вытекаетъ и такое требованіе, что какъ о дѣлахъ Божиихъ сказано, что они, какъ это достаточно видно, суть дѣла самого Бога, такъ достаточно уже

сказано и о покоѣ Божіемъ, что онъ, какъ показано, есть покой самого Бога.

ГЛАВА ХІ.

Какъ примиряются двѣ мысли, что Богъ и почилъ въ седмой день и досель дѣлаетъ.

Поэтому, на вполне справедливомъ основаніи, мы переходимъ къ сильному изслѣдованію и раскрытію вопроса, какимъ образомъ будетъ истиннымъ и здѣсь сказанное, что Богъ въ седмой день почилъ отъ всѣхъ, какія сотворилъ, дѣла Своихъ, и сказанное въ Евангеліи Тѣмъ, имже вся бысть: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17).—Слова эти сказаны Имъ въ отвѣтъ на жалобы, что Онъ не чтитъ субботы, установленной въ древности авторитетомъ Писанія, ради покоя Божія. И съ вѣроятностію можно сказать, что храненіе субботы заповѣдано было іудеямъ, какъ сѣнь грядущаго, знаменующая духовный покой, который примѣромъ Своего покоя Богъ таинственно общалъ вѣрнымъ, творящимъ добрыя дѣла. Таинство этого покоя подтвердилъ Своимъ погребеніемъ и самъ Господь Христосъ, предавшій Себя вольному страданію. Онъ почилъ во гробъ въ самый день субботы и весь этотъ день провелъ въ нѣкоемъ священномъ покоѣ, послѣ того, какъ въ шестой день, т. е. пятокъ (называемый шестымъ отъ субботы), совершилъ всѣ дѣла Свои, когда все, что о Немъ написано, закончилось древомъ крестнымъ. Онъ употребилъ и самое это слово, сказавъ: *Совершишася, и преклонь главу, предаде духъ* (Іоан. XIX, 30). Что же удивительнаго, если Богъ, желая предугадать день, въ который Христосъ имѣлъ почить во гробъ, почилъ на одинъ день отъ дѣлъ Своихъ, намѣреваясь потомъ дѣйствовать втеченіе вѣковъ; такъ что истиннымъ является и изреченіе: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ?*

ГЛАВА XII.

Другое основаніе для примиренія Писанія о покоѣ и продолжающемся дѣйствіи Божиємъ.

Возможно и такое пониманіе, что Богъ почилъ отъ созданія новыхъ родовъ творенія, переставъ больше творить какіе-либо новые роды, но Онъ непрерывно доселѣ (и дальше потомъ) дѣлаеть, промысля о тѣхъ родахъ, которые тогда были установлены, такъ что даже и въ самый седьмой день всемогущество Его не оставляло управленія небомъ и землею и всѣмъ сотвореннымъ; иначе все это мгновенно бы разрушилось. Ибо могущество Творца и сила Всемощнаго и Вседержащаго служатъ причиною существованія всей твари; если бы эта сила перестала когда-нибудь управлять, вмѣстѣ съ тѣмъ перестали бы существовать и его виды, и вся бы природа погибла. Когда архитекторъ, окончивъ зданіе, оставляетъ его, произведенная имъ постройка продолжаетъ существовать и безъ него; не то съ міромъ: онъ не могъ бы остаться и на мгновеніе ова, если бы Богъ лишилъ его Своего промысленія.

Поэтому, и сказанное Господомъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаеть* указываетъ на нѣкоторую продолжающуюся дѣятельность Отца, которою поддерживается и управляется вся тварь. Иначе бы можно было понять Его, если бы Онъ сказалъ: „и нынѣ дѣлаеть“, — въ такомъ случаѣ не было бы необходимости въ словахъ Его разумѣть продолжающейся дѣятельности; но иначе должны мы понимать Его, когда Онъ говоритъ: *доселѣ дѣлаеть*, т. е. дѣлаеть съ того времени, какъ создалъ все. Равнымъ образомъ, если правильно понять написанное о Его Премудрости: *досязаетъ же отъ конца до конца крѣпко и управляетъ вся благо* (Прем. VIII, 1), а такъ же, что движенія Ея *всякаго движенія подвижнѣйша* (Прем. VII, 24), то будетъ достаточно видно, что это Свое ни съ чѣмъ не сравнимое, неизреченное и, если

такъ можно выразиться, неизмѣнное (*stabilem*) движеніе Она проявляетъ въ благомъ управленіи вещами, съ отнятіемъ котораго, если бы Она пребратила эту Свою дѣятельность, онѣ тотчасъ же погибнуть. Точно такъ же и то, что говоритъ Апостолъ, проповѣдуя о Богѣ аенянамъ: *о Немже живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. XII, 28), будучи понято вѣрно, насколько это для человѣческаго ума возможно, благопріятствуетъ тому мнѣнію, на основаніи котораго мы и вѣруемъ и говоримъ, что Богъ дѣйствуетъ непрерывно въ сотворенномъ Имъ мірѣ. Впрочемъ, мы существуемъ въ Немъ не какъ Его субстанція, въ томъ смыслѣ, какъ сказано о Немъ, что Онъ *животъ имать въ Себѣ* (Іоан. V, 26); но такъ какъ мы, безъ сомнѣнія, иное, чѣмъ самъ Онъ, то въ Немъ существуемъ мы въ томъ только смыслѣ, что Онъ такъ дѣлаетъ, Его это—дѣло; Онъ все содержитъ и Премудрость Его *дослазаетъ отъ конца до конца крѣпко и управляетъ вся благо*, и вотъ въ силу этого-то управленія мы и живемъ, движемся и есмы. Отсюда слѣдуетъ, что если Онъ это Свое дѣло отъ вещей отниметь, не будемъ и мы жить, двигаться и существовать. Итакъ, ясно, что Богъ ни на одинъ день не прекращалъ Своего промыслительнаго дѣйствія о мірѣ; въ противномъ случаѣ, міръ мгновенно бы утратилъ свои естественныя движенія, которыми онъ управляется и такъ оживляется, что всѣ существа его сохраняютъ свое бытіе и каждое изъ нихъ, сообразно своему роду, остается тѣмъ, чѣмъ оно есть, и все мгновенно бы перестало существовать, если бы отъ міра отнято было то движеніе Премудрости Божіей, которымъ Она управляетъ вся благо. Поэтому выраженіе, что Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя сотворилъ, мы понимаемъ такъ, что Онъ не сталъ создавать больше ни одной новой твари, а не такъ, что пересталъ сохранять уже созданныя и управлять ими. Отсюда истинно какъ то, что Онъ въ седьмой день почилъ, такъ и то, что Онъ доселѣ дѣлаетъ.

ГЛАВА XIII.

О празднованіи субботы. — Христіанская суббота.

Благія дѣла Его мы видимъ, а Его покой увидимъ послѣ своихъ добрыхъ дѣлъ. Для обозначенія этого покоя, Онъ заповѣдалъ евреямъ чтить одинъ день (Исх. XX, 8). Евреи понимали это почитаніе въ такомъ плетскомъ смыслѣ, что, видя Господа, обвиняли Его въ томъ, что Онъ въ этотъ день дѣлаетъ дѣло нашего спасенія, но Онъ вполне справедливо отвѣчалъ имъ указавіемъ на дѣло Отца, одинаково съ которымъ Онъ занятъ дѣломъ не только управленія тварями, но и нашего спасенія. Во время явившейся благодати почитаніе субботы, которое выражалось въ празднованіи одного дня, снято съ вѣрныхъ. Въ этой благодати празднуетъ уже постоянную субботу тотъ, кто, что ни дѣлаетъ добраго, дѣлаетъ въ надеждѣ на будущій покой, и своими добрыми дѣлами не хвалится, какъ будто бы обладая благомъ, котораго бы не получилъ. Понимая и разумѣя таинство крещенія, какъ день субботы, т. е. Господня покоя во гробѣ, онъ вкушаетъ покой отъ прежнихъ дѣлъ своихъ и, начавъ *ходить въ обновленіи жизни* (Рим. I, 4), познаетъ, что въ немъ дѣйствуетъ Богъ, который въ одно и то же время и дѣйствуетъ и почиваетъ, съ одной стороны проявляя Себя въ соотвѣтствующемъ управленіи тварью, съ другой — въ Себѣ Самомъ оставаясь вѣчно покойнымъ.

ГЛАВА XIV.

Почему Богъ освятить день Своего покоя.

Такимъ образомъ, Богъ не испытывалъ ни утомленія, когда творилъ, ни отдохновенія, когда пересталъ творить; но только посредствомъ Своего Писанія хотѣлъ возбудить въ насъ желаніе покоя, объявляя намъ, что Онъ освятить день, въ который почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Изъ всѣхъ

шести дней, втеченіе которыхъ Богъ сотворилъ все, мы ни объ одномъ не читаемъ, чтобы Онъ освятилъ что-нибудь; съ другой стороны, прибавленіе: *и освяти* сдѣлано и не предъ шестью этими днями, къ словамъ: *въ началѣ Богъ сотвори небо и землю*. Но Онъ благоволилъ освятить тотъ день, въ который почилъ отъ всѣхъ, какія сотворилъ, дѣлъ Своихъ, какъ будто бы и для Него, не испытывающаго въ Своихъ дѣланіи никакого утомленія, покоя имѣеть больше значенія, чѣмъ дѣйствіе. Въ приложеніи къ людямъ эту мысль внушаетъ намъ Евангеліе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель нашъ называетъ часть Маріи, которая, сидя у ногъ Его, вкушала покой въ словѣ Его, лучшею, чѣмъ часть Марѳы, хотя она занята была заботой о многомъ съ цѣлію услужить Ему и хотя занятіе ея было дѣло доброе (Лук. X, 39—42). Но какимъ образомъ можетъ это быть или мыслиться въ приложеніи къ Богу, сказать трудно, хотя мы и можемъ приблизиться до нѣкоторой степени къ мысли, почему Богъ освятилъ день Своего покоя, не освятивъ ни одного Своего дѣла, даже и шестаго дня, въ который сотворилъ человѣка и закончилъ всѣ дѣла творенія. Да и самаго главнаго [вопроса], въ чемъ заключается покой Божій, чей пронизательный человѣческій умъ разрѣшить въ состояніи? Однако, если бы этого покоя не было, Писаніе, конечно, не упоминало бы о немъ. Скажу просто, что думаю, предпославъ двѣ слѣдующія несомнѣнныя [истины]— съ одной стороны, что Богъ не улаждался какимъ-либо временнымъ покоемъ, какъ бы послѣ труда и достигнутаго конца работы, съ другой—что и Писаніе, справедливо облеченное такимъ авторитетомъ, не напрасно и не ложно говорить, что Богъ почилъ въ седьмой день отъ всѣхъ, какія сотворилъ, дѣлъ Своихъ и по этой причинѣ освятилъ его.

ГЛАВА XV.

Разрѣшеніе вопроса, поставленнаго выше.

Безспорно, то уже — порокъ и слабость души усажда-
 даться своими дѣлами такъ, чтобы находить успокоеніе
 скорбе въ нихъ, чѣмъ отъ нихъ въ себѣ самой (ибо, безъ
 сомнѣнія, лучше совершеніе дѣлъ, чѣмъ самыя совершенныя
 дѣла). Поэтому Бгъ посредствомъ Писанія, которое говоритъ,
 что Онъ почилъ отъ всѣхъ, какія сотворилъ, дѣлъ Своихъ,
 внушаетъ намъ, что Онъ никакимъ дѣломъ Своимъ не
 усаждается такъ, какъ будто бы имѣлъ нужду въ его со-
 совершеніи, — что былъ бы блаженъ или меньше, если бы его не
 совершилъ, или больше, если бы совершилъ. А такъ какъ
 все отъ Него и при томъ въ такой степени, что обязано
 Ему всѣмъ, чѣмъ есть оно, самъ же Онъ ничему не обя-
 занъ тѣмъ, что блаженъ: то и предпочелъ Себя самаго ве-
 щамъ, которыя сотворилъ по любви, отличая не день, въ
 который завершилъ твореніе, чтобы не показалось, будто бы
 дѣла, какія Онъ намѣренъ былъ совершить, или уже совер-
 шилъ, увеличиваютъ Его радость, но день, въ который по-
 чилъ отъ нихъ въ самомъ Себѣ, самъ Онъ никогда и не
 выходилъ изъ покоя, но намъ показалъ его седмымъ днемъ,
 давая тѣмъ знать, что покой Его обрѣтается только совер-
 шенными, такъ какъ для внушенія мысли о немъ назначилъ
 день, который слѣдовалъ за совершеніемъ всего творенія.
 Ибо, будучи самъ всегда покоенъ, Онъ, показавъ, что по-
 чилъ, почилъ тогда въ насъ.

ГЛАВА XVI.

Покой Бога въ седьмой день отъ дѣлъ Своихъ.

Надобно обратить вниманіе и на то, что покой, кото-
 рымъ Богъ блаженъ въ самомъ Себѣ, надлежало сообщить и
 намъ, дабы мы могли понять, какимъ образомъ говорится о

Богъ, что Онъ въ насъ успокоивается, а говорится это по той только причинѣ, что Онъ въ Себѣ Самомъ сообщаетъ покой и намъ. Для правильно понимающихъ покой Бога—такой покой, который не имѣеть нужды ни въ чьемъ благѣ; отсюда, несомнѣненъ покой въ Немъ и нашъ, потому что мы дѣлаемся блаженными отъ того блага, какое представляетъ Собою Онъ, а не Онъ—отъ блага, какое представляемъ собою мы. Ибо и мы заключаемъ въ себѣ нѣкоторое благо, получивъ его отъ Него, сотворившаго все добро зѣло, въ ряду чего сотворены Имъ и мы. Вотъ почему, кромѣ Него, нѣтъ ничего добраго, чего бы не сотворилъ Онъ, а потому, кромѣ Себя самого, Онъ не нуждается ни въ какомъ благѣ, не имѣя нужды въ благѣ, Имъ Самимъ сотворенномъ. Таковъ покой Его отъ всѣхъ дѣлъ, которыя Онъ сотворилъ. Между тѣмъ, въ какихъ бы благахъ Онъ столь славно не нуждался, если бы не сотворилъ ничего? Конечно, и въ такомъ случаѣ Онъ могъ бы быть названъ ни въ чемъ не нуждающимся, не потому, что въ Себѣ Самомъ наслаждается покоемъ отъ дѣлъ, а просто потому, что не творить ничего. Но если бы Онъ не могъ сотворить добраго, то не обладалъ бы никакимъ могуществомъ, а если бы могъ, но не сотворилъ, то было бы это великою завистью. Отсюда, такъ какъ Онъ всемогущъ и благъ, то сотворилъ *вся добро зѣло*, а такъ какъ совершенно блаженъ благомъ въ Себѣ самомъ, то отъ дѣлъ, которыя сотворилъ, Онъ почилъ въ Себѣ самомъ, т. е. такимъ покоемъ, изъ коего никогда не выходилъ. Но если бы было сказано, что Онъ почилъ отъ дѣланія (a faciendis), тогда возможно бы было такое только пониманіе, что Онъ не творилъ. А если бы не сказано было, что Онъ почилъ отъ дѣлъ (a factis), въ такомъ случаѣ не съ такою бы силою выступала мысль, что Онъ не нуждается въ томъ, что сотворилъ.

Къ какому же дню, какъ не къ седьмому, надлежало приурочить воспоминаніе объ этомъ покоѣ Божіемъ? Это пойд-

меть всякій, кто припомнитъ, что совершенство шестеричнаго числа, о коемъ мы выше сказали, вполне приложимо къ совершенству творенія. Въ самомъ дѣлѣ, если твореніе должно было завершиться, какъ дѣйствительно и завершилось, въ шестеричное число и если надлежало внушить намъ мысль о покоѣ Божіемъ, какимъ, какъ доказано, Богъ блаженъ и помимо сотворенія твари: то надобно было, безъ сомнѣнія, освятить воспоминаніемъ день, слѣдующій за шестымъ,—день, въ который бы мы возбуждались желаніемъ сего покоя, дабы обрѣсти его въ Богѣ и намъ.

ГЛАВА XVII.

Нашъ покой въ Богѣ.

Но не благочестиво было бы подобіе, если бы мы захотѣли быть подобными Богу въ такой степени, чтобы въ себѣ самихъ почивать отъ всихъ дѣлъ, какъ Онъ почилъ въ Себѣ отъ Своихъ. Безъ сомнѣнія, мы должны искать покоя въ нѣкоемъ непреложномъ благѣ, а такимъ благомъ служить для насъ Онъ, сотворившій насъ. Отсюда, высшій, не горделивый и истинно благочестивый покой нашъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы какъ Онъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ потому, что благомъ, какимъ Онъ блаженъ, служить для Него не дѣла, а Самъ Онъ, такъ и мы должны надѣяться, что въ Немъ только обрѣтемъ отъ всѣхъ не только своихъ, но и Его дѣлъ покой послѣ дѣлъ своихъ, которыя въ насъ скорѣе—Его дѣла, чѣмъ наши; такъ что даже и въ этомъ случаѣ почиетъ собственно Онъ послѣ Своихъ добрыхъ дѣлъ, представляя въ Себѣ для насъ покой послѣ добрыхъ дѣлъ, какія мы сотворимъ, Имъ оправданные. Для насъ великое [благо], что мы произошли отъ Него, но большее будетъ [благо], что въ Немъ успокоимся. Въ свою очередь и Онъ блаженъ не потому, что сотворилъ насъ, а потому,

что, не нуждаясь въ сотворенномъ, почилъ скорѣе въ Себѣ самомъ, чѣмъ въ сотворенныхъ дѣлахъ.

Что же въ такой степени просто и легко для выраженія словомъ и въ тоже время высоко и трудно для уразумѣнія мыслию, какъ Богъ, почивающій отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Онъ сотворилъ? И гдѣ почивающій, если не въ самомъ Себѣ? И когда почивающій, если не всегда, въ ряду же дней, втеченіе которыхъ повѣствуется о совершеніи вещей, Имъ сотворенныхъ, и отъ которыхъ отличастся порядокъ покоя Божія, [почивающій] когда, если не въ седьмой день, слѣдующій за совершеніемъ ихъ? Ибо Онъ почиваетъ отъ дѣлъ совершенныхъ, нисколько не нуждаясь въ ихъ совершеніи, чтобы быть болѣе блаженнымъ.

ГЛАВА XVIII.

Почему седмой день имѣлъ утро, а вечера не имѣлъ.

И что касается Самого Бога, то для Его покоя нѣтъ ни утра, ни вечера, потому что покой этотъ ни началомъ не отърывается, ни заключается концемъ; въ разсужденіи же совершенныхъ дѣлъ Его утро имѣетъ, а вечера не имѣетъ: ибо совершенная тварь имѣетъ нѣкоторое начало своего обращенія къ покою своего Творца; но она не имѣетъ конца, какъ бы предѣла, своего совершенства, какъ тварь. Отсюда, покой Божій имѣетъ начало не для самого Бога, а для совершенства созданныхъ имъ вещей, чтобы все, что Имъ совершается, въ Немъ обрѣтало покой и имѣло утро; ибо въ своемъ собственномъ родѣ оно ограничено какъ бы вечеромъ, въ Богъ же не можетъ имѣть вечера, ибо ничего уже не будетъ совершеннѣе того совершенства.

Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ дняхъ, втеченіе которыхъ творилось все, мы приняли [выше] вечеръ въ смыслѣ окончанія созданія одной твари, а утро—начала новой. Отсюда, вечеръ пятого дня былъ предѣломъ твари, созданной въ

пятый день, а наступившее послѣ этого дня утро — началомъ созданія твари въ шестой день, послѣ котораго, когда она создана была, наступилъ вечеръ, какъ бы предѣлъ ея. И такъ какъ создавать ничего больше уже не оставалось, то послѣ этого вечера наступило такое утро, которое было уже не началомъ созданія новой твари, а началомъ покоя всей твари въ покоѣ Творца. Ибо небо и земля со всѣмъ, что на нихъ находится, т. е. вся духовная и тѣлесная тварь, пребываютъ не въ себѣ самихъ, а въ Томъ, о Коемъ сказано: *о Немъ живемъ, и движемся и есмь* (Дѣян. XVII, 28). И хотя каждая часть можетъ существовать въ цѣломъ, частью котораго она служить, однако само это цѣлое можетъ существовать только въ Томъ, Кѣмъ оно создано. Такимъ образомъ, наступившее послѣ вечера шестаго дня утро не будетъ страннымъ разумѣть такъ, что имъ обозначалось не начало новой твари, какъ въ прочихъ [дняхъ], а начало пребыванія и успокоенія всего созданнаго въ покоѣ Создавшаго. А этотъ покой не имѣетъ ни начала, ни предѣла, покой же твари начало имѣетъ, но предѣла не имѣетъ, и потому седьмой день для твари начался утромъ, но вечеромъ уже не заканчивается.

Ибо, если въ прочихъ дняхъ вечеръ и утро означаютъ такія же смѣны, какія время проходить ежедневно и теперь, то я не знаю, почему [бытописатель] не закончилъ и седьмаго дня вечеромъ, а его ночь — днемъ, сказавъ и въ настоящемъ случаѣ: „и бысть вечеръ и бысть утро день седьмый“, ибо и этотъ день — одинъ изъ тѣхъ семи дней, изъ повторенія коихъ составляются мѣсяцы, годы и вѣка; такъ что утро, которое слѣдовало за вечеромъ седьмаго дня, должно было быть началомъ осьмаго дня, на коемъ уже и слѣдовало, наконецъ, остановиться, потому что осьмой день — первый, къ которому возвращается и съ котораго опять начинается седмица. Отсюда вѣроятнѣе, что нынѣшніе семь дней, съ именами и числомъ тѣхъ дней, смѣняюсъ въ своемъ

теченіи новыми и новыми, составляютъ періоды времени; первые же шесть дней чередовались при самомъ твореніи вещей неизвѣстнымъ и необычнымъ для насъ образомъ и ихъ вечеръ и утро, какъ и самый свѣтъ и тѣма, т. е. день и ночь, не представляли той смѣны, какую представляютъ нынѣшніе дни, благодаря движенію солнца; по крайней мѣрѣ, такъ должны мы сказать относительно первыхъ трехъ дней, упоминаемыхъ и перечисляемыхъ раньше созданія свѣтила.

Отсюда, каковы бы въ тѣхъ дняхъ ни были вечеръ и утро, ни въ какомъ случаѣ однако не слѣдуетъ думать, что въ наступившее послѣ вечера шестаго дня утро получилъ начало покой Божій, дабы не явилось у насъ пустой и дерзкой мысли, что къ вѣчности и неизмѣняемости Бога прибавилось нѣкое временное благо; напротивъ, покой, какимъ Богъ поживаетъ въ самомъ Себѣ и блаженъ благомъ, какое представляетъ самъ для Себя, не имѣетъ ни начала, ни конца; по отношенію же къ произведенной Имъ твари этотъ же самый покой Божій имѣетъ уже начало. Ибо совершенство каждой вещи утверждается не столько на цѣломъ, частью котораго она служить, сколько на томъ, отъ Кого она существуетъ и въ Комъ существуетъ и само цѣлое, — утверждается въ мѣру своего рода, чтобы быть спокойною, т. е. сохранять свойственное ей мѣсто. Отсюда, и вся, совершенная втеченіе шести дней, совокупность твари иное имѣетъ въ себѣ самой и иное въ томъ порядкѣ, въ какомъ она существуетъ въ Богѣ, — существуетъ не какъ Богъ, однако же такъ, что покой собственной ея устойчивости заключается только въ покой Того, Кто, кромѣ самого Себя, не желаетъ ничего, съ полученіемъ бы чего могъ быть покойнымъ. И въ то время, какъ Онъ пребываетъ въ самомъ Себѣ, все, что отъ Него [происходитъ], возвращается къ Нему; такъ что всякая тварь въ себѣ самой имѣетъ предѣлъ своей природы, по которому она не то, что Онъ, а

въ Немъ—мѣсто покоя, въ коемъ Онъ сохраняетъ ее, чѣмъ она есть. Знаю, что слово *мѣсто* употребилъ я не въ собственномъ смыслѣ; ибо въ собственномъ смыслѣ оно прилагается къ пространствамъ, которыя занимаются тѣлами; но такъ какъ и тѣла остаются только на томъ мѣстѣ, до котораго они достигаютъ какъ бы стремленіемъ своей тяжести, чтобы на немъ оставаться уже въ спокойномъ состояніи, то не будетъ несообразностью перенести это слово съ тѣлеснаго на духовное, хотя духовное весьма отлично отъ тѣлеснаго.

Итакъ, тѣмъ утромъ, которое слѣдовало послѣ вечера шестаго дня, обозначается, по моему мнѣнію, начало твари въ покой Творца; ибо обрѣсти покой въ Немъ она могла только тогда, когда была совершенна, почему когда въ шестой день было совершено все, то послѣ вечера наступило такое уже утро, въ которое законченная тварь начала свой покой въ своемъ Творцѣ. А вмѣстѣ съ этимъ началомъ она обрѣла въ Себѣ самомъ почивающаго Бога, въ коемъ могла почить и сама,—почить тѣмъ тверже и крѣпче, чѣмъ болѣе она въ Немъ, а не Онъ въ ней, нуждалась для своего покоя. Но такъ какъ чѣмъ вся тварь ни будетъ послѣ всевозможныхъ своихъ измѣненій, безъ сомнѣнія ничѣмъ она уже не будетъ, то вся тварь будетъ вѣчно пребывать въ своемъ Творцѣ; а потому послѣ того утра и не было вечера.

ГЛАВА XIX.

Другое основаніе для объясненія, что седьмой день не имѣлъ вечера.

Мы сказали, почему седьмой день, въ который Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, послѣ вечера шестаго дня утро имѣлъ, а вечера не имѣлъ. Но относительно этого предмета возможно и другое, по моему мнѣнію, болѣе прямое и лучшее, но нѣсколько болѣе трудное для уясненія, пони-

маніе, именно—что покой Божій въ седьмой день имѣлъ не для твари, а для самого Бога утро безъ вечера, т. е. начало безъ конца. Въ самомъ дѣлѣ, если бы было сказано: *почи Богъ въ день седьмой*, но не прибавлено: *отъ встѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори*, въ такомъ случаѣ мы напрасно бы стали искать начала этого покоя. Богъ почивать не начинаетъ: Его покой безъ начала и конца, вѣченъ. Но такъ какъ Онъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Онъ сотворилъ, не нуждаясь въ нихъ, то хотя покой Его, дѣйствительно, не начинается, однако покой отъ всѣхъ дѣлъ, которыя Богъ сотворилъ, начался послѣ того времени, когда Онъ совершилъ [эти дѣла]. Ибо даже и не нуждаясь въ Своихъ дѣлахъ, Онъ могъ почить не раньше, чѣмъ они явились (хотя и въ совершенныхъ дѣлахъ Онъ не нуждался); а такъ какъ въ Своихъ дѣлахъ Онъ никогда нисколько не нуждался и Его блаженство, не нуждаясь въ нихъ, не будетъ, какъ бы возрастая, болѣе совершеннымъ, то за седьмымъ днемъ и не послѣдовало вечера.

ГЛАВА XX.

Сотворенъ ли седьмой день.

Но, безъ сомнѣнія, возможенъ и заслуживаетъ разсмотрѣнія вопросъ, какъ понимать, что Богъ почилъ въ самомъ Себѣ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя сотворилъ, когда написано: *и почи Богъ въ день седьмой*? Ибо не написано: „въ Себѣ самомъ“, а: *въ день седьмой*. Что же такое этотъ седьмой день—тварь-ли какая-нибудь, или же только пространство времени? Но и пространство времени сотворено вмѣстѣ съ временною тварью, почему и само оно безъ сомнѣнія—тварь. Ибо нѣтъ, не могло и не можетъ быть никакихъ временъ, творцомъ которыхъ бы не былъ Богъ; отсюда кто же сотворилъ седьмой день, если онъ—время, какъ не Творецъ всѣхъ временъ? Но съ какими тварями или въ

какихъ тваряхъ сотворены шесть первыхъ дней, это показываетъ предыдущая рѣчь священнаго Писанія. Посему въ порядкѣ вывѣшнихъ семи дней, видъ которыхъ намъ извѣстенъ и которые хотя и проходятъ, но передаютъ нѣкоторымъ образомъ свои имена другимъ, смѣняющимъ ихъ, днямъ, такъ что удерживаютъ имена шести [творческихъ] дней, мы знаемъ, когда были сотворены первые изъ нихъ; но когда сотворенъ Богомъ седьмой, называемый субботою, день, этого мы не видимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день Богъ не сотворилъ ничего, а отъ дѣлъ, которыя сотворилъ втеченіе шести дней, почилъ въ седьмой день. Какимъ же образомъ почилъ Онъ въ день, котораго не сотворилъ? Или какимъ образомъ сотворилъ его послѣ шести дней, когда въ шестой день Онъ закончилъ всѣ дѣла творенія, и въ седьмой не сотворилъ уже ничего, а почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ? Развѣ, можетъ быть, Богъ сотворилъ одинъ только день, такъ что чрезъ повтореніе его проходили многіе, такъ называемые, дни, и творить седьмой день не было уже надобности, потому что этотъ день образовался отъ седьмого повторенія того дня, который былъ сотворенъ? И дѣйствительно, свѣтъ, о которомъ написано: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, — этотъ свѣтъ Богъ отдѣлилъ отъ тьмы и назвалъ его днемъ, а тьму назвалъ ночью (Быт. I, 5). Тогда именно Богъ и сотворилъ тотъ день, повтореніе котораго Писаніе называетъ вторымъ днемъ, третьимъ и такъ до шестаго, въ который Богъ закончилъ дѣла Свои; седьмое повтореніе этого, первоначально сотвореннаго, свѣта и получило названіе седьмого дня, въ который Богъ почилъ. Отсюда, седьмой день не [новое] какое-либо твореніе, а то самое, въ седьмой разъ повторяющееся, твореніе, которое создано было, когда Богъ назвалъ свѣтъ днемъ, а тьму назвалъ ночью.

ГЛАВА XXI.

О свѣтъ, который до свѣтила служилъ причиною перемѣнъ дня и ночи.

Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ тому вопросу, съ которымъ выступали уже въ первой книгѣ, именно—какимъ образомъ свѣтъ могъ круговращаться для произведенія дневной и ночной перемѣнъ не только раньше свѣтила небесныхъ, но раньше, чѣмъ создано было самое небо, названное твердью, раньше даже какого-либо вида земли или моря, который бы обуславливалъ обращеніе свѣта и откуда бы этотъ свѣтъ отходилъ, когда наступала ночь. Въ виду трудности этого вопроса, мы осмѣлились [тогда] свести разсмотрѣніе его къ такому какъ бы мнѣнію, что этотъ, первоначально сотворенный, свѣтъ представляетъ собою стройность духовной природы, а ночь—матерію, еще долженствовавшую получить образование въ слѣдующемъ затѣмъ твореніи вещей,—матерію, которая основоположена была, когда Богъ въ началѣ сотворилъ небо и землю, прежде чѣмъ по Его слову созданъ былъ день. Но теперь, по поводу разсмотрѣнія седьмого дня, мы легче можемъ сознаться, что не знаемъ, какимъ образомъ названный днемъ свѣтъ обуславливалъ дневныя и ночныя перемѣны—своимъ-ли обращеніемъ, или сжиманіемъ, или разсѣяніемъ, если онъ—свѣтъ тѣлесный, или, если онъ—свѣтъ духовный, присутствовалъ при созданіи всѣхъ тварей и своимъ присутствіемъ провадилъ день, а отсутствіемъ—ночь, началомъ присутствія—утро, а началомъ отсутствія—вечеръ,—легче можемъ сознаться въ незнаніи этого, не подлежащаго нашимъ чувствамъ, предмета, нежели идти въ очевидномъ предметѣ противъ словъ божественнаго Писанія, говоря, что седьмой день есть нѣчто иное, чѣмъ седьмое повтореніе того дня, который сотворилъ Богъ. Въ противномъ случаѣ или Богъ не сотворилъ седьмаго дня, или же и послѣ шести дней сотворилъ

нѣчто, т. е. седьмой день, и, такимъ образомъ, ложно будетъ написанное, что Онъ въ шестой день совершилъ всѣ дѣла Свои и въ седьмой почилъ отъ нихъ. Но такъ какъ ложнымъ это, конечно, быть не можетъ, то остается [думать такъ], что при всѣхъ дѣлахъ твореніи повторялось присутствіе того свѣта, который Богъ назвалъ днемъ,—повтореніе столько разъ, сколько насчитано дней, со включеніемъ сюда и седьмого дня, въ который Богъ почилъ отъ дѣлъ Своихъ.

ГЛАВА XXII.

Какъ понимать, что духовный свѣтъ производилъ смуту дня и ночи.

Но такъ какъ мы не доискались, какимъ своимъ обращеніемъ, или приближеніемъ или же удаленіемъ тѣлесный свѣтъ раньше, чѣмъ создано было небо, называемое твердью, на которой устроены и свѣтила, могъ производить перемѣны дня и ночи: то не должны оставлять этого вопроса безъ разъясненія своего мнѣнія, что этотъ, первоначально сотворенный, свѣтъ—не тѣлесный, а духовный. Именно, какъ послѣ тьмы явился свѣтъ, при чемъ разумѣется свѣтъ, сдѣлавшій оборотъ отъ нѣкоторой своей безформенности къ Творцу и уже образовавшійся, такъ и послѣ вечера должно наступить утро, когда этотъ свѣтъ послѣ познанія своей собственной природы, поскольку онъ не то, что Богъ, возвращается къ прославленію того свѣта, который есть самъ Богъ и отъ созерцанія котораго онъ образуется. И такъ какъ прочія, послѣ него являющіяся, твари не являются помимо его познанія, то чрезъ все твореніе повторяется одинъ и тотъ же день; такъ что отъ повторенія его является столько дней, сколько въ сотворенныхъ вещахъ различается родовъ, число которыхъ должно было опредѣляться совершенствомъ шестеричнаго числа. Такъ, вечеръ перваго дня представляетъ собою познаніе [свѣта], что онъ—не то, что Богъ, а насту-

лившее послѣ вечера, заканчивающаго собою первый день и начинающаго второй, утро— его возвращеніе къ прославленію Творца за свое созданіе и воспріятію отъ Слова Бога познанія являющейся послѣ него твари, т. е. тверди, которая является сначала въ его познаніи, когда говорится: *и бысть тако*, а потомъ въ природѣ самой тверди, которая создается, когда къ уже сказанному прибавляется: *и бысть тако*. *И сотвори Богъ твердь*. Затѣмъ, наступаетъ вечеръ этого свѣта, когда онъ познаетъ твердь не въ Словѣ Бога, какъ прежде, а въ ея собственной природѣ; это познаніе, будучи меньшимъ, справедливо будетъ названо вечеромъ. Послѣ сего наступаетъ утро, которымъ заканчивается второй день и начинается третій; и это утро точно также представляетъ собою возвращеніе свѣта, т. е. сотвореннаго Богомъ дня, къ прославленію Бога за сотвореніе Имъ тверди, и воспріятіе отъ Слова Бога познанія твари, которая должна быть сотворена послѣ тверди. Поэтому, когда Богъ говоритъ: *да соберется вода, яже подѣ небесемъ, въ собраніе едино и да явится суша*, [дѣйствіе] это свѣтъ познаетъ въ Словѣ Бога, которымъ эти слова изрекаются, почему дальше и слѣдуетъ *и бысть тако*, т. е. [бысть] въ его познаніи отъ Слова Бога; затѣмъ, когда, не смотря на то, что уже было сказано: *и бысть тако*, прибавляется: *и собрися вода* и проч., твореніе это является уже въ своемъ собственномъ родѣ, и когда оно свѣтомъ, который раньше зналъ о немъ въ Словѣ Бога, познается въ собственномъ своемъ родѣ, является вечеръ въ третій разъ, и такъ далѣе, до наступившаго послѣ вечера шестаго дня утра.

ГЛАВА XXIII.

Познаніе вещей въ Словъ Бога и въ самихъ себѣ.

По этой причинѣ существуетъ большое различіе между познаніемъ вещи въ Словѣ Бога и познаніемъ ея въ соб-

ственной ея природѣ, такъ что первое по справедливости будетъ относиться ко дню, а послѣднее къ вечеру. И дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ свѣтомъ, который созерцается въ Словѣ Бога, всякое познаніе, коимъ мы познаемъ ту или другую тварь въ себѣ самой, не несправедливо можно назвать ночью; а это познаніе, въ свою очередь, настолько отлично отъ заблужденія или невѣжества тѣхъ, кто не знаетъ и самой твари, что въ сравненіи съ нимъ заслуженно называется днемъ. Подобнымъ образомъ жизнь вѣрныхъ, которая проводится ими въ сей плоти и въ семъ вѣвѣ, въ сравненіи съ жизнью невѣрныхъ и печестивыхъ не безъ основанія называется свѣтомъ и днемъ, по слову Апостола: *съте иногда тма. нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. V, 8), и другому: *отложимъ убо дѣла темная и облечемъ въ оружіе свѣта, яко во дни благообразно да ходимъ* (Рим. XIII, 12). Въ свою очередь и этотъ день въ сравненіи съ тѣмъ днемъ, въ который, сдѣлавшись равными Ангеламъ, мы увидимъ Бога, *якоже есть*, былъ бы ночью, если бы у насъ не было пророческаго свѣточа: почему Апостоль Петръ говоритъ: *имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, емуже внимающе якоже свѣтлму сіяюще въ темномъ мѣстѣ добръ творите, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Петра I, 19).

ГЛАВА XXIV.

Знаніе Ангеловъ.

Вотъ почему святые Ангелы, которымъ послѣ воскресенія будемъ подобны и мы (Мѡ. XXII, 30), если до конца удержимся на пути, какимъ служить для насъ Христось, постоянно видя лице Бога, а также наслаждаясь Словомъ, Его единороднымъ Сыномъ, равнымъ Отцу, и представляя первую сотворенную премудрость всего, знаютъ безъ сомнѣ-

вѣ всю тварь, въ ряду коей первоначально созданы и сами, прежде всего въ Слово́ Бога, въ которомъ, какъ все создаваемъ, заключаются вѣчныя идеи (rationes) всего, даже и созданнаго временнымъ образомъ, а затѣмъ—въ самой ея природѣ, взирая на нее какъ бы долу и возводя ее къ прославленію Того, въ непреложной истинѣ котораго первоначально созерцаютъ идеи, сообразно съ коими создана она. Тамъ [знаютъ они тварь] какъ бы днемъ, почему согласнѣйшее вслѣдствіе участія въ одной и той же Истинѣ единство ихъ и представляетъ собою первоначально сотворенный день, а здѣсь—какъ бы вечеромъ; но за этииъ вечеромъ (какъ это можно примѣчать во вѣхъ шести дняхъ) наступаетъ сейчасъ же утро, такъ какъ ангельское познаніе не остается въ твари такъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ не восходить къ прославленію и любви Того, въ Комъ познается не то, что уже сотворено, а то, что должно было создаваться; пребываніе въ этой Истинѣ и составляетъ день. Ибо если бы даже и ангельская природа, обратившись къ себѣ самой, услаждалась больше собою, нежели Тѣмъ, участіемъ въ Комъ она блаженна, то, надмеваясь гордостью, она бы пала, какъ и дьяволъ, о которомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ, когда надобно будетъ говорить о змѣ, оболѣстившемъ человѣка.

ГЛАВА XXV.

Почему втеченіе шести дней не упоминается ночь.

Такимъ образомъ, Ангелы знаютъ тварь въ собственной ея природѣ, но такъ, что по избранію и любви предпочитаютъ этому знанію знаніе твари въ Истинѣ, которою сотворено все, содѣлавшись причастными Ей. Поэтому втеченіе всѣхъ шести дней поименовывается не ночь, а, послѣ вечера и утра, день первый, затѣмъ, послѣ опять вечера и утра, день второй, далѣе, послѣ вечера и утра, день третій, и такъ до утра шестаго дня, съ котораго начинается седьмой

день покоя Божія, въ повѣствованіи упоминаются хотя и съ своими ночами, однако дни, а не ночи. Ибо ночь принадлежит дню, а не день—ночи въ томъ случаѣ, когда высшіе и святые Ангелы познаніе твари въ ея собственной природѣ относятъ къ славѣ и любви Того, въ Комъ созерцаютъ вѣчныя идеи (rationes), по которымъ сотворена она, и своимъ согласнѣйшимъ созерцаніемъ составляютъ единый, сотворенный Господомъ, день, къ которому присоединится и Церковь, освободившись отъ своего странствованія, такъ что и мы *возрадуемся и возвеселимся въ оны* (Псал. 117, 24).

ГЛАВА XXVI.

Какъ понимать число дней.

Итакъ, вся тварь совершена чрезъ шестикратное повтореніе того дня, вечеръ и утро котораго можно понимать въ вышеприведенномъ смыслѣ, и наступило утро, которымъ закончился шестой и начался седьмой день, не имѣвшій вечера. А вечера оны не имѣлъ потому, что покой Божій не относится къ той твари, которая, будучи втеченіе предыдущихъ дней создаваема, познавалась въ себѣ самой иначе, нежели въ томъ, въ истинѣ Бого она должна была создаваться, и какъ бы блѣдный видъ познанія которой составлялъ вечеръ. Отсюда, въ повѣствованіи о твореніи вещей подъ днемъ надобно разумѣть форму самаго творческаго дѣйствія, подъ вечеромъ—конецъ его, а подъ утромъ—начало новаго, чтобы не сказать вопреки Писанію, что кромѣ шести дней создана была тварь седьмаго дня; или что самъ седьмой день—не тварь; но чрезъ все дѣла творенія потворяется одинъ и тотъ же, сотворенный Богомъ, день,—повторяется не тѣлеснымъ обращеніемъ, а духовнымъ познаніемъ, когда блаженный сонмъ Ангеловъ первоначально созерцаетъ тварь въ Словѣ Бога, которымъ Богъ изрекаетъ: *да будетъ*, почему сначала она является въ познаніи Ангеловъ, когда говорится:

и бысть тако, а затѣмъ Ангелы познають ее въ ея собственной природѣ, что обозначается наступавшимъ вечеромъ, и, наконецъ, познание ея, уже сотворенной, относить къ прославленію Истины, въ которой раньше созерцали идею ея творенія, что обозначается наступавшимъ утромъ. Такимъ образомъ, чрезъ всѣ эти дни проходитъ одинъ день, который надобно понимать не въ смыслѣ обыкновенныхъ дней, которые, какъ мы видимъ, опредѣляются и исчисляются обращеніемъ солнца, а нѣкоторымъ инымъ образомъ, какового не могутъ быть чужды три первые дня, исчисляемые до созданія свѣтила. И такой порядокъ продолжался не до четвертаго дня, съ котораго мы могли бы мыслить обыкновенные уже дни, а до шестаго и седьмаго; такъ что гораздо иначе надобно понимать день и ночь, которые Богъ раздѣлилъ другъ отъ друга (Быт. I, 5), и иначе—день и ночь, которые должны раздѣляться другъ отъ друга уже свѣтилами, когда Богъ сотворилъ ихъ, говоря: *и да разлучаютъ между днемъ и между ночью* (Быт. I, 14). Этотъ день сотворилъ Онъ тогда, когда сотворилъ солнце, присутствіе котораго и производитъ его, а тотъ, первоначально сотворенный, день продолжался уже три дня, когда четвертымъ его повтореніемъ сотворены были свѣтила.

ГЛАВА XXVII.

Обыкновенные дни недѣли весьма не похожи на семь дней Бытія.

По этой причинѣ въ виду того, что не можемъ въ земной нашей смертности опытно знать тотъ день или тѣ дни, которые исчислялись его повтореніемъ, а если и можемъ достигнуть нѣкотораго ихъ пониманія, не должны оставаться при дерзкомъ мнѣніи, что уже нельзя имѣть о нихъ другаго, болѣе соответственнаго и вѣроятнаго, представленія,—мы должны думать такъ, что настоящіе семь

дней, составляя по примѣру тѣхъ дней недѣлю, изъ повторенія которой слагаются времена и каждый день которой продолжается отъ восхода до захода солнца, представляютъ собою нѣкую смѣну творческихъ дней, но такъ, что не подобны имъ, а несомнѣнно во многомъ отъ нихъ отличны.

ГЛАВА XXVIII.

Объясненіе, данное свѣту и духовному дню, не слѣдуетъ считать несобственнымъ и фигуральнымъ.

И пусть никто не думаетъ, что сказанное мною о духовномъ свѣтѣ, о днѣ сотворенномъ и ангельской твари, о созерцаніи, какое имѣеть она въ Словѣ Бога, о познаніи, каковыя познается тварь въ себѣ самой и возведеніи ея къ славѣ непреложной Истины, въ коей созерцалась идея творенія вещи, которая потомъ познавалась, какъ уже сотворенная, совпадаетъ съ пониманіемъ дня, вечера и ночи не въ собственномъ, а какъ бы въ фигуральномъ и аллегорическомъ смыслѣ. То правда, что въ сравненіи съ обыкновеннымъ ежедневнымъ и тѣлеснымъ свѣтомъ тотъ свѣтъ надобно понимать иначе, однако-жь и не такъ, чтобы первый былъ свѣтомъ въ собственномъ, а послѣдній—въ фигуральномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ свѣтъ лучше и вѣрнѣе, тамъ истиннѣе и день: почему же не будутъ тамъ болѣе истинными и вечеръ и утро? Ибо если въ нынѣшнихъ дняхъ свѣтъ склоняется къ западу, что мы называемъ именемъ вечера, и снова возвращается на востокъ, что называемъ мы утромъ: почему же не назвать и тамъ вечеромъ того, когда [тотъ свѣтъ] отъ созерцанія Творца обращается къ разсматриванію твари, а утромъ—того, когда отъ познанія твари онъ восходитъ къ прославленію Творца? Вѣдь и Христосъ называется свѣтомъ (Іоан. VIII, 12) не въ томъ значеніи, въ какомъ называется камнемъ (Дѣян. IV, 11), но свѣтомъ—въ собственномъ, а камнемъ, очевидно, въ фигу-

ральному смыслѣ. Но кто относительно исчисления тѣхъ дней не удовлетворится тѣмъ мнѣніемъ, какое мы по своимъ силамъ могли себѣ составить и измыслить, и станетъ искать другого, которое бы могло быть понимаемо не фигурально, въ пророчествѣ, а въ собственномъ и лучшемъ смыслѣ пастоящаго порядка вещей, тотъ пусть ищетъ и съ помощью свыше находить. Можетъ статься, что и я самъ найду, можетъ быть, иное, болѣе соответствующее словамъ божественнаго Писанія, мнѣніе. Ибо я не настаиваю на своемъ мнѣніи въ такой степени, чтобы не допускалъ возможности найти другое, заслуживающее предпочтенія, мнѣніе, какъ настаиваю на томъ, что священное Писаніе не хотѣло внушать намъ мысли, чтобы покой Божій послѣдовалъ за утомленіемъ или тягостями работы.

ГЛАВА XXIX.

День, вечеръ и утро въ Ангельскомъ познаніи.

Отсюда, кто-нибудь, оспаривая меня, можетъ, пожалуй, сказать, что Ангелы высшихъ небесъ не постепенно созерцаютъ сначала идеи (rationes) въ непреложной истинѣ Слова Бога, затѣмъ—самыя твари и, наконецъ, познаніе ихъ въ самихъ себѣ относятъ къ прославленію Творца, а умъ ихъ съ удивительною легкостью можетъ обнимать все это однимъ разомъ. Но неужели кто-нибудь скажетъ, или, если скажетъ, мы должны его слушать, что небесный градъ, [состоящій] изъ тысячей Ангеловъ или не созерцаетъ вѣчности Творца, или не знаетъ измѣняемости твари, или же послѣ нѣкотораго низшаго познанія ея не прославляетъ Творца? Пусть все это они могутъ дѣлать и дѣлаютъ однимъ разомъ, но все же таки могутъ и дѣлаютъ. Отсюда, и день, вечеръ и утро они имѣютъ однимъ разомъ.

ГЛАВА XXX.

Познаніе ангельское нисколько не становится ниже, хотя въ немъ есть и вечеръ и утро.

И мы не должны опасаться, чтобы кто-нибудь, способный возвыситься своею мыслию до подобаго предмета, подумать могъ, будто такого порядка не можетъ быть тамъ потому, что его не бываетъ въ нашихъ дняхъ, которые происходятъ вслѣдствіе обращенія нашего солнца. Правда, его не можетъ быть въ однихъ и тѣхъ же частяхъ земли, но кто-жь не знаетъ, что міръ, взятый въ своемъ цѣломъ объемѣ, имѣетъ въ одно и тоже время и день, гдѣ есть солнце, и ночь, гдѣ нѣтъ солнца, и вечеръ, откуда оно уходитъ, и утро, куда оно восходитъ? Заразъ всего этого на землѣ мы, конечно, не можемъ имѣть, однако на этомъ основаніи не должны еще приравнивать земной порядокъ вещей и временно-пространственное обращеніе матеріальнаго свѣта къ тому духовному отечеству, гдѣ существуетъ постоянный день въ созерцаніи непреложной Истины, всегдашній вечеръ — въ познаніи твари въ ея собственной природѣ, всегдашнее утро — въ возвращеніи отъ этого познанія къ славѣ Творца. Ибо вечеръ происходитъ тамъ не отъ удаленія высшаго свѣта, а различенія [отъ него] низшаго познанія; въ свою очередь, и утро не должно тамъ смѣнять какъ бы ночь незнанія утреннимъ знаніемъ, а [состоитъ въ томъ], что даже и вечернее познаніе оно возносить въ похвалу Создателя. Такъ, и онъ, не упоминая ночи, говоритъ: *вечеръ, и завтра и полудне поюмъ, и възвѣщу, и услышитъ гласъ мой* (Псал. 54, 18), обозначая этою хотя и смѣною временъ, какъ мнѣ думается, то, что безъ смѣны временъ происходитъ въ томъ отечествѣ, котораго жаждало его странствованіе.

ГЛАВА XXXI.

Какимъ образомъ въ началѣ творенія вещей въ ангельскомъ познаніи не разомъ были день, вечеръ и утро.

Но если ангельское общество и единство сотвореннаго Богомъ дня проводить и имѣть день, вечеръ и утро однимъ

разомъ теперь, то неужели оно имѣло ихъ однимъ же разомъ и тогда, когда творилось все? Не воспринималось-ли втеченіи всѣхъ шести дней, когда создавалось то, что было угодно Богу сотворить порознь, — не воспринималось-ли оно Ангелами сначала въ Словѣ Бога, такъ что возникало прежде всего въ ихъ познаніи, когда изрекалось: *и бысть тако*; затѣмъ, когда являлось оно, какъ уже сотворенное, въ той своей природѣ, по которой существуетъ и было угодно Богу, какъ добро зѣло, оно подобнымъ же образомъ познавалось другимъ низшимъ нѣкоторымъ познаніемъ ихъ, которое обозначается [у бытописателя] именемъ вечера, и, наконецъ, послѣ вечера наступало утро, когда Ангелы прославляли Бога за это Его дѣло и получали отъ Слова Бога познаніе другой, слѣдующей по порядку своего явленія къ бытію, твари? Отсюда, день, вечеръ и утро тогда являлись не разомъ, а порознь, въ томъ порядкѣ, въ какомъ повѣствуетъ Писаніе.

ГЛАВА XXXII.

Хотя въ познаніи Ангеловъ было тогда все однимъ разомъ, однако не безъ нѣкотораго порядка.

Но не было-ли все это разомъ уже и тогда не въ смыслѣ моментовъ времени, какъ происходятъ наши дни, когда восходитъ солнце и заходитъ и въ мѣсто свое возвращается, а въ смыслѣ духовной силы ангельскаго ума, съ величайшею легкостью обнимающаго все, что онъ [познать] захочетъ? — Однако-жь, и не безъ порядка, который является связью предыдущихъ и послѣдующихъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть и познанія, если ему не предшествуетъ то, что должно быть познаваемо; а это познаваемое существуетъ раньше въ Словѣ, которымъ все сотворено, нежели во всемъ, что Имъ сотворено. Поэтому, человѣческій умъ сначала изслѣдуетъ сущее при помощи тѣлесныхъ чувствъ и составляетъ о немъ познаніе сообразно съ своею слабостью, а потомъ отыскиваетъ его причины, если только въ состояніи доходить до причинъ, первоначально и неиз-

мѣнно пребывающихъ въ Словѣ и, такимъ образомъ, видѣть невидимое Его, творени помышляемо (Рим. 1, 20). И кто не знаетъ, съ какою медленностью и трудностью и въ какое продолжительное время человѣческій умъ приобрѣтаетъ это познаніе, по причинѣ вѣсющаго тѣла, стягивающаго душу (Прем. IX, 15), даже и такую, которая проникнута пламеннѣйшимъ стремленіемъ настойчиво и упорно приобрѣсти его? Между тѣмъ, соединенный съ Словомъ Бога чистѣйшею любовью, ангельскій умъ, будучи сотворенъ раньше остальныхъ тварей, созерцалъ ихъ прежде, чѣмъ онѣ получили бытіе, въ Словѣ Бога, и, такимъ образомъ, все, что должно было получить бытіе, сначала возникало въ познаніи Ангеловъ, когда Богъ нарекалъ его къ бытію, а потомъ являлось въ своей собственной природѣ, дѣлаясь и въ этомъ случаѣ предметомъ познанія Ангеловъ, но познанія уже меньшаго, которое называется [у бытописателя] вечеромъ. Это познаніе предшествовалось тою тварью, которая получала бытіе, такъ какъ все, что можетъ быть познаваемо, предшествуетъ познанію. Ибо если познаваемое раньше не существуетъ, оно и не можетъ быть познаваемо. Если [ангельскій умъ] послѣ этого [познанія] оставался бы довольнымъ собою въ такой степени, что услаждался бы больше самимъ собою, чѣмъ Творцомъ, то не было бы утра, т. е. умъ ангельскій не восходилъ бы отъ этого своего познанія къ прославленію Творца. Между тѣмъ, съ наступленіемъ утра должна была создаваться и познаваться новая тварь, когда изрекалось Богомъ: *да будетъ*; такъ что эта тварь сначала опять являлась въ ангельскомъ познаніи, когда говорилось: *и бысть тако*, а затѣмъ—въ собственной своей природѣ, когда наступалъ вечеръ.

Такимъ образомъ, хотя при этомъ не было никакихъ промежутковъ времени, однако всему предшествовала идея созданія твари въ Словѣ Бога, когда Онъ изрекъ: *да будетъ свѣтъ*! И въ слѣдъ за этими словами явился тотъ свѣтъ, изъ котораго образовался ангельскій умъ, — явился въ своей

собственной природѣ, а не возникъ откуда-нибудь со стороны, чтобы получить бытіе. Поэтому не сказано раньше: *и бысть тако*, а потомъ: „и сотвори Богъ свѣтъ“, но вслѣдъ же за Словомъ Бога явился и свѣтъ, и [этотъ] сотворенный свѣтъ приобщился къ творческому Свѣту, созерцая Его и въ Немъ себя, т. е. ту идею, по которой сотворенъ. Но онъ созерцалъ себя и въ себѣ, т. е. въ отличіи себя, какъ тварь, отъ Творца. Отсюда, когда *видѣ Богъ свѣтъ, яко добро*, и когда свѣтъ отдѣленъ былъ отъ тьмы и названъ днемъ, а тьма—ночью, явился и вечеръ, потому что необходимо было и такое познаніе, которымъ бы тварь отличалась отъ Творца, познавая себя въ самой себѣ иначе, нежели въ Немъ; а за вечеромъ наступило утро, дабы то, что должно было чрезъ Слово Бога явиться послѣ свѣта къ бытію, сначала явилось въ познаніи ангельскаго ума, а затѣмъ—въ природѣ самой тверди. Поэтому Богъ сказалъ: *да будетъ твердь и—бысть тако* въ познаніи духовной твари, знавшей о томъ раньше, чѣмъ твердь явилась въ себѣ самой. Затѣмъ *сотвори Богъ твердь*, т. е. самую уже природу тверди, познаніе которой было низшимъ, какъ бы вечернимъ; и такъ до конца всѣхъ дѣлъ [творенія], до самаго покоя Божія, который не имѣетъ конца, потому что онъ не сотворенъ, какъ тварь, чтобы о немъ могло быть двойное познаніе—болѣе раннее и какъ бы большее, въ Словѣ Бога, какъ во дни, и позднѣйшее и меньшее, въ себѣ самомъ, какъ въ вечеру.

ГЛАВА XXXIIII.

Заразъ-ли сотворено все, или въ промежутки дней.

Но если ангельскій умъ разомъ можетъ обнимать все, что въ рѣчи передается по-одиночкѣ въ порядкѣ связанныхъ причинъ, то неужели и то, что являлось къ бытію, именно—твердь, собраніе водъ, обнаженный видъ земли, произрастаніе кустарниковъ и деревъ, образованіе свѣтилъ и звѣздъ, водныя и земныя животныя,—все это явилось однимъ разомъ,

или же въ промежутки времени, втеченіе предназначенныхъ дней? Развѣ, можетъ быть, все это, когда оно учреждалось первоначально, мы должны мыслить не съ точки зрѣнія его естественныхъ движеній, какъ наблюдаемъ это теперь, а согласно удивительной и неизреченной силѣ Премудрости Божіей, которая *досязаетъ отъ конца даже до конца крѣпко и управляетъ вся благо* (Прем., VIII, 1)? Премудрость же досязаетъ [отъ конца до конца], конечно, не шагами, или доходитъ какъ бы ногами. Поэтому насколько для нея легко и въ высшей степени успѣшно движеніе, настолько же легко создалъ все и Богъ, создавъ все при посредствѣ Ея; почему и то, что, какъ мы видимъ теперь, движется въ промежуткахъ времени въ достиженію свойственнаго каждому роду предѣла, возникаетъ изъ тѣхъ присутствующихъ ему идей, которыя Богъ разсѣялъ, какъ сѣмена, въ моментъ созданія, когда Онъ *рече и быша, повелѣ и создашеса* (Псал. 39, 9).

Такимъ образомъ, что медленно [теперь], сотворено безъ медленности; и самые вѣва созданы не съ тою медленностію, съ какою они проходятъ [теперь]. Въ самомъ дѣлѣ, времена проходятъ тѣ числа, которыя они получили не временнымъ образомъ, когда создавались. Въ противномъ случаѣ, если бы въ отношеніи къ тому [моменту], когда первоначально было создано все Словомъ Бога, мы стали прилагать естественныя движенія вещей и обыкновенныя пространства дней, которые мы видимъ [теперь], то потребовался бы не одинъ, а многіе дни, чтобы все, что при помощи борней произрастаетъ изъ земли и покрываетъ землю, сперва пускало ростокъ подъ землю, а затѣмъ въ извѣстное число дней, сообразно своему роду, выходило наружу, хотя бы даже стать тѣмъ, что, какъ совершившееся въ одинъ, т. е. третій, день, передаетъ намъ Писаніе о сотворенной природѣ [растений]. Затѣмъ, сколько дней надобно было, чтобы полетѣли птицы, если только, начавъ съ своихъ зародышей, онѣ достигали до

пуха и перьевъ въ теченіе свойственнаго ихъ природѣ человаго срока (numeros)? Развѣ, можетъ быть, сотворены были только лишь яйца. когда въ пятый день связано, чтобы воды извели всякое летающее пернатое по роду своему? А если можно и правильно сказать такъ потому, что во влагѣ яицъ заключалось уже все, что въ известное число дней изъ нихъ выростаетъ и развивается. — что имъ присущи были самыя числовыя идеи (гайюнес), безтѣлесно соединенныя съ тѣлесными вещами: то почему же нельзя сказать того же и еще раньше яицъ, когда тѣ же самыя идеи заключались уже во влажной стихіи. — идеи, сообразно съ которыми летающія могли произойти и развиться въ теченіе свойственныхъ каждому ихъ роду числовыхъ сроковъ (numeros)? Ибо о Творцѣ, о которомъ Писаніе передаетъ намъ, что Онъ совершилъ все дѣла Свои въ шесть дней, въ другомъ мѣстѣ и конечно не въ разладъ съ этимъ, написано, что Онъ *созда вся обще* (Сир. XVIII. 1). Откуда. Кто создалъ все разомъ, Тотъ разомъ же сотворилъ и тѣ шесть или семь дней, или лучше — одинъ, шесть или семь разъ повторившійся, день. Почему же нужно было говорить съ такою раздѣльностью и такимъ порядкомъ о шести дняхъ? А потому, что тѣ, которые не въ состояніи понять написаннаго: *созда вся обще*, не могутъ, если рѣчь не идетъ нѣсколько медленнѣе, доходить до того, куда она ведетъ ихъ.

ГЛАВА XXXIV.

Все создано разомъ и тѣмъ не менше въ шесть дней.

Какимъ же образомъ говоримъ мы о повторявшемся шесть разъ чрезъ ангельское познаніе присутствіи того свѣта съ вечера до утра, когда для него достаточно было и однажды имѣть разомъ и день, и вечеръ, и утро: день, когда онъ созерцалъ всю тварь разомъ, какъ разомъ же и сотворена она, въ тѣхъ ея первыхъ и неизмѣнныхъ идеяхъ, сообразно съ коими она создавалась потомъ, — вечеръ, когда онъ познавалъ тварь въ ея собственной природѣ и, наконецъ,

утро, когда отъ этого низшаго познанія онъ восходилъ къ прославленію Творца? Или какимъ образомъ предшествовало въ немъ утро, такъ что онъ въ Словѣ познавалъ имѣвшее потомъ явиться къ бытію, а затѣмъ тоже тоже самое познавалъ вечеромъ, какъ скоро ничто не сотворено раньше и позже, будучи все сотворено разомъ?—Напротивъ чтоъ рассказывается на протяженіи шести дней, сотворено одно раньше, другое позже, но, съ другой стороны, все создано и разомъ: потому что какъ то Писаніе, которое повѣствуетъ о дѣлахъ Бога на протяженіи шести дней, такъ и то, которое говоритъ, что Богъ все создалъ разомъ, истинно и оба они едино, потому что написаны по внушенію единаго Духа истины.

Но по отношенію къ предметамъ, въ области которыхъ промежутками времени не указывается, что въ нихъ раньше или позже, хотя и можно сказать и то и другое, т. е. и *разомъ* и *прежде или позже*, однако намъ легче понять первое, нежели послѣднее. Такъ, когда мы наблюдаемъ восходящее солнце, взоръ нашъ, очевидно, можетъ дойти до него не иначе, какъ протекши все, лежащее между нами и солнцемъ, пространство воздуха и неба: но кто въ состояніи опредѣлить это разстояніе? Во всякомъ случаѣ до воздуха, который простертъ надъ моремъ, зрѣніе или лучъ нашихъ глазъ можетъ дойти не иначе, какъ напередъ проникши до воздуха, простертаго надъ землей отъ того пункта, гдѣ въ такой или иной сторонѣ твердой земли мы находимся, до береговъ моря. Затѣмъ, если по той же линіи нашего зрѣнія за моремъ лежатъ еще земли, то и до того воздуха, который простертъ надъ этими, за моремъ лежащими, землями взоръ нашъ можетъ проникнуть не иначе, какъ пробѣжавъ напередъ пространство воздуха, простертаго надъ моремъ. Допустимъ, что за этими, по ту сторону моря лежащими, землями нѣтъ уже ничего, кромѣ океана: неужели нашъ взоръ можетъ проникнуть и въ простертый надъ океаномъ воздухъ иначе, а не пробѣжавъ сначала части воздуха, простертаго надъ землей по эту сторону океана? Величина

океана, какъ говорятъ, безмѣрна; но какова бы она ни была, лучи нашихъ глазъ необходимо должны сначала проникнуть тотъ воздухъ, который простертъ надъ океаномъ, а потомъ — воздухъ, простертый по другую его сторону, и тогда, наконецъ, они достигнуть уже до солнца, которое мы наблюдаемъ. Неужели весь этотъ путь наше зрѣніе проходитъ не разомъ, въ одно мгновеніе, хотя мы въ этомъ случаѣ и употребили нѣсколько разъ выраженіе *раньше и послѣ*? Въ самомъ дѣлѣ, если бы, закрывъ глаза, мы поставили свое лицо противъ солнца, съ цѣлію посмотрѣть на него, и потомъ сейчасъ глаза открыли, не подумаемъ-ли мы скорѣе такъ, что застали уже свое зрѣніе тамъ, нежели такъ, что провели его туда; такъ что самые глаза наши, повидимому, открылись не раньше, чѣмъ зрѣніе наше достигло солнца, къ которому было направлено? А этотъ, выходящій изъ нашихъ глазъ и столь отдаленнаго предмета достигающій съ такою скоростью, что ея нельзя опредѣлить и съ чѣмъ-нибудь сравнить, лучъ—лучъ тѣлеснаго свѣта. Онъ же проходитъ и всѣ вышеупомянутыя безмѣрныя пространства разомъ и въ одно мгновеніе, хотя несомнѣнно, что проходитъ ихъ одни прежде, другія послѣ.

Апостоль, желая выразить скорость нашего воскресенія, сказалъ справедливо, что оно будетъ во мгновеніе ока (1 Кор. XV, 52). Ибо въ движеніяхъ или мгновеніяхъ тѣлесныхъ вещей нельзя указать ничего болѣе скорого. Но если зрѣніе тѣлесныхъ глазъ обладаетъ такою быстротою, то какою же быстротою обладаетъ зрѣніе ума человѣческаго, а тѣмъ болѣе ангельскаго? А что же сказать о быстротѣ Премудрости самого всевышняго Бога, которая *проницаетъ сквозь всяческую ради своей чистоты... и ничтоже осквернено на ню нападаетъ* (Прем. VII, 24, 25)? Отсюда, въ томъ, что сотворено разомъ, никто не можетъ видѣть, что должно было явиться прежде, а что послѣ, иначе какъ въ той Премудрости, которою все создано въ порядкѣ, разомъ.

ГЛАВА XXXV.

Заключеніе о дняхъ Бытія.

Итакъ, первоначально сотворенный Богомъ день, если онъ — ангельская тварь, т. е. тварь пренебесныхъ Ангеловъ и Сяль, присутствовалъ при всѣхъ дѣлахъ Божіихъ, а присутствовалъ онъ при нихъ своимъ знаніемъ, какимъ онъ познавалъ, съ одной стороны, напередъ въ Словѣ Бога то, что должно было создаваться. съ другой — въ самой, потому, твари уже сотворенное, — познавалъ не въ порядкѣ промежутокъ времени, а имѣя въ связи тварей одно раньше, другое позже, въ дѣйствии же Творца все — разомъ. Ибо что Богъ намѣренъ былъ сотворить, Онъ сотворилъ такъ, что не временнымъ образомъ создавалъ временное, а созданное Имъ началъ проходить времена. Поэтому нынѣшніе семь дней, которые производятъ своимъ кругообращеніемъ свѣтъ небеснаго тѣла, сообразно съ этою своего рода тѣнью [своего] значенія, понуждаютъ насъ искать тѣхъ дней, когда сотворенный духовый свѣтъ могъ присутствовать при всѣхъ дѣлахъ Божіихъ согласно совершенству шестеричнаго числа. Отсюда, седьмой день покоя Божія утро имѣлъ, а вечера не имѣлъ. Это значить не то, что Богъ почилъ въ седьмой день, какъ бы нуждаясь въ этомъ днѣ для Своего покоя, а то, что Онъ почилъ отъ всѣхъ, какія сотворилъ, дѣлъ Своихъ и, конечно, не въ чемъ-либо иномъ, какъ въ самомъ Себѣ не сотворенномъ, предъ очами Своихъ Ангеловъ, т. е. такъ, что ангельская Его тварь, которая присутствовала, какъ бы день съ вечеромъ, при всѣхъ дѣлахъ Его, познавая ихъ въ Немъ и въ нихъ самихъ, послѣ этихъ *добрыхъ зло* дѣлъ Его ничего уже больше не познавала, кромѣ самого Его, почившаго въ самомъ Себѣ отъ всѣхъ дѣлъ и ни въ одномъ изъ нихъ не нуждающагося, чтобы быть болѣе блаженнымъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
I. Объ истинной религіи. Одна книга. I—LV гл.	1—102
II. О книгѣ Бытія, буквально („книга не окон- ченая“). I—XVI гл.	103—152
III. О книгѣ Бытія, буквально, въ 12-ти книгахъ:	
Кн. I, 1—21 гл.	153—185
Кн. II, 1—17 гл.	186—218
Кн. III, 1—24 гл.	219—249
Кн. IV, 1—25 гл.	250—296
